

Уровень жизни населения регионов России

2023 Том 19 №1

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 года Выходит 4 раза в год DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1

ISSN: 1999-9836 ISSN: электронной версии 2713-3397

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич — д-р экон. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ, глав. науч. сотрудник, зав. Сектором соц.-эконом. исслед. качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; дир. Научного центра экономики труда Российского эконом. ун-та им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна — канд. экон. наук, независ. исслед.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна — канд. экон. наук, стар. науч. сотр. Сектора соц.-эконом. исслед. качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Мачехлян Гарри Григорьевич — канд. экон. наук, доц., незав. исслед.

Одинцова Елена Валерьевна — канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Сектора соц.-эконом. исслед. качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; вед. науч. сотр. Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна — канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Сектора соц.-эконом. исслед. качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; вед. науч. сотр. Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич — мл. науч. сотр. Сектора соц.-эконом. исслед. качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Бурак Пётр Иосифович — академик РАН, д-р экон. наук, проф., вице-президент РАН, дир. Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич — д-р экон. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ, советник ген. дир. ВНИИ труда Минтруда России, глав. ред. журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, дир. Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович — д-р экон. наук, проф., проф. Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Россия

Гринберг Руслан Семёнович — член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, проф., науч. руковод. Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич — академик РАН, д-р экон. наук, проф., вице-президент РАН, Россия

Куклин Александр Анатольевич — д-р экон. наук, гл. науч. сотр. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна — д-р экон. наук, проф., гл. науч. сотр., руковод. науч. направ. «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна — д-р экон. наук, зам. дир. Института экономики РАН по научной работе, Россия

Одегов Юрий Геннадьевич — д-р экон. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ, гл. науч. сотр. науч. шк. «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Рыбаковский Леонид Леонидович — д-р экон. наук, проф., гл. науч. сотр. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Суббото Александр Иванович — д-р экон. наук, д-р филос. наук, канд. тех. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ, проф. Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, почёт. през. Ноосферной общественной академии наук, руковод. Философского Совета Русского Космического Общества, вице-през. Петровской академии наук и искусств, Россия

Тощенко Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. гр. исслед. социокультурной динамики, почёт. д-р Института социологии РАН, зав. кафедрой теории и истории социологии социологи-

ческого факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери, Марко — д-р полит. наук, проф., ген. дир. Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

Хепп, Рольф — д-р социол. наук, проф. Свободного Берлинского ун-та, Германия

Херрманн, Петер — д-р социол. наук, проф., науч. сотр. Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов, Булат Доскалиевич — д-р экон. наук, акад. Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доц., советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич — канд. экон. наук, вед. науч. сотр. Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна — д-р экон. наук, зам. дир. по науч. раб. Института соц.-эконом. проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета, Россия

Архангельский Владимир Николаевич — канд. экон. наук, зав. сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич — д-р социол. наук, доц., дир. Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Золотов Александр Владимирович — д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна — д-р экон. наук, проф., зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна — д-р социол. наук, доц., проф. Департамента социологии Финансового университета, Россия

Леонидова Галина Валентиновна — канд. экон. наук, доц., вед. науч. сотр., зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна — д-р экон. наук, вед. науч. сотр. Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; доц., проф. кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мацуляк Иван Дмитриевич — д-р экон. наук, проф., заслуж. деятель науки РФ, проф. кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна — д-р экон. наук, доцент, вед. науч. сотр. Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна — д-р социол. наук, доц., проф. Департамента социологии Финансового университета, Россия

Симонова Марина Викторовна — д-р экон. наук, доц., зав. кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна — д-р экон. наук, гл. науч. сотр., зав. Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Тюриков Александр Георгиевич — д-р социол. наук, проф., руковод. Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна — д-р экон. наук, гл. науч. сотр., зав. Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

Ярашева Азиза Викторовна — д-р экон. наук, проф. РАН, гл. науч. сотр., зав. лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, ведущий аналитик Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова, Ралица — канд. экон. и социол. наук, представитель Европейского культурного маршрута «Лонгобардские пути через Европу», чл. Международного науч. комитета «Амелио Тальяферри» (Италия), чл. редак. комитета онлайн-журнала по истории и историографии «Storia e Futuro» (Италия), чл. Европейской сети регионального мониторинга рынка труда (EN RLMM), чл. Европейского консорциума политических исследований (Великобритания), Болгария

Чоба, Юдит — канд. социол. наук, проф. социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА
**«СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВУ: ДЕМОГРАФИЯ,
ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ»**

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5
ДЕМОГРАФИЯ	9
<i>Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л.</i> Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату.....	9
<i>Леденева В.Ю., Мищук С.Н.</i> Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию.....	25
ЭКОНОМИКА	36
<i>Яковлева Н.Г.</i> Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала.....	36
<i>Мачхелян Г.Г.</i> Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России.....	47
<i>Одогов Ю.Г., Гретченко А.И.</i> Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти?.....	61
<i>Александрова О.А., Файман Н.С.</i> Критерии неустойчивости занятости научно-педагогических кадров.....	70
<i>Синица А.Л.</i> Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 1).....	86
<i>Одинцова Е.В.</i> Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств.....	99
<i>Симонова М.В.</i> Обоснование создания туристско-рекреационного кластера для развития трудового потенциала территории.....	112
СОЦИОЛОГИЯ	125
<i>Воробьева И.В.</i> Социально-трудовое положение самозанятых работников.....	125
ФИЛОСОФИЯ	138
<i>Субетто А.И.</i> Философская система ноосферизма.....	138
КНИЖНАЯ ПОЛКА	141
<i>Бобков В.Н., Одинцова Е.В.</i> Универсальный базовый доход: шанс для России?.....	141
ПАМЯТЬ ОБ УЧЁНОМ	144
<i>Бобков В.Н.</i> Маликов Николай Серафимович.....	144

При перепечатке ссылка на журнал

«Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 15.03.2023.

Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 648.

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.

Телефон +7 499 125 8445

E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»

Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164

Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143

Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:

Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199

Readera: <https://readera.org/vcugjournal>

ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>

CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2023 Vol. 19 No.1

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Issued since 1992 on a quarterly basis DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1

ISSN: 1999-9836 (print) ISSN: 2713-3397 (online)

FOUNDER

Federal State Budget Institution of Science — RAS INSTITUTE OF ECONOMICS
Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD
Bobkov, Vyacheslav Nikolayevich — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna — PhD in Economics, Independent Researcher

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF - EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evich — PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Odintsova, Yelena Valer'yevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevich — Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Life at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch — Vice-President of RANS, RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevich — Doctor of Economics, Corresponding Member of RAS, Director of the RAS Institute of Economics, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch — Doctor of Economics, Professor, Professor of the National Research University — Higher School of Economics, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of RAS, Scientific Manager of the RAS Institute of Economics, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch — Vice-President of RAS, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevich — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the RAS Institute of Economics, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director of the RAS Institute of Economics on Research Work, Russia

Odegov, Yuriy Gennad'yevich — Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific School «Theory and Technologies of Management» at the Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Rybakovsky, Leonid Leonidovich — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of the RAS FCTAS Institute of Demographic Research Institute, Russia

Subetto, Aleksandr Ivanovich — Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, PhD in Engineering, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the North-West Institute of the Management of the Russian Academy of the National Economy of the Public Service under President of the Russian Federation; Honoured President of the Noosphere Public Academy of Sciences; Head of the Philosophy Council of the Russian Space Society; Vice-President of the Petrovskaya Academy of Sciences and Art, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of RAS, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the RAS FCTAS, Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty Russian State Arts University, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevich — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-

Russia Scientific Research Institute of Labour, Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor, Director General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

Hepp, Rolf D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter — Doctor of Sociology, Professor, Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevich — Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Institute of Economic Studies, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director on Research Work, Institute of Socioeconomic Problems of Population of the RAS FCTAS; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevich — PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population, Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevich — PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Institute of Geography at the Far Eastern Branch of the RAS, Russia

Chubarova Tat'yana Vladimirovna — Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department, RAS Institute of Economics, Russia

Grishae, Sergey Vasil'yevich — Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the RAS FCTAS Institute for Demographic Studies, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the RAS Vologda Research, Russia

Lohtyukhina, Natal'ya Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances, Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Matskulyak, Ivan Dmitriyevich — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of economic policy and measurement at the State University of Management, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Institute of Economic Research of the RAS Far Eastern Branch, Russia

Naberushkina, El'mira Kyamalovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Simonova, Marina Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management, Samara State University of Economics, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna — Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Russia

Tyurikov, Alexander Georgyevich — Doctor of Sociology, Professor, Head of the of the Chair of Sociology at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Yarasheva, Aziza Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the RANS, Chief Research Worker, Head of the Laboratory of Behavioral Economic Research at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, RAS FCTAS; Leading Analyst at the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Healthcare Department, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovich — Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State Research University, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith — PhD of Sociology, Professor of Sociology, Department of Sociology and Social Policy of University of Debrecen, Hungary

Savova, Ralitsa — PhD of Economics and Sociology, Representative of the European Cultural Route «Longobard ways through Europe»; Member of the International Scientific Committee «Amelio Taljaferry» (Italy); Member of the Editorial Committee of the online journal on the history and historiography «Storia e Futuro» (Italy); Member of the European Net of the Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM); Member of the European Consortium of Political Research (Great Britain), Bulgaria

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«MODERN CHALLENGES TO SOCIETY: DEMOGRAPHY, EDUCATION, EMPLOYMENT»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	5
DEMOGRAPHIC RESEARCH	9
<i>Avdeev YuA, Ushakova VL</i> Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result.....	9
<i>Ledeneva VYu, Mishchuk SN</i> Family and Business Activities of Women Who Immigrated to Russia.....	25
ECONOMIC RESEARCH	36
<i>Yakovleva NG</i> Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential.....	36
<i>Machkhelyan GG</i> Urgent Problems of Reorganizing the Educational System in Rossiya Today.....	47
<i>Gretchenko AI, Odegov YuG</i> Bolonization of education – should modernization go further along this path?.....	61
<i>Aleksandrova OA, Faiman NS</i> Criteria for precariousness of employment of academic staff.....	70
<i>Sinitsa AL</i> Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 1).....	86
<i>Odintsova EV</i> Realization of the Labor Potential of Employees in the Quality of their Employment and the Standard of Living of Households.....	99
<i>Simonova MV</i> Justification for the Creation of a Tourist and Recreational Cluster for the Development of the Labor Potential of the Territory.....	112
SOCIOLOGICAL RESEARCH	125
<i>Vorob'eva IV</i> Social and Labor Status of Self-employed Workers.....	125
PHILOSOPHICAL RESEARCH	138
<i>Subetto AI</i> Philosophical System of Noospherism.....	138
BOOKSHELF	141
<i>Bobkov VN, Odintsova EV</i> Universal Basic Income: is it a Chance for Russia?.....	141
MEMORY ABOUT THE SCIENTIST	144
<i>Bobkov VN</i> Nikolai S. Malikov.....	144

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.

Subscription index 71187.

Signed for publication 15.03.2023.

Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 648.

Editorial Office Address:

32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.

Telephone: +7 499 125 8445

E-mail: vcugjournal@mail.ru

Internet: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company

164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.

Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143

E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:

Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199

Reader: <https://readera.org/vcugjournal>

EBS "Znanium": <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>

CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

EDN: [EVLNIL](#)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С 2023 года учредителем журнала «Уровень жизни населения регионов России» является Институт экономики РАН. Журнал включён в первую категорию журналов ВАК Минобрнауки (К1), обновлены научные специальности, редакционный Совет и редакционная Коллегия.

Тема первого номера: **«СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВУ: ДЕМОГРАФИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ»**.

В представленном читателю выпуске журнала содержатся методологические и аналитические работы, посвящённые демографическим, экономическим и социологическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В рубрике **«ДЕМОГРАФИЯ»** публикуются статьи, посвящённые демографическим проблемам Дальнего Востока и деловой активности женщин, эмигрировавших в Россию.

Статья **«Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату» Ю.А. Авдеева**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, **В.Л. Ушаковой**, научного сотрудника лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, продолжает дискуссию, начатую Ю.А. Авдеевым в статье «Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемиические размышления)» (Уровень жизни населения регионов России. Т. 17. № 3. 2021). В настоящей статье подводятся итоги двухлетней дискуссии по социально-демографическим проблемам российского Дальнего Востока. Авторами проанализированы подходы и предложения, прозвучавшие в рамках темы дискуссии на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России», дана критическая оценка некоторых положений. В работе оценивается проводимая демографическая политика, направленная на сдерживание оттока населения на Дальнем Востоке и переход к увеличению его численности. Раскрываются причины, которые мешают достижению этих целей. В статье обозначены принципиально важные задачи дальневосточной демографической политики, обосновано предложение рассматривать Дальний Восток в качестве пилотного проекта в решении проблем демографии в стране.

В статье **«Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию» В.Ю. Леденовой**, д-ра социол. наук, доцента, главного научного сотрудника, руководителя отдела Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, **С.Н. Мишук**, канд. экон. наук, доцента, ведущего научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, ведущего научного сотрудника Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН, исследуется участие на рынке труда женщин, эмигрировавших в Россию из стран СНГ. В работе представлены результаты социологического опроса женщин-мигранток, занимающихся предпринимательской деятельностью на территории России и ранее проживавших за её границами. Авторами сделана попытка ответить на многие вопросы, связанные с участием женщин-мигранток в трудовой деятельности в качестве собственников своего бизнеса. В работе изучены возможности совмещения женщинами бизнеса и ухода за детьми и семьёй, а также

рассмотрено формирование особого отношения к семейным ценностям. В статье даны предложения, направленные на углубление анализа происходящих изменений в разрезе конфессиональных и этнических групп.

Рубрика «**ЭКОНОМИКА**» представлена статьями, посвящёнными глобальным и национальным вызовам формированию человеческого потенциала, актуальным проблемам перестройки системы профессионального образования в современной России, проблемам занятости научно-педагогических кадров, дифференциации оплаты труда педагогических работников дополнительного образования, а также реализации трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств, вопросам создания туристско-рекреационного кластера для развития трудового потенциала территории.

В первом номере за 2023 год журнал тремя статьями открывает дискуссию по проблемам развития российского профессионального образования на новом этапе развития страны.

В статье «**Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала**» *Н.Г. Яковлевой*, д-ра экон. наук, доцента, ведущего научного сотрудника Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, рассматриваются трансформации, которым подвергается российское образование под влиянием национальных и глобальных вызовов. В ходе исследования зафиксированы два основных направления в формировании образования: маркетизация и социализация. В статье показан процесс маркетизации российского образования в постсоветской России с его основными проявлениями, в том числе смещение целей деятельности всей системы образования в сторону рыночно-ориентированной модели. Наряду с этим в работе раскрываются основные национальные вызовы для формирования человеческого потенциала, соответствующего уровню развития современного общества и экономики. В статье предлагается альтернативный подход к формированию российской модели образования, обозначены основные составляющие предлагаемой модели.

В статье «**Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России**», автором которой является *Г.Г. Мачхелян*, канд. экон. наук, доцент, член редакции журнала, анализируется сущность реформ системы образования в Российской Федерации и исследуются проблемы сложившейся в стране образовательной системы. В статье раскрываются понятия «образование» и «образовательная система», дана характеристика традиционной отечественной системе образования в России, определяется её отличие от системы образования на Западе. Автором также показаны важнейшие исторические вехи формирования системы образования в СССР, роль этой системы в достижениях социокультурной и технологической сфер в советский период, воздействие на социально-экономическое развитие страны. В статье выявляются проблемы реформирования образования в постсоветский период и риски интеллектуальной деградации. Автором обосновывается актуальность проведения коренной перестройки существующей системы профессионального образования, даны конкретные предложения.

В статье «**Болонизация образования – идти ли модернизации по этому пути дальше?**» *А.И. Грещенко*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, директора НИИ «Новая экономика и бизнес» РЭУ имени Г.В. Плеханова, профессора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, *Ю.Г. Одегова*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, главного научного сотрудника Научной школы «Теория и технологии менеджмента» РЭУ имени Г.В. Плеханова, представлен анализ существующей системы образования в Российской Федерации и показано влияние на неё Болонской системы. В статье поднимаются вопросы, связанные с выходом России из Болонской системы и с механизмом реформирования высшего образования с учётом этого процесса. Авторы статьи высказывают мнение относительно дискуссий в российском научно-педагогическом сообществе, сводящихся к требованию немедленной отмены нынешней системы российского высшего образования (имеется в виду Болонского типа) и переходу к новой, несущей черты национальной традиционности. Исходя из опыта предыдущих реформирований, в работе сделаны выводы, касающиеся некоторых «уроков» Болонской системы в России и других новаций последних лет, в том числе западного образца в высшем образовании. Кроме того, авторами сформулированы предложения по модернизации существующей в стране системы образования, и, прежде всего, высшего образования.

В следующих выпусках журнала дискуссия о путях модернизации российского профессионального образования будет продолжена.

Статья «**Критерии неустойчивости занятости научно-педагогических кадров**» *О.А. Александровой*, д-ра экон. наук, заместителя директора по научной работе Института социально-экономических проблем

населения ФНИСЦ РАН, профессора департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, **Н.С. Файман**, соискателя Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, направлена на исследование характера занятости работников науки и высшей школы, выявление признаков и оценку выраженности неустойчивости занятости этой профессиональной группы. В работе показаны дискуссионные вопросы, возникающие в исследовательской среде в связи с новой для рассматриваемой социально-профессиональной группы реальностью в условиях найма и оплаты труда работников. Анализируемая эмпирическая основа – проведённое авторами двухэтапное полевое социологическое исследование (качественное и количественное), включавшее в себя серию глубинных интервью и массовый опрос преподавателей вузов и научных работников, представляющих разные отрасли знания и проживающих в различных регионах России. В работе исследовано, насколько те или иные признаки неустойчивости присущи условиям труда российских учёных и преподавателей. По результатам сопоставления общих критериев неустойчивой занятости с выявленными эмпирическими проявлениями неустойчивости в работе установлены характерные признаки нестабильности научно-педагогического сектора рынка труда. Авторами показаны риски физического и морально-психологического истощения научно-педагогических кадров и даны предложения с целью изменения положения научных и педагогических кадров.

Статья **«Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 1)»**, автором которой является **А.Л. Сеница**, канд. экон. наук, научный сотрудник лаборатории экономического образования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, посвящена анализу заработной платы педагогов дополнительного образования в целом по России и в регионах с учётом их экономической специализации и уровня экономического развития. В работе дан краткий обзор известных результатов научных исследований в области дополнительного образования, обозначены наиболее важные проблемы. В статье проведён анализ уровня и динамики заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годах в сопоставлении с заработной платой педагогических работников разного уровня системы образования (дошкольного, общего, начального и среднего профессионального, высшего образования) и разной формы собственности (федеральной, региональной, муниципальной, по всем формам в целом). Наряду с этим на региональном уровне проанализирована динамика отношения заработной платы педагогических работников дополнительного образования со средней по региону заработной платой во взаимосвязи с экономической специализацией и уровнем экономического развития регионов. В заключении даны общие выводы по результатам исследования уровня и динамики заработной платы рассматриваемой категории работников, оценивается её региональная дифференциация и предложены основные направления решения сложившихся проблем.

В статье **«Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств»** **Е.В. Одинцовой**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Института экономики РАН, представлены результаты исследования качества занятости работников и уровня жизни их домохозяйств в зависимости от трудового потенциала работников. В статье показаны критерии оценивания качества занятости работников и уровня жизни домохозяйств, проанализированы результаты исследования качества занятости на основе его идентификации в парадигме «устойчивой» – «неустойчивой» занятости. Также дан анализ материального положения домохозяйств с выявлением их устойчивости (неустойчивости) и применением стандартов денежных доходов. В работе рассмотрены условия возникновения рисков растрачивания трудового потенциала работников и устойчивого материального положения домохозяйств. По результатам исследования даны предложения для снижения угроз формированию и развитию трудового потенциала, повышения эффективности его реализации, качества занятости, уровня жизни работников и их домохозяйств.

В статье **«Обоснование создания туристско-рекреационного кластера для развития трудового потенциала территории»** **М.В. Симоновой**, д-ра экон. наук, доцента, заведующей кафедрой управления персоналом Института менеджмента Самарского государственного экономического университета, исследован трудовой потенциал в Прибрежной зоне р. Волга Безенчукского района Самарской области и прилегающих территорий с точки зрения возможностей его развития в результате формирования туристско-рекреационного кластера. В работе проанализирована востребованность туристских услуг в муниципальном районе и в целом по Самарской области, определено состояние трудового потенциала муниципалитета в разрезе потребностей туристической отрасли. Наряду с этим автором оцениваются возможности

развития трудового потенциала и положение Самарской области на рынке туристической инфраструктуры Приволжского федерального округа. В работе рассмотрено влияние развития туристско-рекреационного кластера на создание рабочих мест, закрепление трудовых ресурсов, развитие трудового потенциала. Также проанализированы факторы и условия, влияющие на перспективы развития туристско-рекреационного кластера территории. Автором показана роль организационных и управленческих решений со стороны коммерческого сектора и со стороны государственных структур, сотрудничества с участниками туристско-рекреационного кластера. В заключении даны выводы, определены направления научных исследований для развития туристического кластера.

Рубрика «**СОЦИОЛОГИЯ**» посвящена социально-трудовому положению самозанятых работников.

Статья «**Социально-трудовое положение самозанятых работников**» *И.В. Воробьевой*, канд. социол. наук, доцента Российского государственного гуманитарного университета, направлена на выявление базовых характеристик социально-трудового положения самозанятых и степени прекаризации их трудовой деятельности на основе сравнения с работающими на условии бессрочного трудового контракта с работодателем. В работе выявлены важнейшие показатели социально-трудового положения самозанятых, дан сравнительный анализ положения самозанятых (нестандартная занятость) относительно положения работающих по трудовым контрактам с работодателем (стандартная занятость). Наряду с этим оценивается влияние социально-трудового положения самозанятых работников на формирование их отношения к общему положению дел в стране, а также на формирование политической и гражданской ответственности, институционального и межличностного доверия. В работе дана критическая оценка условий для проведения объективного анализа данных социально-трудового положения самозанятых, в том числе рассматривается теоретическая и правовая неопределённость категории «самозанятый». По результатам исследования автором представлены выводы по общим проблемам трудовой деятельности самозанятых работников.

В рубрике «**ФИЛОСОФИЯ**» публикуются тезисы доклада «**Философская система ноосферизма**» *А.И. Субетто*, д-ра филос. наук, д-ра экон. наук, канд. техн. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Лауреата Премии Правительства Российской Федерации, Почетного президента Ноосферной общественной академии наук, первого вице-президента Петровской академии наук и искусств. В тезисах автором приводится сокращённый текст постановочного доклада на Круглом Столе «Научная Школа Ноосферизма. Диалоги за круглым столом», который состоялся 31 января 2022 г. в г. Санкт-Петербурге.

Рубрика «**КНИЖНАЯ ПОЛКА**» представлена статьёй «**Универсальный базовый доход: шанс для России?**» *В.Н. Бобкова*, д-ра экон. наук, профессора, директора Научного центра экономики труда РЭУ имени Г.В. Плеханова, *Е.В. Одинцовой*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Научного центра экономики труда РЭУ имени Г.В. Плеханова. Авторы знакомят читателей с коллективной монографией, в которой обобщены основные результаты научного проекта «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России», выполненного в 2020–2022 гг. по гранту Российского фонда фундаментальных исследований в РЭУ имени Г.В. Плеханова. В статье представлен авторский состав монографии, раскрывается логика проведённого исследования, показана структура изложения результатов исследования. Статья кратко знакомит читателей с содержанием всех разделов монографии.

Рубрика «**ПАМЯТЬ ОБ УЧЁНОМ**» посвящена российскому учёному, канд. филос. наук, *Маликову Николаю Серафимовичу*, при непосредственном участии которого в 1993 году был создан общероссийский научно-практический журнал «Уровень жизни населения регионов России». Маликов Николай Серафимович долгие годы был заместителем главного редактора и постоянным автором публикаций в журнале.

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор *В.Н. Бобков*

ДЕМОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 314.17 (571.6)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24
EDN: [EBFBEG](#)

Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату

Юрий Алексеевич Авдеев¹, Валентина Леонидовна Ушакова²

^{1,2} Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия

¹ (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

² (ushakova@tigdvo.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-4916-3973>)

Аннотация

В статье подводятся итоги двухлетней дискуссии вокруг темы: как сделать привлекательным Дальний Восток, и остановить отток населения из региона. Проанализированы подходы и предложения в статьях на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России», в которых обсуждается преимущественно миграционная проблематика, дана критическая оценка некоторых положений в них. Проведён анализ демографической политики на Дальнем Востоке, направленной на сдерживание оттока населения к 2020 году, и наращиванию численности в 2025 году. Показано, что достижению плановых показателей Концепции мешает ставка на воспроизводство населения: стимулирование рождаемости, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни. Вскрыта главная причина: массовый отток населения в 90-е годы деформировал демографическую структуру, сократив существенно численность населения фертильных возрастов, а также детское население. Поэтому материальное стимулирование оценивается как малоэффективный способ обеспечить достижение поставленной цели. Результаты анализа основных демографических процессов на Дальнем Востоке, их региональной специфики, свидетельствуют, что преодолеть устойчивый тренд убыли населения вряд ли удастся до середины столетия. Приведены аргументы, доказывающие, что сложившаяся за предыдущие десятилетия экономическая специализация макрорегиона с преобладанием ресурсно-экспортных отраслей, является главной причиной, выталкивающей население, способствующей оттоку населения. Принципиально важным выводом статьи является необходимость обеспечения абсолютного роста численности населения, переход от установки «сбережения» к задаче «приумножения» народа. И Дальний Восток предлагается рассматривать в качестве пилотного проекта в решении этой национальной задачи.

Ключевые слова: Дальний Восток, демография, миграция, отток населения, демографическая политика, развитие, системный подход, целевое планирование

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Пространственное развитие разноранговых территориальных и аква-территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России с учётом географических и геополитических факторов и их соотношения на разных районных уровнях Северо-Восточной Азии, (№ 122020900189-0).

Для цитирования: Авдеев А.Ю., Ушакова В.Л. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24
EDN: [EBFBEG](#)

Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result

Yury A. Avdeev¹, Valentina L. Ushakova²

^{1,2} Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia

¹ (avdyural@mail.ru), (<http://orcid.org/0000-0003-0379-9914>)

² (ushakova@tigdvo.ru), (<http://orcid.org/0000-0002-4916-3973>)

Abstract

The article summarizes the results of a two-year discussion around the topic: how to make the Far East attractive, and stop the outflow of population from the region. The approaches and proposals are analyzed in the articles published on the pages of the journal "Standard of Living of the Population in the Regions of Russia", in which migration issues are discussed mainly, a critical assessment of some provisions in them is given. An analysis of the demographic policy in the Far East, aimed at curbing the outflow of the population by 2020, and increasing the number in 2025, was carried out. It is shown that the achievement of the planned indicators of the Concept is hindered by the rate on population reproduction: stimulation of the birth rate, reduction of mortality, increase in life expectancy. The main reason was revealed: the mass outflow of the population in the 90s deformed the demographic structure, significantly reducing the population of fertile ages, as well as the child population. Therefore, material incentives are assessed as an ineffective way to ensure the achievement of the goal. The results of the analysis of the main demographic processes in the Far East, their regional specifics, indicate that it is unlikely that it will be possible to overcome the steady trend of population decline until the middle of the century. Arguments are given proving that the economic specialization of the macro-region that has developed over the

previous decades with a predominance of resource-export industries is the main reason that pushes the population, contributing to the outflow of the population. A fundamentally important conclusion of the article is the need to ensure absolute population growth, the transition from the installation of "savings" to the task of "multiplying" the people. And it is proposed to consider the Far East as a pilot project in solving this national problem.

Keywords: Far East, demography, migration, population outflow, demographic policy, development, system approach, targeted planning

Acknowledgements: The work was executed within the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (theme "Spatial development of different territorial and aqua-territorial structures of economy and population settlement of Pacific Russia with consideration of geographical and geopolitical factors and their relations at different district levels in North-East Asia, (№ 122020900189-0).

For citation: Avdeev A.Yu., Ushakova V.L. Demographic Challenges or Why the Demographic Policy of the Far East does not Lead to the Desired Result. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 9–24. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_1_9_24

Введение

Целью публикации «Пolemических размышлений» [1] и **настоящей статьи**, которая подводит итоги научной дискуссии среди специалистов по поводу региональной демографической политики на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России», является активизация поиска решений по преодолению демографического кризиса как в регионе, так и в стране в целом. **Объектом исследования** является динамика численности населения Дальневосточного федерального округа на протяжении трёх последних десятилетий, и оценка эффективности принимаемых решений, оказывающих влияние на её характер. **В качестве предмета исследования** рассматриваются, с одной стороны, предложения коллег по изменению демографической и миграционной ситуации в регионе, с другой – официальная концепция, согласно которой планируется к 2025 году переломить многолетнюю тенденцию убыли населения и обеспечить прирост численности, а с третьей – предлагается авторский подход к преодолению демографического кризиса. **Гипотеза исследования:** деформация демографической структуры населения региона, как следствие интенсивного миграционного оттока, снижает эффективность усилий по преодолению тенденции убыли населения. Только активная миграционная политика способна обеспечить привлекательность данной территории прежде всего для живущего здесь населения, для тех, кто за эти годы отсюда уехал, но захочет сюда вернуться, а также для соотечественников, проживающих за рубежом.

С первого публичного выступления в качестве Президента В.В. Путин одной из наиболее злободневных тем обозначил демографию. С того времени проблем не уменьшилось, прогнозы становятся более мрачными, несмотря на все усилия по сдерживанию убыли, приросту численности, которая если и происходит, то преимущественно за счёт внешней миграции или присоединения территорий. Даже тот малозаметный успех в естественном воспроизводстве, который намечался, к настоящему времени «обнулится», убыль населения и в регионе, и в стране продолжается.

Что не так в новейшей истории страны, в чём отличие от периодов, скажем, с 1927 по 1941 гг., когда численность населения возросла на 17,4 млн человек, или с 1951 по 1970 гг., когда стало больше на 25,6 млн, а за следующие 20 лет прибавилось ещё 16,7 млн? Вряд ли это было результатом целенаправленной демографической политики, когда без надобности оказался даже единственный Демографический институт Академии наук, просуществовав неполных четыре года (до 1934 г.). Что сегодня мешает обеспечить стабильный прирост хотя бы десятой части того, что получалось раньше? Почему задача ограничена «сбережением народа», тогда как масштабам территории и потребностям экономики страны более соответствует задача его «приумножения»? Нужно ли продолжать демографическую политику начала нынешнего столетия, в основе которой преобладает монетарное стимулирование рождаемости, поддержки многодетных семей, или всё же в демографическом развитии необходимо искать более тонкие мотивационные инструменты? В этом предмет дискуссии профессионального сообщества на страницах журнала.

Не менее актуальным вопросом, который нуждается в глубоком осмыслении, всё более очевидные отрицательные результаты демографической политики на Дальнем Востоке, в разработке которой принимали участие и некоторые авторы журнала, значит какая-то доля ответственности за «достижения» лежит и на нас. Утверждённая Правительством Российской Федерации в 2017 году «Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2025 года»¹ (далее Концепция) – единственный федеральный документ, для которого разработана и утверждена на высшем уровне такая «политика», порождает крамольную мысль, что ещё одним документом пополнился ряд, в котором поставленные задачи остаются нерешёнными, по истечении срока тихо умирают, без вскрытия

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р «Об утверждении концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/112118/> (дата обращения: 09. 01. 2023).

причин, на месте появляются новые, и так «пока гром не грянет...». До финала три года, промежуточный финиш пройден в 2020 году, ни по одному показателю (численность населения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни и т.д.) намеченный уровень достигнут не будет. Это публично признали даже разработчики, но в Минвостокразвития, в регионах, и в научной среде сохраняется спокойствие. Ежегодные демографические конференции предпочитают обсуждать «практические» вопросы, позитивные примеры, а процент убыли населения воспринимается как статистическая погрешность. Будем ждать окончания срока, потом признаем Концепцию ошибочной, или пора начинать обсуждать причины, почему документ не реализован, насколько адекватно оценивается демографическая ситуация, в чём изъяны методологии, что не так с постановкой задач, насколько эффективны применяемые инструменты, что следует менять в управленческих структурах?

Третий аспект полемики ведётся по поводу базовых вопросов, решение которых сможет остановить демографическую деградацию в регионе и в стране, какая экономика будет способствовать росту численности населения, можно ли полагаться на инициативу бизнеса в формировании такой экономики, или нужна государственная программа, целевое планирование, ответственность за результаты? Сохранятся ли в программе представление о Дальнем Востоке как дотационной территории, или курс «на восток» переориентирует экономику страны на сотрудничество с Азией, и Восток России станет плацдармом интеграционного взаимодействия с экономиками в этой части планеты? Важно определиться, встраиваемся в уже существующие альянсы, выступая привычно сырьевым придатком, или будем стимулировать такие виды деятельности, которые обеспечат стране лидерские позиции, вовлекая в неё инвестиционные, технологические, кадровые ресурсы потенциальных партнёров? У Дальнего Востока России есть реальный шанс повторить индустриальный рывок прошлого столетия, с разницей, что теперь это может стать импульсом экономического развития страны с ориентацией на динамично развивающиеся и дружественные экономики. Приоритеты на десятилетия вперёд, понятные каждому, станут более сильным аргументом жить здесь, притягательным для самореализации, и перспектив для будущих поколений, по сравнению с иллюзиями о достижении более высокого уровня жизни по сравнению с другими регионами страны. Тот круг вопросов, который может приблизить к ответу: как остановить отток населения и сделать регион привлекательным.

Обзор публикаций по теме в журнале «Уровень жизни населения в регионах России» за 2020–2022 гг.

Предложение состояло в том, чтобы обсудить один вопрос: как сделать регион привлекательным, и выйти на площадку Восточного экономического форума с предложениями. Статьи, опубликованные по поводу, с одной стороны, вышли за рамки предполагавшейся дискуссии, а с другой, – при всей важности обсуждаемых проблем, ограничились отдельными аспектами. Но благодаря коллегам удалось точно сформулировать вопросы, что позволит продолжить обмен идеями, выстраивая их системно, а ещё «достучаться» до тех, кто «делает» демографическую политику и в регионе, и в стране. Понятно, у каждого автора свой предмет изучения, результатами готов поделиться на страницах журнала, особенно, когда главный редактор приглашает «в последующих выпусках развернуть дискуссию». Но состоялась она в стиле привычных научных конференций: есть тема, обсуждаемые вопросы, приглашённые участники, предложения, резолюция. В другое время, возможно, этого было достаточно, но сегодня, необходим «мозговой штурм»: проблема, которая не решается несколько десятилетий, очередной документ на грани провала, ждать, что новый появится сам собой или не появится. Журнал инициировал обсуждение, специалисты внесли предложения, но пока это больше напоминает штабель кирпичей, из которых ещё предстоит построить дом. В год 150-летия В.К. Арсеньева невозможно пройти мимо его понимания проблемы: «Невозможно узнать ни одной научной дисциплины, которая не имела бы отношения к человеку: изучение климата, разрушение горных пород..., изучение растительного покрова, фауны моря и суши, изучение всех производительных сил страны имеет в виду человека, уже живущего в данной местности, или того, который придёт сюда жить уже в ближайшем будущем»².

Из всего многообразия предложенных для обсуждения тем, в центре внимания оказались вопросы миграции, как более важной составляющей роста численности населения Дальнего Востока. Оценивая сложившуюся демографическую ситуацию в регионе, приоритет отдан миграции, привлечению трудовых ресурсов извне, тогда как проблемы воспроизводства населения остались на втором плане. Для территории, потерявшей четверть населения, такой подход логичен с точки зрения результата к 2025 году, что не совпадает

² Население Владивостокского округа // Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного районного переселенческого управления. 1929 г. URL: http://az.lib.ru/a/arsenxew_w_k/text_1928_uslovia_nashego_buduschego.shtml?sclid=l82e10ta41984799374 (дата обращения: 06. 08. 2022).

с идеологией «Концепции», в которой ставка сделана на воспроизводство населения, а миграция только дополняет основные проблемы. Недооценка деформации демографической структуры населения, как результат интенсивного миграционного оттока, а также короткий временной промежуток планирования конечного результата объясняют в какой-то мере, почему цели Концепции не будут достигнуты.

Так, в статье С.С. Алхасова и С.В. Рязанцева [2] на основе современных методов опроса отражён портрет потенциального трудового мигранта, готового переехать на работу в приграничный регион России, где реализуются крупные проекты. Результаты исследования доказывают, что *такой миграционный приток не обеспечивает решение демографических проблем в регионе, и более того, является источником повышения социального напряжения и оттока местного населения*, а вот социальные программы, реализуемые на территории, не являются продуктом системного подхода. Трудовые мигранты нужны, за счёт них снижается острота дефицита кадров, реализуются инвестиционные проекты, но рассчитывать на них как на источник роста численности населения в регионе не приходится, утверждают авторы. Соглашаясь с этим в принципе, тем не менее, следует заметить, что примерно треть трудовых мигрантов бывших республик Средней Азии приезжает семьями, с детьми, многие стремятся получить российское гражданство. Как источник прироста численности населения – это немного, но пренебрегать им не стоит, процессы социализации, и прежде всего молодёжи, должны быть предметом заботы не только властных структур или диаспор, но и гражданского общества. «Снижение напряженности в отношениях между мигрантами и принимающим населением – одна из важнейших задач иммиграционной политики» [3, с. 127].

А.В. Русанов и О.С. Чудиновских [4] утверждают, что *международная миграция «остаётся единственным источником пополнения населения региона»*, с чем можно согласиться лишь отчасти. Скептически оценив демографическую политику в регионе, авторы не предлагают свой вариант решения, а ограничиваются прогнозом: «в ближайшем будущем вряд ли появятся эффективные механизмы для быстрого «разворота» миграционных потоков внутри России с запада на восток страны». Разумеется, сами по себе «механизмы», тем более «эффективные», появиться не могут, и с этим не поспоришь. В работе проанализированы проблемы статистического учёта миграции, данные которого несоразмерны для разных периодов, что затрудняет их анализ. Вместе с тем, представляется несколько надуманной дилемма:

что важнее привлекать новых людей в регион или удерживать живущих здесь. Бесспорно, что это два разных действия, но одной и той же задачи, вопрос не может стоять «или-или». Мотивация и у тех, и у других одинакова: *наличие или отсутствие перспективы*, какими бы словами люди это не объясняли. Разница только в том, что кто-то живёт, не видя для себя перспектив, надеется найти их в другом месте, на пути к мечте объективные или созданные препоны, удерживающие его здесь, а другой эту перспективу «рисует» себе сам, либо его «заманивают» ею. Вообще, из лексикона миграционной политики стоит исключить: «удержать», «закреплять» и т.п. Решение «быть или не быть» человек, семья принимают сами, иногда ошибочно, когда иллюзии побеждают реальность, но всегда добровольно. Сегодня всё шире эксплуатируется монетарный рычаг: «миллион» для учителей, врачей, «материнский капитал», «детские пособия», «бесплатный гектар», льготная ипотека. Но деньги обладают свойством заканчиваться быстрее, чем прорастают корни человека в этом месте. Значит должна быть более сильная мотивация, которая приведёт к желаемому результату.

В статье Е.Л. Мотрич [5] проанализированы региональные, межрегиональные перемещения и внешняя миграция на Дальнем Востоке за период 2018–2020 гг., что привело автора к весьма спорному заключению. С одной стороны, в активе многолетние исследования демографических и миграционных процессов в регионе, предложения по сдерживанию оттока, а с другой стороны, внутреннее ощущение непреодолимости тенденции убыли населения, привели к выводу, цитируя коллегу: *«необходимо готовиться к переходу к экономике, соответствующей более низкому уровню населённости макрорегиона»*. Согласиться с этим категорически невозможно: если сегодня не найдено решение задачи, не повод капитулировать перед проблемой. Возможно, где-то есть информация о высоком уровне роботизации вновь создаваемых рабочих мест, но проблема дефицита кадров с повестки не снята, о чём постоянно говорят работодатели. Если же судить по структуре региональной экономики, доля сырьевых отраслей не уменьшается, а она и является главной причиной оттока населения. Инвесторы, заходя на территорию, руководствуются федеральным законом о территориях опережающего развития: «допускается осуществление любой не запрещённой законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности». Льготы, предусмотренные законом, не отменяют природу бизнеса: он, как и раньше, ориентирован на минимум вложений и быстрый возврат затрат. «Хотели как лучше», надеялись, что льготы обеспечат инвес-

торам конкурентные преимущества на внешних рынках, но бизнес решил по-своему: инвестиции преимущественно пошли в добычу, первичную переработку, производственные цепочки не создаются, добавленная стоимость минимальная, отсюда «лишние» люди и отток из региона. Сохраняя такую специализацию, обеспечить рост численности населения удастся не скоро, но это не значит, что решения нет. Ведь что-то позволило увеличить в четыре раза население к 1990 году. Теперь же, с учётом противостояния с Западом, когда «Владеть Востоком» становится реально государственной политикой, объявить, что с поворотом нужно повременить, ибо наука не знает, как преодолеть малонаселённость территории, грош цена таким выводам. А решение в изменении хозяйственной специализации региона через поправки в ФЗ о ТОРах, СПВ заменив «любой предпринимательской деятельности» на «деятельность, соответствующую долгосрочным приоритетам социально-экономического развития региона», что откроет перспективу для живущего здесь населения, для тех, кто захочет сюда приехать, снизит долю экспортно-сырьевых отраслей, обеспечит переход к новой индустриализации.

Статья С.Н. Мищук [6] посвящена анализу институциональной структуры, обеспечивающей реализацию миграционной политики на Дальнем Востоке. Вывод автора заключается в *отсутствии единого унифицированного подхода к организации институциональной структуры управления миграционными процессами*. Бесспорно, эффективно управляя миграционными процессами, можно существенно повлиять на демографический потенциал региона, при условии, что точно сформулирована проблема, определена цель, выстроена иерархия решаемых задач, им соответствуют институты и специалисты, владеющие предметом и отвечающие за результат не должностью, а своим авторитетом и репутацией. Институциональная структура, описанная в статье, иллюстрируют верх чиновничье-бюрократической революции, победившей в современной России. Огромное количество агрегатов, каждый из которых крутится сам по себе, требуя солидной бюджетной поддержки³, при отсутствии сколько-нибудь значимого результата, имея в виду динамику численности населения. Перечислены все структуры, участвующие в управлении демографическими и миграционными процессами, проанализирована деятельность подразделений в субъектах федерации, на которые возложена обязанность заниматься этими проблемами, выведена типология институтов

³ Бюджет АНО «Агентство по развитию человеческого капитала» при Минвостокразвития на третий год его функционирования составлял порядка 650 млн рублей.

по их функциональному назначению. Остаётся только удивляться хладнокровию автора: разобрав такую управленческую машину, воздержаться от простого вопроса: а результат где? Достаточно сопоставить армию чиновников в структурах, обеспечивающих реализацию демографической политики на Дальнем Востоке, во что государству обходится их содержание, с ожидаемыми достижениями в демографии Дальнего Востока к 2025 году, чтобы понять масштабы той задачи, которую предстоит решить.

Итак, на вопрос: как остановить отток населения с Дальнего Востока, получено несколько ответов (суждений). За счёт трудовых мигрантов этого сделать не удастся, но международная миграция – это единственный источник роста численности населения, правда анализ затрудняется из-за несопоставимости статистических данных, поэтому вероятнее всего нужно готовить экономику региона к низкой заселённости, а для того, чтобы повысить эффективность управления миграционными процессами к уже существующим институциональным структурам нужно создать новый орган для координации деятельности существующих. Не умаляя заслуг уважаемых авторов, в активе которых значительно больше идей (в обзор вошли только опубликованные по поводу заданного вопроса), но понятно, что с таким набором рекомендаций пока выходить на органы, принимающие решения, рано. Требуется более глубокая и системная проработка проблемы.

Основные методологические положения. Демографическая политика Дальнего Востока до 2025 года

Демографические процессы в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), как и в стране, определяются одними и теми же факторами: на огромной и разнообразной территории малочисленное и убывающее население, с преимущественно сырьевой экономикой, малозаметными результатами борьбы с многолетней тенденцией сокращения численности. При таком развитии событий регион «закончится» раньше, чем можно того ожидать⁴. За эти годы он потерял население, сопоставимое по численности с Приморским краем начала 90-х годов, – самого крупного субъекта федерации ДФО. После 2010 г., когда отток заметно снизился, каждые два-три года округ теряет население равное Чукотскому автономному округу.

В 2015 г., надеясь вернуть былую численность, Минвостокразвития инициировал разработку

⁴ «Нас через 30–40 лет уже не будет»: демограф Крупнов о реальных темпах вымирания России // БИЗНЕСОНЛАЙН : [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/563913?ysclid=ldifc1i0bk687523831> (дата обращения: 30.01. 2023).

Концепции. Документ утверждён распоряжением Правительства в 2017 г. В следующем году утвердили 12 Национальных проектов⁵, большинство нацелено на «сбережение» народа, а на первый из них – проект «Демография», предусмотрено финансирование 3,4 трлн руб. Дальний Восток в этих проектах выделен отдельной строкой. Осенью того же года, заслушав доклады руководителей субъектов федерации ДФО, Президент счёл этого недостаточным, и поручил Минвостокразвития разработать Национальную программу развития Дальнего Востока с перспективой до 2035 года, которая после многочисленных доработок была утверждена Правительством РФ⁶. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2019–2020 гг. подготовил Национальный демографический доклад [7,3] в котором оценил реальную ситуацию на Дальнем Востоке.

Внимания к решению демографических проблем региона, казалось бы, достаточно: система институтов, федеральные законы, льготные режимы, государственное финансирование, крупные инвестиции, масштабные проекты, тысячи новых рабочих мест, Концепция, Национальная программа развития – ни в одном другом федеральном округе или субъекте федерации нет такого набора механизмов, но остановить отток населения, сделать его привлекательным не удаётся.

И это не региональная проблема. Многие субъекты федерации европейской части России тоже теряют в численности, что вызывает тревожность, но не воспринимается как катастрофа. С одной стороны, там перераспределяется население в пределах европейской части страны, с другой – недовоспроизводство населения компенсируется мигрантами с Дальнего Востока, а с третьей – плотность населения с соседними странами сопоставима с российской территорией. По стране в целом сокращение численности в 90-е не превышало 4%, на Дальнем Востоке – более 20%. Плотность населения европейской части страны от 192 чел./кв. км в Московской области до 40 человек по другим субъектам, что даже превышает показатель некоторых европейских стран, тогда как в самом плотно населённом Приморском крае 11,4 чел./кв. км, что в 43 раза меньше, чем в Республике Корея, в 28 раз меньше, чем в Японии, в 16 раз меньше, чем в КНДР и северо-восточных

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сетевой ресурс Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 09.01.2023).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

провинциях КНР. Какие ещё изменения должны произойти в регионе, чтобы это назвать демографической катастрофой?

Управленцы, в чьих руках будущее территории, ситуацию, не понимая её, воспринимают спокойно, на ежегодных демографических конференциях царит атмосфера умиротворения и обмена частными примерами. Разработчики Концепции сначала думали, что к 2025 г. смогут восстановить численность 1991 года – 8,05 млн человек. Спичрайтеры Президента, опустив «ноль», в доклад главы государства на ВЭФе в 2017 г. вообще «округлили» перспективу до 8,5 млн.

Разработка Концепции продолжалась три года, приглашали ведущих учёных и специалистов-демографов, представителей власти, результаты обсуждали в 2015, 2016 гг. – в Хабаровске, 2017 г. – в Благовещенске. А последующие конференции (2018 г. – Южно-Сахалинск, 2019 г. – Магадан, 2021 г. – Чита, 2022 г. – Якутск, Владивосток) имели преимущественно прикладной характер⁷, в них тон задавали представители региональных властей, демонстрируя конкретные достижения в своих субъектах. Такой подход был бы оправдан, если бы механизмы демографической политики, управляющие этими процессами, реально влияли на их течение, а запланированные в Концепции показатели численности населения, рождаемости росли, смертности – снижались, продолжительность предстоящей жизни возрастала, отток прекратился, а извне начался приток. Но за эти годы не удалось даже сохранить наметившуюся в промежутке между 2012 и 2016 годами позитивную динамику по отдельным территориям. За время до 2025 года обеспечить выполнение не очень напряжённого плана – прирост в 300 тыс. человек на все субъекты ДФО за 9 лет, вряд ли удастся: в 2021 г. автор Концепции честно признал, что поставленная цель достигнута не будет⁸. Такое заявле-

⁷ «На предыдущих конференциях мы, по сути, разрабатывали концепцию демографического развития, обсуждали подходы, методики к решению демографических проблем, рассматривали опыт различных регионов или других стран. В этом году мы, наконец, обсуждаем опыт именно наших дальневосточных регионов, результаты в демографической сфере, которых они достигли. Обсуждаются решения, которые дальневосточные регионы предлагают распространить на другие территории в рамках региональных планов социально-экономического развития». Источник:

Сергей Качаев: четвёртая демографическая конференция носит практический характер // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики: [сайт]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/sergey-kachaev-chetvertaya-demograficheskaya-konferentsiya-nosit-prakticheskiy-kharakter-14430/?view=desktop> (дата обращения: 11.11.2022).

⁸ Открывая VI международную конференцию «Демографическое развитие Дальнего Востока», её модератор Сергей Рыбальченко, генеральный директор Института научно-общественной экспертизы, признал безоговорок – цели Концепции демографической политики на Дальнем

ние должно стать поводом задуматься о причинах: «почему прилагаемые усилия не оказывают существенного влияния на демографические процессы?», «почему не удаётся переломить устойчивую тенденцию убыли населения?», «возможно, что-то не так в самом механизме влияния?», или «методология анализа процессов неверная?». Но чиновники заявляют: «Мы и дальше будем двигаться таким путём. Именно наш дальневосточный опыт, те результаты, которые достигнуты в конкретных регионах ДФО, более интересны»⁹. Несомненно, позитивные примеры счастливых многодетных семей нужно поддерживать не столько в пропагандистских целях, а ради того, чтобы уровень и качество жизни таких семей не снижался по мере появления каждого следующего ребёнка [8]. Но сколько таких семей, становятся ли они примером для других, насколько это отражается на динамике численности, приближает к цели Концепции? Чем ближе к её завершению, вероятность не достичь намеченных показателей возрастает, убыль населения при сложившемся подходе продолжится и после 2035 года (таблица 1).

Целевая установка Концепции: «обеспечить стабилизацию и увеличение численности народонаселения ... Дальневосточного федерального округа». Подобным образом сформулированная цель политики позволяет думать, что её авторам известно о демографических процессах в регионе, с какого момента они изменили свой знак с «плюса» на «минус», на протяжении какого количества лет сохраняется эта тенденция, и оценка демографической ситуации должна содержать результаты анализа демографических процессов за этот тридцатилетний период. Но в Концепции иной заход: с одной стороны, ситуация обуславливается принятыми за год-два до этого решениями и проектами: федеральными законами о ТОРах, СПВ и Дальневосточном гектаре, освоением Курильских островов, развитием Комсомольска-на-Амуре, первой очереди космодрома «Восточный», началом работы ССК «Звезда», даже пересозданными институтами развития, центры которых преимущественно располагаются почему-то в Москве.

С другой стороны, присутствуют исторические сведения о царской переселенческой политике, когда к 1914 г. население Дальнего Востока

Востоке не достигнуты. Источник: Вспоможение народосбережению // EastRussia : [сайт]. URL <https://www.eastrussia.ru/material/vspomozhenie-narodosberezheniyu/?ysclid=l6yti3w9j6284481137> (дата обращения: 11.11. 2022).

⁹ С. Качаев: четвертая демографическая конференция носит практический характер // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/sergey-kachaev-chetvertaya-demograficheskaya-konferentsiya-nosit-prakticheskii-kharakter-14430/?view=desktop> (дата обращения: 10. 09. 2022).

достигло численности в 2,2 млн чел., о советском периоде, когда население возросло до 8,06 млн человек, демонстрируя, что предыдущие полтора века были временем практически непрерывного и ускоренного роста численности населения территории нового хозяйственного освоения. Но это не стало поводом задуматься о причинах обвального сокращения численности после 1991 года. Регион, лидировавший по приросту населения на предыдущих этапах, за десять лет теряет более полтора миллионов жителей, что сопоставимо с населением восьми из одиннадцати столиц субъектов федерации Дальнего Востока (Благовещенск, Биробиджан, Чита, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Якутск, Южно-Сахалинск и Анадырь). За следующие десять лет регион теряет население, равное по численности ещё одной столицы (Улан-Удэ). Промежуток между ВПН 2010 и 2021 благодаря замедлившемуся оттоку и позитивной динамике воспроизводства населения убыль заметно уменьшилась, но даже в это время округ становится меньше более чем на 280 тыс. человек, что превышает число жителей города Комсомольска-на-Амуре.

Но в основу долгосрочного плана кладутся позитивные изменения без объяснения причин: ситуация «улучшилась», в округе «наблюдается естественный прирост»¹⁰. Но признавая несопоставимость предыдущих потерь с «приобретениями» последних лет, приходится констатировать, что население «продолжает сокращаться», миграционная убыль превышает естественный прирост, «снизился трудовой потенциал».

Беспрецедентные потери населения в документе объясняются крайне просто: «относительно низкое качество жизни, социальной сферы, транспортной и коммунальной инфраструктуры и уровня организации труда». Более точный диагноз поставлен Л.Л. Рыбаковским и Н.И. Кожевниковой: «Сложившаяся ситуация – это следствие того, что в государственной политике постсоветской России, в полной мере это относится к 90-м годам прошлого века, о таком приоритете как ускоренный рост населения Сибири и особенно Дальнего Востока было забыто начисто» [9, с. 20]. Но здесь тоже не всё сходится: приоритет государственной политики, обеспечивавший ускоренный рост численности населения региона, и о чём забыли в 90-е, вот уже третью пятилетку восстанавливается в политическом, законодательном, финансовом, организационном планах, но ни «ускоренного роста», ни даже простого удержания численности на прежнем уровне не получается. Логика рассуждений в Концепции строится на том, что внимание

¹⁰ За три года (2012–2015) прирост составил численность малого города в 31 тыс. чел.

Таблица 1

Население Дальнего Востока – факт и ожидания

Table 1

The Population of the Far East – Fact and Expectations

	Численность населения (тыс. чел.)		Суммарный коэффициент рождаемости		Ожидаемая продолжи- тельность жизни при рождении	
	2017 г.	2025 г.	2017 г.	2025 г.	2017 г.	2025 г.
Дальний Восток	8 223/8 247	7 956/8 594	1,725/1,916	1,539/2,073	70,09/68,4	73,18/76
север	1 964/1 960	1 944/2 050				
Республика Саха (Якутия)	964/963	980/1 022	1,927/2,19	1,661/2,35	71,68/70,8	75,43/77
Чукотский автономный округ	50/49	49/55	2,079/2,011	1,540/2,13	66,1/63,5	69,97/75
Магаданская область	144/146	132/150	1,604/1,65	1,357/1,9	69,37/69,5	72,76/75
Камчатский край	316/315	303/323	1,785/1,89	1,534/1,99	70,06/69,6	73,61/76
Сахалинская область	490/487	480/500	2,029/2,02	1,719 /2,25	70,19/69,2	69,73/76,5
юг	4 201/4 224	4 014/4 449				
Приморский край	1 913/1 923	1 829/2 010	1,597/1,76	1,399/1,97	70,36/69,6	73,60/76
Хабаровский край	1 328/1 335	1 276/1 464	1,641/1,8	1,477/2,05	69,74/69,3	72,87/76,3
Амурская область	798/802	762/805	1,710/1,84	1,427 /2,0	69,06/68,5	71,91/76
Еврейская автономная область	162/164	147/170	1,812/1,987	1,577/2,02	68,83/69,2	67,50/75
юго-запад	2 058/2 063	1 998/2 095				
Республика Бурятия	985/984	980/1 023	2,056/2,056	1,714/2,238	70,69/70,69	73,52/76,65
Забайкальский край	1 073/1 079	1 018/1 072	1,873/1,873	1,595/2,025	69,64/69,64	68,23/75,11

Примечание: первая цифра в столбце – численность населения на конец года, вторая – планируемые показатели из Концепции. Столбцы 2025 г. первая цифра – из сборника Росстата «Предположительная численность населения Российской Федерации 2035 года (средний вариант)»

Источник: составлено авторами на основе данных Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 года и данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8+%D0%B4%D0%BE+2035+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 09. 01. 2023).

со стороны федерального уровня к региону есть, он провозглашён приоритетом, значит остаётся обеспечить более высокий уровень и качество жизни, организации труда, и всё изменится, сюда поедут люди, молодёжь, показатели рождаемости, продолжительности жизни пойдут вверх, динамика численности будет положительной. Собственно, в этом центральная идея сформулированной демографической политики. Только этого недостаточно, чтобы объяснить причины, приведших к утрате каждого пятого своего жителя малочисленного населения на востоке страны. Результаты такого анализа в Концепции не приводятся.

Нет этого и в новой (2019 г.) редакции Концепции¹¹, по-видимому, ещё сохранялась надежда,

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2019 года N 3146-р «Об изменениях, которые вносятся в Концепцию демографической политики Дальне-

что ситуация «улучшится». Формально это случилось с включением двух субъектов федерации из Сибирского федерального округа (Республики Бурятия и Забайкальского края), которые перешли в состав ДФО: численность округа к концу 2019 г. составила 8 169,3 тыс. человек. Но изменились и базовые показатели: в новых границах она составляла 10 440,4 тыс. человек, то есть общая убыль населения возросла до 2 271,2 тыс. человек. Процесс, похоже, неостановим, поскольку в 2020 г. численность уменьшилась до 8 169,3 тыс. (-19,8 тыс.), а на начало 2022 г. – до 8 091,2 тыс. (-61,5 тыс.). Надеяться, что за оставшиеся три года численность населения этой территории прирастёт на 300 тыс. человек, можно только полагаясь на чудо.

го Востока на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/125374/> (дата обращения: 09. 01. 2023).

Отсутствие системного подхода к анализу ситуации в регионе не позволило в утверждённой Правительством РФ версии Концепции демографической политики рационально объяснить недостижимость намеченной цели. Дальний Восток, в силу своей обширности, различается внешними условиями проживания, что сказывается на демографических процессах, на разных территориях. Для коренного населения природная среда остаётся (пока ещё) естественной составляющей их жизни, а для пришлого (во втором, и даже третьем поколении) – традиции прошлого образа жизни не всегда соответствуют внешнему окружению, что отражается на организации труда и быта, производительности, здоровье, и сфере воспроизводства. В Концепции отмечаются различия по численности и демографической ситуации в субъектах, но они ещё и разные по занимаемой территории, а значит по плотности и характеру расселения. Упомянуты «представители 20 этносов коренных малочисленных народов», большинство которого живёт в сельской местности, показана динамика их численности, правда, почему-то только между двумя переписями, из чего сделан вывод, что население сократилось. Если же рассматривать эти процессы на тридцатилетнем отрезке (с 1989 г. по 2019 г.), для коренных жителей Чукотки на фоне убыли двух третей «пришлого» населения, численность коренного населения даже выросла на 3% [10]. Совокупность этих различий должны были послужить основанием для типологии регионов по географическим, историческим, характеру расселения, другим характерным признакам, влияющим на демографические процессы. Совершенно очевидно, например, для севера и юга показатели рождаемости и смертности, продолжительности жизни, интенсивности миграционных процессов будут разными, что в свою очередь обусловлено спецификой производства, организацией быта и т. д. Это важно учитывать в рекомендациях региональным и местным органам власти, в нормативных и законодательных актах федерального уровня, что составляет содержание демографической политики. А поскольку в Концепции этого нет, то и рекомендации выглядят в виде абстрактных требований принятия «на федеральном и региональном уровнях дополнительных мер по улучшению демографической ситуации». Какие дополнительные, для каких субъектов они более «дополнительные», в чём конкретно заключаются эти меры, документ не отвечает.

Отличительная черта Концепции – в ней нет точно обозначенного временного периода анализа демографических процессов. Известно, что для их изучения используются демографические пирамиды, которые позволяют увидеть картину

по возрастным группам, сравнивая их в промежутках, скажем, между переписями населения, можно проследить за динамикой как на два-три поколения в ретроспективе, так и на перспективу. К 2015 году, когда начиналась разработка Концепции, прошло ровно 25 лет – в фертильный возраст вступило новое поколение – с момента коренной смены направления демографических процессов на Дальнем Востоке, но ситуация анализируется то между 2007 и 2015 годами, то 2007–2014 гг., то изменениями по сравнению с предыдущим годом, то между переписями 2002 и 2010 гг., демонстрируя отсутствие системного подхода, непонимание логики процесса, что не позволило адекватно оценить ситуацию, выстроить перспективу. Ровно так же понимали представители региональных властей демографическую ситуацию: в лучшем случае анализировалась динамика показателей за трёхлетний период. Перспектива до 2025 г. на старте разработки Концепции, видение на две пятилетки вперёд, при том «бухгалтерском» подходе, выглядит вроде как амбициозная задача, когда не тот масштаб шкалы, и пользуешься ненадлежащим инструментом. Даже если бы такая рамка определялась техническим заданием к Концепции, профессионал мог доказать, что анализ демографических процессов предыдущей четверти века открывает перспективу по меньшей мере до 2040 года, причём гораздо точнее того, что представлено в утверждённом документе на ближайшие десять лет.

Формулируя цель демографической политики, авторы Концепции предусматривали за первые пять лет стабилизировать численность населения на уровне 6,2 млн человек, и за следующую пятилетку увеличить её до 6,5 млн.¹² Почему 6,2 млн понятно, такой была численность населения Дальнего Востока в тот момент, и этот уровень хотелось «удержать». Но как объяснить итоговые 6,5 млн, не поддаётся разумному объяснению. Что такое плюс 300 тыс. для демографического потенциала региона? Авторы хотели доказать, что такая демографическая политика позволит преодолеть тенденцию 30 лет и дальше наращивать численность? Или это связано с решением экономических задач, новыми рабочими местами? В паспорте Федеральной целевой программы начала 90-х¹³ намечалось создать 426,81 тыс. рабочих мест, а количество переселенцев должно было составить 853,75 тыс. человек, что не похоже на нынешние цифры. В Национальной программе развития Дальнего Восто-

¹² Без Республики Бурятия и Забайкальского края.

¹³ Указ Президента РФ от 22 сентября 1992 г. № 1118 «О мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья» // Официальный сетевой ресурс Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2062> (дата обращения: 09. 01. 2023).

ка утверждается, что за 2014–2019 гг. уже создано 186 тыс. новых рабочих мест, и, возможно, под них нужно такое количество людей. А в Указе Президента РФ от 26 июня 2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» намечалось прекратить миграционный отток только в 2035 году. В документах высшего порядка тоже случаются противоречия, из чего не следует, что их нужно множить или повторять. Подготовка Концепции велась с участием учёных и специалистов в области демографии, правда, их мнение, подходы к решению проблем, предложения остались мало востребованными. Возможно, когда станет окончательно ясно, что цель достигнута не будет, и потребуются разработка нового документа, на первом шаге необходимо проанализировать причины, по которым не удалось достичь желаемого, определиться с инструментами и методами, соответствующими специфике демографических процессов.

Против перечисленных в Концепции принципов демографической политики региона возразить трудно, ровно, как и признать их реализуемость на конкретных территориях. А направления политики, последовательность их реализации, а значит решаемые задачи, являются центральным вопросом, от которого зависит куда, прежде всего, будут направлены финансовые потоки и конечный результат. Выбор невелик: либо активизация воспроизводства населения (повышение рождаемости и снижение смертности), либо «удержание» на территории населения и привлечение мигрантов извне. В Концепции и в Планах реализации, распределение следующее: стимулирование рождаемости обеспечивается 21 пунктом мероприятий, 18 пунктов обеспечивают снижение смертности, и только 17 пунктов направлены на сокращение миграционного оттока, привлечение мигрантов, содействие добровольному переселению соотечественников и закрепление молодёжи. По каждому пункту, очевидно, предусматривается финансирование, и не факт, что ресурсы распределяются равномерно между ними, ровно, как и трудно доказать, какой из пунктов важнее. Но есть вопросы тактики и стратегии, краткосрочные задачи и долгосрочные. Десять лет, срок действия Концепции, вряд ли можно назвать стратегическим документом, но в нём предпочтение явно отдано решению долгосрочных проблем, о последствиях чего можно будет судить не раньше, чем 20–25 лет спустя, тогда как решение тактической задачи, рассматривая её как приоритет, «работала» бы на результат с момента её утверждения. Собственно, этим исчерпывается суть той демографической политики, которая осуществляется на Дальнем Востоке. Дальше предстоит понять, почему не достигнуты

запланированные результаты первого этапа, который уже пройден, и вряд ли станут реальностью к 2025 году, сроку завершения действия документа.

Результаты исследования.

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке за последние 30 лет

Территория Дальневосточного федерального округа – 6 952,6 тыс. км, или 40,6% территории России, на которой на 1 января 2020 г. проживало 8 169,3 тыс. человек, или 5,6% россиян¹⁴.

В его составе на **севере**: Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский край; на **юге**: Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область; на **юго-западе** (с включением в состав ДФО¹⁵): Республика Бурятия и Забайкальский край. В Минвостокразвития предложили разделить территорию на четыре «провинции», обозначив отдельно островную: Сахалин и Камчатку¹⁶. Такое разграничение территории необходимо для понимания особенностей демографических процессов в различных природно-климатических условиях, освоённости и хозяйственной специализации, уровня развития транспортной инфраструктуры и специфики расселения. Если в среднем по округу плотность населения составляет 1,2 чел./кв. км, что является самым низким показателем среди федеральных округов, и значительно ниже среднероссийского уровня (8,6 чел./кв. км), то по отдельным территориям показатель плотности существенно различается. Так, в Приморском крае она выше среднероссийского (11,4 чел./кв. км), в Республике Бурятия – 2,8 чел./кв. км, Амурской области – 2,2 чел./кв. км, в Республике Саха (Якутия) и в Магаданской области она не превышает 0,3 чел./кв. км, а в Чукотском автономном округе – 0,1 чел./кв. км. Особенность территории Хабаровского края заключается в том, что на половине его территории – в трёх северных районах (Аяно-Майском, Охотском и Тугуро-Чумиканском) – проживает всего около 10 тыс. человек, что составляет менее 1% общей численности края. Основная же часть населения

¹⁴ Осознать масштабы территории Дальнего Востока не просто: достаточно сказать, что 43 страны Европы занимают на 2 млн кв. км меньше, тогда как населения здесь живёт меньше, чем в одной Швейцарии.

¹⁵ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» в состав Дальневосточного федерального округа вошли Республика Бурятия и Забайкальский край. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43719> (дата обращения: 09. 01. 2023).

¹⁶ Дальний Восток поделили на экономические провинции // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/07/15/reg-dfo/dalnij-vostok-podelili-na-ekonomicheskie-provincii.html> (дата обращения: 20. 08. 2022).

сконцентрирована южнее (более 60 % в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре), что позволяет рассматривать демографические процессы в данном субъекте федерации, относящиеся к южной географической зоне.

Изменения в структуре населения Дальнего Востока за последние тридцать лет стали следствием сокращения численности населения на 2 271,2 тыс. человек, или на 21,8 %. Количественные изменения на разных временных интервалах оценивались многими исследователями, на эту тему немало публикаций [3-7, 9]. Но важно было оценить изменения демографической структуры на протяжении жизни поколения, когда произошло резкое сокращение численности в результате массового оттока: какие изменения наблюдались в группе фертильных возрастов (15–49 лет), как это повлияло на численность детского населения (в возрасте до 14 лет), каков удельный вес населения старших возрастов, как всё это отразилось на основных демографических показателях. Только при таком подходе можно понять с учётом «вклада» в эти изменения естественного воспроизводства и миграционных процессов, с целью определения приоритетов и последовательности действий в демографической политике, которая не только обеспечивает преодоление тенденции убыли населения, но и выведет на устойчивый рост демографического потенциала территории.

Не только практические работники, нередко исследователи демографических процессов грешат «бухгалтерским» подходом к оценке динамики этих процессов, анализируя изменения на коротких (трёх-, пятилетних) отрезках времени. То есть, базовой методологической установкой демографических исследований является анализ динамики жизни сменяющих друг друга поколений, что объясняет изменения в процессах воспроизводства, и позволяет предвидеть ситуацию на два-три поколения вперёд.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. на Дальнем Востоке проживало 10 440,4 тыс. человек (7,0 % населения РФ), в 2002 г. – 8 829,4 тыс. (6,1 %), в 2010 г. – 8 372,3 тыс. (5,9 %), а в 2019 г. – только 8 169,2 тыс. человек (5,6 %). Наиболее интенсивное сокращение населения Дальнего Востока произошло в промежутке между 1989 и 2002 годами, когда регион потерял 1 611 тыс. человек, более 15 % своего населения. За это время численность городского населения сократилась на 1 182,4 тыс. чел. (15,6 %). Сельское население также уменьшилось, но меньше, чем городское (на 428,6 тыс. чел.). Северные субъекты федерации Дальнего Востока потеряли 740,4 тыс. человек или 45,9 % своего населения, в то время как южные – 516,5 тыс., или 32,1 %. Самые значительные сокращения про-

изошли на севере: Чукотский автономный округ – 69,3 %, Магаданская область – 64,2 %, меньше в Камчатском крае – 33,7 %, Сахалинской области – 31,2 %, Забайкальском крае – 27,0 %.

По доле утрат в численности населения каждой из этих территорий, самые большие потери понёс север, где они составили почти треть населения (30,7 %), заметно меньше они были на юге (18,7 %) и юго-западе (17,9 %). В результате удельный вес населения северных территорий сократился с 27,1 % в 1989 г. до – 24 % в 2019 г., что немного увеличило долю населения юга (с 49,0 % до 51,0 %), и юго-запада – с 23,9 % до 25,0 %.

Потери мужского населения региона оказались существенно большими: 1 282,9 тыс. чел., или 56,5 %, численность женщин сократилась на 988,3 тыс. чел. Значительная часть потерь пришлась на городское население – 71,7 %, тогда как численность населения сельской местности сократилась лишь на 28,3 %. Потери мужчин в городском населении в 1,4 раз больше, чем женщин, а в сельской местности потери мужского населения превышали женское только в 1,1 раза. На северные города приходится самые большие потери – более 79 % своего населения, да и на юге они были значительными: 71,9 %.

В Приморском и Хабаровском краях, Республиках Саха (Якутия) и Бурятия сокращение было не столь значительным относительно своей численности, как на севере, но по абсолютной численности весьма существенным для Дальнего Востока. В период между переписями 2002–2010 гг. население сократилось на 457,1 тыс. человек, или на 5,2 %, при этом число горожан сократилось больше, чем селян (-6,3 % против -2,3 %). Единственной территорией, где в это время зафиксирован небольшой прирост населения была Республика Саха (Якутия). На севере Дальнего Востока, а также в Приморском крае и Республике Бурятия отмечается прирост сельского населения.

Интенсивный отток населения с Дальнего Востока за 13 лет деформировал демографическую структуру населения, что привело к сокращению численности населения в фертильных возрастах. Сложившееся демографическое поведение с установкой на одно, двухдетную семью не сможет привести к ожидаемому увеличению численности населения в регионе, а эффективность монетарных методов стимулирования рождаемости весьма сомнительна. Для того, чтобы изменить демографическую ситуацию в регионе потребуются пересмотреть региональные приоритеты демографической политики. При сложившейся демографической структуре населения вряд ли можно ожидать позитивных изменений в следующих двух-трёх поколениях, и поэтому в качест-

ве приоритета, по меньшей мере, на ближайшие 10–15 лет должна стать активная миграционная политика, с ориентацией на значительный приток мигрантов, преимущественно – соотечественников. Ответа требует не менее важный вопрос о востребованности дополнительного населения на данной территории. При сложившейся экономической специализации Дальнего Востока население оказывается «лишним». Только при смене экономической политики и выбора курса на новую индустриализацию такая смена приоритетов будет оправданной, и это может стать основным стимулом, как для прекращения оттока местного населения, так и привлечения сюда людей из других регионов и из-за рубежа. Последовательность шагов по преодолению тенденций последних десятилетий состоит в том, чтобы исключить отток местного населения, сформировать поток возвратной миграции из тех, кто отсюда уехал раньше, что будет весомым аргументом для желающих приехать сюда извне.

В 1989 г. на 1000 женщин приходилось 1064 мужчины, в результате более активного выбытия мужского населения в 2002 г. эта разница сократилась до 1004, а некоторый спад интенсивности выбытий к 2010 г. зафиксировал диспропорцию в 1006, а в 2019 г., увеличив её до уровня в 1032. Можно подумать, что оживление региональной экономики обеспечило приток мужского населения. Но ему противоречит динамика численности как мужского, так и женского населения в данных возрастных группах: численность мужчин за 30 лет сократилась на 21,9%, женщин – на 19,5%. Из этого следует: дальнейшее сокращение базы воспроизводства населения ставит под сомнение правильность выбора в качестве приоритета стимулирование рождаемости, и ставку на активизацию процесса воспроизводства населения. Логичнее было бы за счёт миграционного притока соотечественников оказать влияние на демографическую структуру населения, а на следующем шаге предлагать меры по стимулированию рождаемости. Это вопрос, который был предметом дискуссии в процессе подготовки Концепции. В утверждённом документе основная ставка сделана на воспроизводство населения. Эта позиция сохраняется на уровне принятия решений и до настоящего времени¹⁷.

В реальности картина по отдельным территориям для этих возрастных групп выглядит так. Численность мужского населения севера сократи-

¹⁷ К сожалению, нет доступа ко всем выступлениям участников двух стратегических сессий с участием Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина на тему «Как обеспечить рост населения на Дальнем Востоке» в октябре 2021 и в январе 2022 года, но установка на воспроизводство из вступительных слов главы правительства на этих мероприятиях просматривается достаточно точно.

лась на 42%, женского – на 39,6%; на юге сокращение мужского населения составило 27,7%, женщин – 26,9%; юго-запад потерял 21,9% мужчин, и 19,5% женщин. Можно ли считать, что меры по стимулированию рождаемости последних лет смогут когда-то компенсировать предыдущие потери. Уверенно можно утверждать лишь то, что некоторый позитивный результат есть. Так, если в 1989 г. численность населения Дальнего Востока в возрасте от 0 до 14 лет составляла 2 860,2 тыс. человек, к 2002 г. и далее к 2010 г. сократилась до 1 639 тыс. и 1 433,9 тыс., то в 2019 г. был зафиксирован небольшой рост, и численность возросла до 1 604,4 тыс. человек. Это ещё даже не уровень 2002 года, но уже и не падение. Является ли это признаком того, что преодолён тренд на сокращение численности населения в регионе, и дальше можно рассчитывать на наращивание демографического потенциала? На это была надежда, когда небольшой всплеск рождаемости дала антиалкогольная кампания 80-х, что породило иллюзию, будто тенденция сокращения численности сломлена, но оказалось, что это всё же больше результат недостаточно глубокого анализа демографических процессов.

В 1989 г. численность населения в возрасте 15–49 лет была 5,7 млн человек, а в 2019 г. осталось 4 млн. В семьях детей больше не становится, а потеря такого количества активных возрастов очевидна и, сколько не заваливай мамочек деньгами, их явно меньше поколения родителей. Не будет позитивных изменений в следующем поколении, когда нынешние дети войдут в фертильный возраст, их стало меньше на миллион с лишним. Это объективно, с этим нужно считаться, формируя демографическую политику, даже когда речь идёт о строительстве новых детских садов, школ, новых вузов.

Как изменится ситуация через 30 лет? Допускается самое невероятное – все родившиеся после 2004 года (их насчитывается 1,6 млн человек), доживут до 2035 года, даже в этом случае их численность всё равно будет меньше, нынешних 30–44 летних, которых в 2019 г. было 2 млн человек. Вряд ли демографические установки в эти годы настолько изменятся, чтобы недостающее число матерей в новом поколении сможет родить хотя бы столько же детей, сколько было у их родителей. При этом важно, что из общего прироста численности в 2019 г. по сравнению с 2010 годом почти 92% пришлось на городское население, где установка на одно-двухдетную семью является скорее правилом, чем исключением.

Таким образом, задача наращивания демографического потенциала ДФО, претерпевшего за 30 лет структурные изменения, не в теории, ни тем более на практике не имеет решения при подходе,

лежащем в основе Концепции. Запланированные достижения являются, мягко говоря, фантазиями авторов, закреплённые правительственным решением. «Нарисованные» цифры, разумеется, можно оправдать ошибками в расчётах, действием внешних обстоятельств и т.п., но как объяснить невыполнение запланированных мероприятий, таких как «разработать региональные программы опережающего демографического развития», «разработать модельную... программу демографического развития субъекта» или «создание фонда «Будущие поколения Дальнего Востока», и много других, которые предполагалось осуществить на первом этапе, то есть до 2020 года?

Выводы. Извечный вопрос: что делать?

Можно ли представить себе строительство даже не очень сложного сооружения без чертежей, не понимая, из какого материала он будет возводиться, на каком фундаменте, кто будет в нём жить или работать. Дома ещё нет, но план на все стадии его возведения должен быть. Аналогия, понятно, условная, «демографическое здание» спроектировать намного сложнее, особенно, если речь идёт о России, с её несоразмерностью территории и населения. Со всех сторон нам предлагают «поделиться», «поделить», «отдать». Во все времена находились пассионарии, открывали новые земли, присоединяли их к России, а кому-то не хватало ума и воли сохранить, начать осваивать: ушла Калифорния, продали Аляску, уступили часть океана, «распустили» Союз, на очереди что, Дальний Восток? Президент Российской Федерации В. Путин утверждает, что «государство – это люди», а если их всё меньше и меньше, что может ждать такое государство? Вопрос национальной безопасности в этой связи особенно актуален [11]. Не случайно Д.И. Менделеев, П. А. Столыпин видели будущую Россию с населением более миллиарда жителей. Именно поэтому, вопрос всех вопросов должен стоять радикально: *обеспечить абсолютный рост численности населения России*. «Сбережения» недостаточно, *Национальной задачей XXI века должно стать приумножение численности населения страны, и всё должно быть подчинено решению именно этой задачи*.

Но имеет ли решение задача в социально-экономических условиях, в которых страна жила три десятилетия, отказавшись от социальных завоеваний, пассивно способствуя операции по забиванию «гвоздя в крышку гроба коммунизма» и пристраиваясь в арьергард капитализму. В сухом остатке потеря значительной территории и более 13 млн человек. Усилия по преодолению убыли населения результата не дают, «демографическая политика» на Дальнем Востоке не способна оста-

новить отток населения, обеспечить прирост на микроскопические 0,4 %.

О том, что демографическое будущее страны наступит в таких условиях не скоро, убедительно показано в «Национальном демографическом докладе»: «итоги демографического развития страны не слишком оптимистичны. В I полугодии 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. в России отмечалось снижение числа родившихся (в 75 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 45 субъектах). В целом по стране в I полугодии 2020 г. число умерших превысило число родившихся в 1,4 раза (в I полугодии 2019 г. – в 1,3 раза), в 40 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5–2,5 раза». Глубокий анализ демографических процессов по стране и субъектам федерации, проделанный коллективом авторов доклада, не «покушаясь» на существующую систему, доказывает, что в перспективе до 2050 года обеспечить расширенное воспроизводство и преодолеть убыли населения не получится. «Одним из основных факторов, безусловно, является социально-экономическая, демографическая, семейная, миграционная политика, политика в области здравоохранения. В наиболее вероятном прогнозном варианте учитывались возможные последствия продолжения действия тех мер этих видов политики, которые уже реализуются».

В этом смысле симптоматично появление монографии В.Н. Бобкова и его коллег [12], и аннотация к ней в журнале [13]. Ключевыми словами в этих работах является «проектирование будущего». Если в Национальном докладе будущее является экстраполяцией прошлого, разных вариантов сложившихся тенденций, то в этой монографии главным является проект – проект будущего «демографического дома», исходя из понимания, что «нарастающие противоречия могут быть разрешены, либо стихийно, либо благодаря осознанию непродуктивности дальнейшего развития по капиталистическому пути». На уровне гипотезы выдвинута идея, что «на втором этапе преобразований России могут быть созданы предпосылки для перехода к третьему, социалистически ориентированному, этапу общественных преобразований».

Сегодня мы все являемся свидетелями мучительного перехода от «предыстории человечества» к его «подлинной истории». Семидесятилетний опыт страны, пережившей противостояние белых и красных, коллективизацию и голод, репрессии и доносы, горячие и холодные войны, является и предпосылкой для перехода на более высокую ступень развития и в то же время сдерживающим фактором. Важно определиться: что-то неверно в теории, или отторжение вызывает

как это осуществлялось на практике? К кому претензии: к проектировщику или подрядчику (подрядчикам)? Но то, что было реализовано, назвать неудачей невозможно: не вовремя, без необходимых материальных условий, без общей подготовки, вопреки теории, её догматической трактовки, но мечта, как цель нескольких поколений, обеспечила достижение результатов, о которых сегодня не помышляем. Трудно возразить против факта роста демографического потенциала, всеобщей грамотности, устремлённости в будущее, уверенности в завтрашнем дне. Когда и как свернули с этого пути, как оказались в 1991 году точно описано в книге экс-министра Дальнего Востока А.С. Галушки с соавторами [14], в которой представлены модели, обеспечившие динамику развития, дана оценка их эффективности. Правда, теоретическое осмысление траектории развития страны не стало руководством в деятельности министра на вверенной ему территории, что позволило бы доказать, что решение демографических проблем всё же есть.

Статья, мимо которой нельзя было пройти, посвящена стратегическому планированию в ДФО [15], что могло бы вывести на понимание будущей специализации макрорегиона, в чём корень проблем демографического развития. Осторожная гипотеза, что «...система стратегического планирования не оптимальна и нуждается в совершенствовании», была реакцией на ход реализации федеральных законов о ТОСЭРах, СПВ, региональных изменений в налогообложении, когда сюда устремились инвестиции: «по состоянию на середину 2021 года ...реализовывалось более двухсот двадцати региональных программ и стратегий. Анализ номенклатуры экономических показателей ... показал, что индикаторы инновационной деятельности и импортозамещения присутствуют не более чем в половине действующих региональных программ, а показатели межрегионального товарообмена и кооперационных связей практически не используются». Тем не менее, авторы настаивают, что в регионе «действует система целевого планирования», откуда следует, что должны быть цели, а значит результаты. Некоторые из них показаны выше, но что интересно – на Восточном экономическом форуме 2022 года, ни о Концепции демографической политики до 2025 года, ни о Национальной программе развития Дальнего Востока в перспективе до 2035 года не упоминалось. Оценивать можно по-разному, но критическое замечание Председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко ещё при первом обсуждении проекта Национальной программы, которое остаётся актуальным и теперь, наиболее точно объясняет ситуацию: «... десять лет мы пи-

шем стратегии, программы, а прорыва в экономике нет. Зато прорыв мы наблюдаем по ту сторону дальневосточной границы – там, в странах Азии, растут новые ультрасовременные города, производства. А у нас программа, которая сегодня предлагается министерством, – это программа рутинного развития, а не прорыва».

В целом конструктивные предложения в статье А.В. Топилина с коллегами [15] «зависают» именно из-за того, что их прилаживают к рутинным программам, таким же структурам, сложившейся специализации. Идея «повышения качества плановой работы» адресуется Ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье», с предложением «сформировать коллегия (комитет) по планированию» из привычной колоды исполнительных органов. Хотя ясно: Дальнему Востоку нужен Госплан, рабочий орган которого – Центр стратегического планирования. Но деликатный вопрос, о чём вслух не принято говорить: где должно быть рабочее место Министра Дальнего Востока, его подразделений, включая Госплан? Конечно же на Дальнем Востоке, и, разумеется, в Хабаровске: географически, исторически, по инфраструктуре и множеству других параметров он остаётся столицей Дальнего Востока. Перенос этой функции во Владивосток не добавил ни тому, ни другому, это было политическим решением, которое рано или поздно придётся пересматривать. У морского Владивостока принципиально иная функция: здесь формируется центр интеграционного взаимодействия со странами Азии, что делает его – Восточной (Тихоокеанской) столицей России. Обе функции такого масштаба, что хватило бы сил и кадров каждому из них справиться с одной. И чем глубже они будут специализироваться на выполнении своих задач, тем более острой будет потребность в тесном взаимодействии между ними – не конкурировать, а взаимодополнять друг друга. Когда «распутается» множество узелков, когда Министерство найдет свое место, Госплан определит приоритеты развития, только тогда и окажутся востребованными индикаторы и показатели, которые предлагаются в статье.

В ней же авторы (пожалуй, первыми) критично оценили Концепцию, «деликатно» оправдывая документ тем, что намеченные «темпы прироста численности населения оказались завышенными», с чем согласиться невозможно. Другое дело их оценка ресурсно-сырьевой модели региональной экономики, которая не способствует решению демографических проблем, или сформулированная задача «внедрения стратегического планирования развития макрорегиона, конечной целью которого является не только сбережение населе-

ния Дальнего Востока, но и его приумножение» свидетельствуют о том, что в своих размышлениях мы не одиноки.

Подводя итоги дискуссии на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России» по инициативе её главного редактора В.Н. Бобкова, за что выражаем искреннюю благодарность,

следует сказать, что это может стать началом пути, который предстоит проделать научному сообществу, доказывая, что абсолютный рост численности населения России возможно и есть та самая Национальная идея, реализация которой позволит сохранить мир и придать динамичное развитие и нашей стране, и всему миру.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А. Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 299–313. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.3.1, EDN FYDLUB
2. Алхасов С.С., Рязанцев С.В. Трудовая миграция в приграничном регионе по данным онлайн-рекрутмента (на материалах Амурской области) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 4. С. 431–441. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.4.1, EDN ZQHHJR
3. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020. / Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: ООО «Объединённая редакция». 2020. 156 с. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI 10.25629/НС.2020.13.01, EDN STFBIW
4. Русанов А.В., Чудиновских О.С. Может ли международная миграция сдерживать депопуляцию Дальневосточного федерального округа? // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 9–26. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.1, EDN ZJTSPD
5. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.1, EDN SBNTL
6. Мищук С.Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 151–161. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.2.1, EDN VWRLN
7. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2019. 79 с. ISBN 978-5-907057-98-2. EDN TRHGUC
8. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 102–120. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.1.8, EDN KKBDAI
9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Стратегия демографического развития России: её детерминанты и многовековой вектор // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4 (150). С. 9–20. DOI 10.19181/lsprr.2020.16.4.1, EDN WBRSGU
10. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Тенденции демографического развития в районах российской Восточной Арктики // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 130–144. DOI 10.19181/population.2020.23.3.12, EDN LFGSPU
11. Симагин Ю.А. Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 228–234. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.2.6, EDN GGMWEA
12. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова и др. / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022, EDN: WOQAYF
13. Бобков В.Н. 18 рефлексий о современном обществе и образ будущего // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 409–414. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.12, EDN KDDAJC
14. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Издательство «Наше завтра», 2021. 360 с. ISBN 978-5-6046834-8-4, DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.1
15. Топилин А.В., Ростанец В.Г., Кабалинский А.И. Региональное и межрегиональное планирование социально-экономического развития в Дальневосточном макрорегионе: организационно-методические проблемы и пути решения // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 3. С. 285–296. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.1, EDN CEBSMU

Информация об авторах:

Юрий Алексеевич Авдеев – к.э.н., ведущий научный сотрудник; лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

(E-mail: avdyural@mail.ru), (elibrary Author ID: 718435), (ORCID: 0000-0003-0379-9914)

Валентина Леонидовна Ушакова – научный сотрудник; лаборатория социальной и медицинской географии, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

(E-mail: ushakova@tigdvo.ru), (elibrary Author ID: 75981), (ORCID: 0000-002-4916-3973)

Заявленный вклад авторов:

Авдеев Ю.А. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, анализ публикаций по теме исследования, анализ результатов исследования, сформулированные выводы исследования.

Ушакова В.Л. – сбор и анализ данных, анализ результатов исследования, анализ публикаций по теме исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Юрий Алексеевич Авдеев.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

References

1. Avdeev Ju.A. Far East: how to stop the outflow of people and make it attractive. (Polemical reflections). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(3):299-313. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.3.1, EDN FYDLUB (In Russ.)
2. Alhasov S.S., Rjazancev S.V. Labour migration in the border region according to online recruitment data (based on the materials of Amur Region). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(4): 431-441. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.4.1, EDN ZQHHJR (In Russ.)
3. Rjazancev S.V. (ed.) Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report – 2020. Moscow: Publishing house «United Edition»; 2020. 156 p. ISBN 978-5-93856-292-9, DOI 10.25629/HC.2020.13.01, EDN STFBWI (In Russ.)
4. Rusanov A.V., Chudinovskikh O.S. Can international migration the depopulation of the Far Eastern Federal District? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):9-26. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.1.1, EDN ZJTSPD (In Russ.)
5. Motrich E.L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):27-40. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.1.1, EDN SBNTL (In Russ.)
6. Mishchuk S.N. Institutional structure for ensuring migration policy in the subjects of the Far Eastern Federal District. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):151-161. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.2.1, EDN VWRLN (In Russ.)
7. Rjazancev S.V. (ed.) Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Moscow: Publishing house Jekon-Inform, 2019. 79 p. ISBN 978-5-907057-98-2, EDN TRHGUC (In Russ.)
8. Arkhangel'skii V.N., Elizarov V.V., Dzhanayeva N.G. Children or material wealth: determination of choice. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(1):102-120. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.1.8, EDN KKBDAI (In Russ.)
9. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. The strategy of demographic development of Russia: its determinants and centuries-old-vector. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(4):9-20. DOI 10.19181/Ispr.2020.16.4.1, EDN WBRSGU (In Russ.)
10. Avdeev Yu.A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Demographic development trend in the Russian Eastern Arctic. *Narodonaselenie = Population*. 2020;23(3):130-144. DOI 10.19181/population.2020.23.3.12, EDN LFGSPU (In Russ.)
11. Simagin Ju.A. Demographic security of the far eastern geostrategic territories of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021; 17(2): 228-234. DOI 10.19181/Ispr.2021.17.2.6, EDN GGMWEA (In Russ.)
12. Bobkov V.N., Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.) The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future [Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proyektirovaniyu budushchego]. Moscow: FNISC RAS. 2022. 274 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022, ISBN: 9785896973881, EDN: WOQAYF (In Russ.)
13. Bobkov V.N. 18 reflections on modern society and the image of the future. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):409-414. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.12, EDN KDDAJC (In Russ.)
14. Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov MO. Growth crystal. To the Russian economic miracle. Moscow: Publishing house Nashe zavtra; 2021. 360 p. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.1, ISBN 978-5-6046834-8-4 (In Russ.)
15. Topilin A.V., Rostanets V.G., Kabalinskiy A.I. Regional and interregional planning of socio-economic development in the Far Eastern macroregion: organizational and methodological problems and solutions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022; 18(3):285-296. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.1, EDN CEBSMU (In Russ.)

Information about the authors:

Yury A. Avdeev – PhD in Economics, Leading Researcher, laboratory social and medical geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

(E-mail: avdyural@mail.ru), (elibrary Author ID: 718435), (ORCID: 0000 -0003-0379-9914)

Valentina L. Ushakova – Researcher, laboratory social and medical geography, Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

(E-mail: ushakova@tigdvo.ru), (elibrary Author ID: 75981), (ORCID: 0000 -0002-4916-3973)

Authors declared contribution:

Yury A. Avdeev - statement of the problem, development of the concept of the article, analysis of publications on the topic of the study, analysis of the results of the study, formulation of the conclusions of the study.

Valentina L. Ushakova – collection and analysis of data, analysis of research results, analysis of publications on the research topic.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Yury A. Avdeev.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

Научная статья
УДК 314.04
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35
EDN: [GEHIGE](#)

Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию

Виктория Юрьевна Леденева¹, Светлана Николаевна Мищук^{1,2}

^{1,2} Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

² Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия

¹ (vy.ledeneva@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>)

² (svetamic79@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8117-6352>)

Аннотация

Статья посвящена вопросу участия женщин на рынке труда, эмигрировавших в Россию из стран СНГ. В последние годы отмечается «феминизация» миграционных потоков в Россию. Женщины активно вовлекаются в трудовую миграцию, при этом наблюдается тенденция увеличения самостоятельного переезда женщин, без мужчин. Сравнительные исследования достаточно широко и комплексно изучают изменения гендерных ролей женщин-мигрантов, вместе с которыми меняются образ жизни женщины, поведение, формы взаимоотношений в семье, воспитание детей, базовые жизненные установки и т.д. Заметный вклад вносят отечественные учёные в изучение этнического предпринимательства, акцентируя внимание на факторах достижения успеха, личных и деловых качествах предпринимателей, особенной роли диаспор и поддержки со стороны этнических групп. При этом в российском научном сообществе практически отсутствуют исследования о предпринимательской деятельности женщин-мигранток. В рамках исследования представлены результаты социологического опроса женщин-мигранток, занимающихся предпринимательской деятельностью на территории России, и ранее проживавших за её границами. Цель опроса показать возможности совмещения женщинами бизнеса и ухода за детьми и семьёй. Полученные результаты опроса отражают мнение женщин-мигранток, имеющих опыт предпринимательства. Предпринимательство позволяет женщинам раскрыть свой потенциал, при этом, занятие бизнесом не мешает уходу за детьми и домом. Отношение родственников в абсолютном преимуществе положительное, при необходимости родственники помогают женщинам по уходу за детьми и домом.

Ключевые слова: женщины-предприниматели, мигранты, СНГ, семья, семейные ценности, деловая активность, международная миграция, феминизация

Для цитирования: Леденева В.Ю., Мищук С.Н. Семья и деловая активность женщин, иммигрировавших в Россию // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 25–35. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35
EDN: [GEHIGE](#)

Family and Business Activities of Women Who Immigrated to Russia

Viktoriya Yu. Ledeneva¹, Svetlana N. Mishchuk^{1,2}

^{1,2} Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Institute for Complex Analysis of Regional Problems of the FEB RAS, Birobidzhan, Russia

¹ (vy.ledeneva@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9478-2917>)

² (svetamic79@mail.ru), (0000-0002-8117-6352)

Abstract

The article is devoted to the issue of participation of women in the labor market who emigrated to Russia from the CIS countries. In recent years, there has been a "feminization" of migration flows to Russia. Women are actively involved in labor migration, while there is a tendency for women to move independently, without men.

Comparative studies quite widely and comprehensively study the changes in the gender roles of migrant women, along with which the woman's lifestyle, behavior, forms of relationships in the family, upbringing of children, basic life attitudes, etc. are changing. Domestic scientists make a significant contribution to the study of ethnic entrepreneurship, focusing on the success factors, personal and business qualities of entrepreneurs, the special role of diasporas and support from ethnic groups. At the same time, there are practically no studies on the entrepreneurial activities of women migrants in the Russian scientific community. The study presents the results of a sociological survey of migrant women engaged in entrepreneurial activities in Russia and previously living abroad. The survey is aimed at assessing the possibility of women combining business and caring for children and families. The results of the survey reflect the opinion of migrant women with entrepreneurial experience. It is shown that for the majority of respondents doing their own business makes it possible to improve the financial condition of the family. Entrepreneurship allows women to reach their potential, while doing business does not interfere with caring for children and home. The attitude of relatives, both on the part of women and on the part of husbands and their relatives, is absolutely positive, if necessary, relatives help women take care of children and the house.

Keywords: women entrepreneurs, migrants, CIS, family, family values, business activity, international migration, feminization

For citation: Ledeneva V. Yu., Mishchuk S.N. Ledeneva V. Yu., Mishchuk S.N. Family and Business Activities of Women Who Immigrated to Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 25–35. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_2_25_35

Введение

По данным Международной организации по миграции (далее – МОМ), в последние пять лет количество международных мигрантов значительно увеличилось и по итогам 2020 г. составило 281 млн человек или 3,6 % населения мира. Об этом сообщается в докладе, подготовленном МОМ в 2020 г. [1].

Как отмечается в докладе, некоторые аспекты миграции за 20 лет практически не подверглись серьёзным изменениям, например, доля женщин в международной миграции остается почти неизменной. В то же время объём международных денежных переводов значительно вырос со 128 млрд долл. США до 702 млрд долл. США, что подчёркивает экономическую значимость международной миграции. Общая характеристика миграционных потоков представлена в таблице 1.

Доля женщин составляет примерно половину международных мигрантов (48 % в 2020 г.). Современные женщины, наравне с мужчинами выезжают в другие страны в поисках работы. Это связано с увеличением спроса в принимающих странах на рабочую силу, особенно в обслуживающих секторах. Женщины стремятся и заработать для своей семьи, и одновременно реализовать потребности в профессиональном росте.

За 20 лет наблюдений за миграцией, доля женщин в общем потоке международной миграции оставалась почти неизменной, однако в 2020 г. не-

много сократилась, что, в первую очередь, было связано с ограничениями пандемии COVID-19 (рисунок 1).

Женскую миграцию можно представить в виде двух, наиболее широко распространённых моделей. Первая – это модель «самостоятельного» участия женщин в миграции. При такой модели женщины выбирают страны проживания, сферу занятости, работодателя и выстраивают отношения с семьёй и родственниками. Вторая – это модель «семейного» типа, когда женщина едет вместе с мужем и детьми, и целью такой миграции является уход за своей семьёй.

В современных условиях активно развивается первая модель миграционного поведения женщин. Все больше женщин оставляют детей на попечение родственников, иногда оставляют мужей на родине и выезжают в другие страны. Благодаря изменению отношения к женщине в мире, особенно в восточных странах, такая феминизация миграции становится всё более распространённой. Женщины получают свободу на передвижение, личную жизнь, образование, работу, растёт экономическая активность женщин.

О роли гендерного фактора в предпринимательстве первые работы в академической литературе появились ещё в конце 1970-х гг. [2,3]. В этих работах не рассматривалась женская миграция, т.к. участие женщин в миграции в то время было минимальным. На протяжении многих лет

Основные показатели миграции в мире, 2000–2020 гг.

Таблица 1

Table 1

Main Indicators of Migration in the World, 2000–2020

	2000 г.	2020 г.
Численность международных мигрантов	150 млн	281 млн
Общая доля мигрантов в населении мира	2,8 %	3,5 %
Общая доля женщин среди международных мигрантов	47,5 %	47,9 %
Общая доля детей среди международных мигрантов	16,0 %	13,9 %
Страна с наибольшей долей международных мигрантов	Объединённые Арабские Эмираты	Объединённые Арабские Эмираты
Численность трудовых мигрантов	-	164 млн
Общий объём международных денежных переводов (в долл. США)	126 млрд	689 млрд
Численность беженцев	14 млн	25,9 млн
Численность внутренних мигрантов	21 млн	41,3 млн
Численность апатридов	-	3,9 млн

Источник: составлено авторами на основе [1].

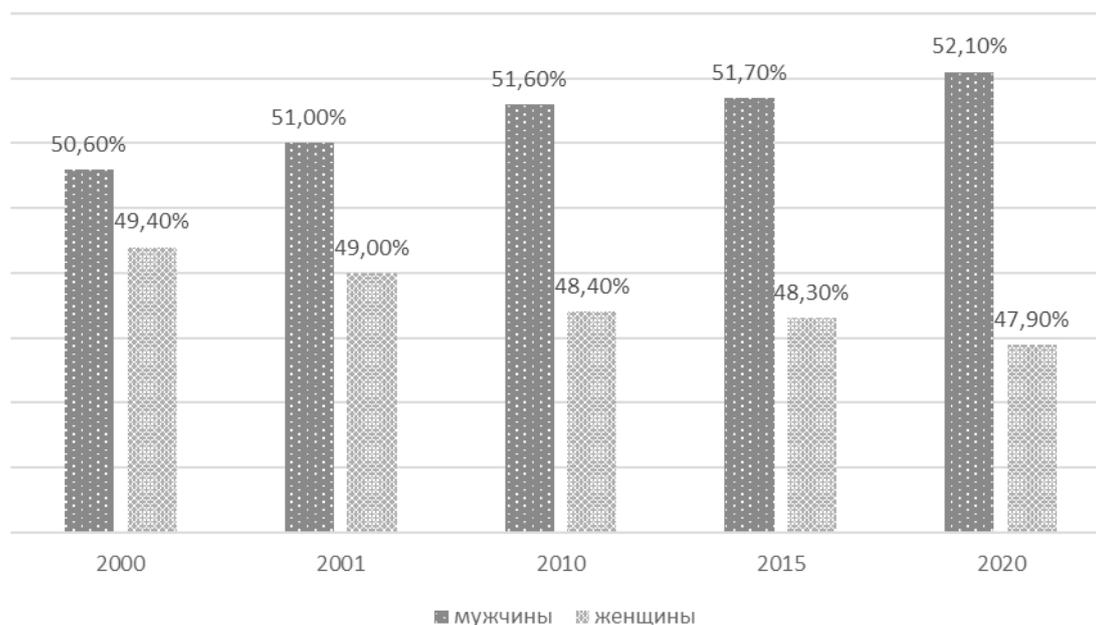

Рисунок 1. Международные мигранты в разбивке по полу, 2000–2020 гг.

Figure 1. International Migrants by Sex, 2000–2020

Источник: [1].

учёные, в основном, уделяли внимание анализу характеристик женщин-предпринимателей в развитых странах. Только недавно в международных журналах стали появляться исследования о роли женского предпринимательства в развивающихся странах с формирующейся экономикой. Вита Л. и др. анализируют характеристики женщин-предпринимателей в развивающихся странах для более углублённого понимания этого многогранного предпринимательского феномена. Особенности социокультурной и институциональной среды конкретной страны играют первостепенную роль в определении возможностей женщин для доступа к предпринимательскому пути и успеха их бизнеса [4]. Стратегию построения женщинами предпринимательской карьеры в условиях, характеризующихся слаборазвитыми рынками и слабыми институтами, анализируют Сарпонг Д., Ньюор Р. и Торбор М. [5].

В научном дискурсе интерес к изучению участия женщин в миграционных процессах в последнее время возрастает, однако до сих пор исследований на эту тему немного. Слабо развита методологическая база анализа феминизации миграционных потоков: направления, формы, мотивы, критерии.

Шведская исследовательница Вебстер Н. связывает деловую активность женщин с эмоциональным состоянием. По её мнению, эмоции играют центральную роль в мотивации к предпринима-

тельской деятельности и являются частью предпринимательского процесса. Эмоции влияют на участие женщин-предпринимателей-мигрантов в доступе к предпринимательским ресурсам, однако роль эмоций в повседневном предпринимательстве остаётся недостаточно изученной [6]. Лассаль П. и др. предлагают рассматривать женское предпринимательство на основе теории мигрантских сетей. Вовлечённость предпринимателей-мигрантов динамична и развивается в трёх типах сетей: сети страны происхождения, сети мигрантов принимающей страны и сети местных жителей принимающей страны [7].

Крейм С., Спенс М. и др. на основе обзора литературы по предпринимательству женщин-иммигранток из числа этнических меньшинств, фокусируются на предпринимательских ресурсах, стратегиях и результатах. Они описывают широкий спектр причин, побуждающих женщин-иммигранток к созданию бизнеса, определяют наиболее распространённые профили и стратегии самозанятости, индивидуальные и социальные последствия предпринимательского поведения [8].

Российскими учёными разработана обширная научная база по изучению женской миграции. Работы посвящены анализу факторов, причин и последствий феминизации миграционных потоков из стран СНГ. По мнению исследователей, интенсивность потоков женской миграции обусловлена сложившейся социальной и экономической

ситуацией в странах исхода, участием женщин на рынке труда, повышением социального статуса, ростом уровня образования и профессиональных стратегий женщин [9,10,11,12].

Чаще всего женщины-мигрантки, прибывающие в Россию с мужем или самостоятельно, работают в сфере социального и бытового обеспечения, медицинского обслуживания, в сфере общественного питания, домашних услуг по уходу, на швейном производстве, в гостиничном секторе. Как правило, женщины, получив хорошее образование у себя на родине, вынуждены заниматься в России низкооплачиваемым трудом.

Цель нашего исследования – изучить изменения гендерных ролей и моделей поведения женщин-мигрантов из стран Средней Азии и показать возможности совмещения женщинами бизнеса и ухода за детьми и семьёй.

Объектом исследования выступают женщины-мигрантки и женщины – россиянки, имеющие мигрантскую историю и реализующие предпринимательскую деятельность в России.

Предмет исследования – выявление образа жизни женщин-предпринимательниц, поведения, форм взаимоотношений в семье и в воспитании детей, а также изменения базовых жизненных установок.

Гипотеза – предпринимательская деятельность женщин-мигранток оказывает существенное влияние на взаимоотношения в семье и воспитание детей. В целом, семья положительно реагирует на предпринимательскую активность женщин и поддерживает их деятельность. В свою очередь женщины считают приоритетными базовые семейные ценности.

Особенности женской миграции в России

В 2021 г. в Российскую Федерацию прибыло 606 тыс. иностранных граждан из стран СНГ. Больше всего мигрантов прибыло из Таджикистана 126840 человек, также из Украины – 122669 чел. и Казахстана – 72668 чел.¹ Около 3,35 млн человек прибыли в Россию с целью работы. В целом, по данным ГУВМ МВД в 2021 г. постоянно на территории Российской Федерации находилось около 7 млн иностранцев². В допандемийный период в России ежегодно находилось около 10 млн иностранных граждан. Определить точную долю женщин в российской миграции достаточно сложно, т.к. статистика отдельно не выделяет эту категорию мигрантов.

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.01.2023).

² Официальные данные ГУВМ МВД России // МВД. России: [сайт]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm (дата обращения: 12.01.2023).

По данным МОМ, в 2019 г. количество мужчин и женщин пропорционально статистике численности мигрантов в России составляло:

- 60 % мужчин и 40 % женщин из Кыргызстана;
- 85 % мужчин и 15 % женщин из Таджикистана;
- 75 % мужчин и 25 % женщин из Узбекистана.

Работающие мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет:

- 34 % – 18–25 лет,
- 33 % – 26–35 лет,
- 33 % – 36–60 лет (мужчины и женщины) [13].

Основными факторами миграции для женщин являются тяжёлая экономическая ситуация на родине, отсутствие работы, тяжёлые бытовые условия жизни, отсутствие перспектив для себя и своих детей. По данным издания Медиа Миг, уровень общей безработицы в Узбекистане в 2020 г. составил 10,5 %, в Таджикистане – 7,5 %, в Киргизии – 3,1 %. Издательство отмечает, что кроме безработицы, выталкивающим фактором является низкая заработная плата. В частности, в Киргизии ежемесячная заработная плата в среднем составляет 16089 рублей, в Узбекистане – 19916 рублей, в Таджикистане – 9458 рублей [14].

Баланс «семья – работа» в стратегиях женской трудовой миграции проявляется в разных группах. Зависимую или сопровождающую миграцию представляет группа замужних женщин, выезжающие на заработки вместе с мужем. Такая модель характерна для женщин Узбекистана и Таджикистана.

Самостоятельную активную миграцию, в основном, представляют незамужние женщины из разных стран. Также активно участвуют в экономической деятельности замужние женщины, но выезжающие в другие страны без мужа. И ещё одна категория женщин, являющихся активными участницами экономических отношений – это замужние женщины, выезжающие вместе с мужем. Такие женщины не ставят целью обслуживание мужа и семьи, а стараются зарабатывать для семьи, наравне с супругом. Эту стратегию реализуют в основном женщины из Украины, Белоруссии, Молдовы, Армении, Киргизии и Казахстана.

Участие женщин-мигранток в российских отраслях экономики вызвано теми же процессами, что и в других странах. В большей степени мигрантки вовлечены в низкоквалифицированные виды деятельности, по сравнению с россиянками, которые преимущественно заняты на рабочих местах, требующих высокой квалификации [15].

Мигрантки компенсируют несовершенство существующих социальных институтов, оказывая доступные платные услуги по уходу за детьми и пожилыми. Использование труда мигрантов позволяет российским женщинам больше времени

посвящать работе, строить карьеру, зарабатывать деньги или заниматься бизнесом. Отечественный рынок труда предлагает много вакансий в сфере сервиса и услуг.

Количество женщин в международных миграционных потоках в Россию зависит от страны исхода. Незначительная доля женщин прибывает из Узбекистана, Таджикистана, Армении и Азербайджана. Во многом это связано с консервативным и традиционным отношением к женщине. Участие женщины в трудовом процессе или, тем более, создание собственного бизнеса воспринимается, как неженская работа и вызывает недоверие со стороны общества. В то же время около 40% женщин прибывает в Россию из Киргизии [16]. Знание русского языка позволяет им находиться в более выгодном положении и работать на более оплачиваемых работах.

Согласно исследованию 2018 г., женщины из Таджикистана и Кыргызстана работали в сервисной экономике (43%), торговле (31%), домашнем труде (8%), ЖКХ (5%) [17].

Трудности для мигранток в России. Для многих иностранных гражданок переезд и работа в России означают хороший заработок, независимость, которую они не могли себе позволить в своей стране, но в то же время и риски.

К рискам женской миграции стоит отнести обман со стороны работодателей и невыплаты заработной платы. Однако, сами иностранки обращают внимание, что им проще добиться выплаты зарплаты у работодателя, чем мужчинам. Возможно, это связано с тем, что женщины больше коммуницируют с работодателями, в отличие от мужчин.

Однако женщины чаще, чем мужчины сталкиваются с нарушением прав, если они вовлечены в неправовые практики экономических отношений с работодателями. Зачастую им предлагают менее выгодные условия труда, нежели мужчинам, переработку, или работу без выходных дней. Существуют проблемы доступа к медицинской помощи.

Негативные последствия для женщин, связанные с реадaptацией, потерей связей, разногласиями с детьми, разводами, проявляются при их возвращении на родину. Со стороны общества формируется подозрительность, особенно к тем женщинам, которые вынуждены были оставить своих детей родственникам. Часто женщина, выехавшая в другую страну на заработки, становится чужой даже для своих родственников, а переезд означает полный разрыв со своей семьей. Обозначенные проблемы требуют комплексного изучения процессов влияния гендерных стереотипов общества на миграцию разных групп населения.

Женщины и предпринимательство

Предпринимательство играет ведущую роль в экономическом развитии стран, и, хотя оно считается деятельностью, в которой доминируют мужчины, недавние исследования подчёркивают, насколько значителен сегодня вклад женщин. Интерес исследователей к изучению гендерного фактора в миграционных процессах в России связан с активизацией социальной роли женщин в странах Средней Азии, которые мигрируют вместе с мужчинами в поисках лучшей жизни.

Женщины быстрее находят работу, успешнее адаптируются в новом обществе и, в целом, показатель женской и семейной миграции расценивается экспертами как желание приезжих укорениться в России. Территориальная структура миграционных потоков отражает преимущество мигрантов из стран Центральной Азии.

В настоящее время актуальным становится исследование изменений гендерных ролей и моделей поведения женщин-мигрантов из стран Средней Азии. В последние годы женщины становятся важной и заметной частью сообщества малого бизнеса в России, открывая собственные салоны красоты, стоматологические кабинеты, клининговые компании, небольшие магазины и т.д. Можно говорить о высокой значимости роли мигрантов в формировании демографических процессов и формирования рынка труда в России. Если в целом по миру в 2019 г. 48% всех международных мигрантов составляли женщины, то в России этот показатель ниже. По данным Флоринской Ю.Ф. четверть объёма трудовой миграции приходится на женщин [12]. Исходя из существующего подхода к изучению предпринимательства, основанного на преобладающей в нем роли мужчин, отметим, что вопросы организации бизнеса женщинами-мигрантками рассматриваются в зарубежных и российских научных источниках значительно реже.

В исследованиях участие женщин в предпринимательской деятельности рассматривается как двойная нагрузка или дискриминация, т.к. у женщин нет равных с мужчинами возможностей для организации своего бизнеса [18, 19].

В рамках изучения женщин-предпринимателей исследователи выделяют отдельную группу «мампредпринимательство» (mumpreneurship) женщин, совмещающих ведение бизнеса с заботой о своих детях. В настоящее время сложилось две точки зрения о возможном сочетании предпринимательской деятельности женщин и функцией воспитания детей. Одни считают необходимым формирование нового отношения к сочетанию материнства и работы. Другие придерживаются точки зрения о женском предпринимательстве,

как факторе усиления неравенства между мужчинами и женщинами, что связано с недоучётом неоплачиваемой занятости женщин по уходу за детьми и домом [20]. Возможно, ещё больше ограничений для женского предпринимательства отмечается у женщин-мигранток.

Результаты опроса женщин-предпринимателей

В рамках нашего исследования был проведён опрос женщин в России, родившихся и проживавших ранее в другой стране. В выборку вошли 7 регионов: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Алтайский край, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Еврейская автономная область. В опросе приняли участие женщины, прибывшие в Россию из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Армении, Молдовы, Азербайджана. Опрос носил пилотный характер и был направлен на подтверждение или опровержение гипотезы о низком потенциале женщин-мигранток для занятия предпринимательством в России. Основной акцент в опросе был сделан на возможность совмещения бизнеса и ухода за детьми и семьёй.

Сбор данных проводился методом снежного кома, который в рамках поставленной задачи и специфики объекта исследования является наиболее результативным. Поиск женщин-предпринимателей был основан на социальных связях и имеющихся контактах авторов данного исследования, а также коллег и специалистов, изучающих

вопросы межэтнического взаимодействия. Всего было получено и обработано 30 анкет. Анкета включала 34 вопроса, разделённых на три блока: о бизнесе, о семье, о себе. Большинство вопросов были закрытыми.

Социально-демографический портрет респондентов включает женщин-предпринимателей, проживающих в различных регионах России. Возраст половины опрошенных составлял 31–40 лет, по 25 % приходилось на женщин в возрастных группах 41–50 лет и 51–60 лет. Подавляющее большинство женщин состояло в браке. У большинства женщин (44 %) было по двое детей, трое детей было у 31 % опрошенных, у 13 % – по четыре ребёнка. По 6 % женщин не имели детей или имели одного ребёнка.

В разделе «О бизнесе» на вопрос «Какие мотивы были для Вас главными для начала предпринимательской деятельности?» 43,3 % респондентов заявили о возможности улучшить финансовое состояние семьи. Второй по популярности был ответ о желании быть независимой (30 %) (рисунок 2).

Обращает внимание, что в разделе «О семье» на вопрос «Что для Вас является главным?» 46,7 % женщин ответили о рождении и воспитании детей и 33,3 % выбрали ответ «Улучшение финансового состояния моей семьи» (рисунок 3).

На вопрос «Если Вам придётся сделать выбор между бизнесом и семьёй, что Вы выберете?», 67 % респондентов ответили, что постараются совместить бизнес и семью и 33 % выбрали только семью.

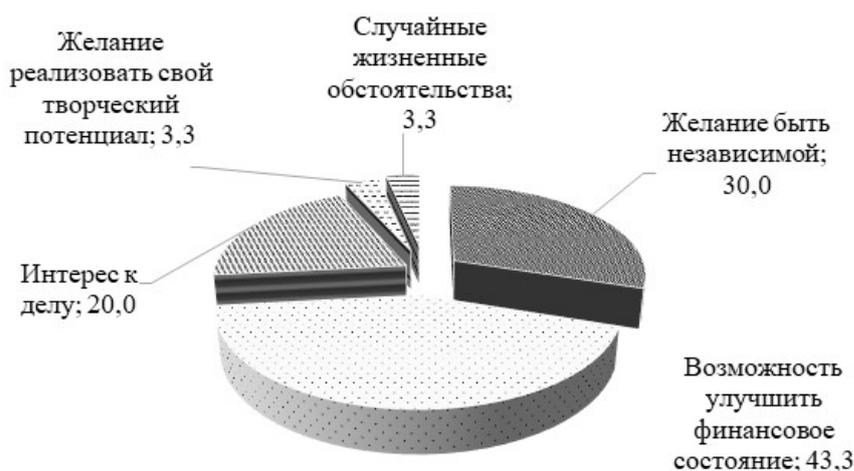

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Какие мотивы были для Вас главными для начала предпринимательской деятельности?»

Figure 2. The Answer to the Question «What Were Your Main Motives for Organizing Your Business?»

Источник: данные авторского исследования.

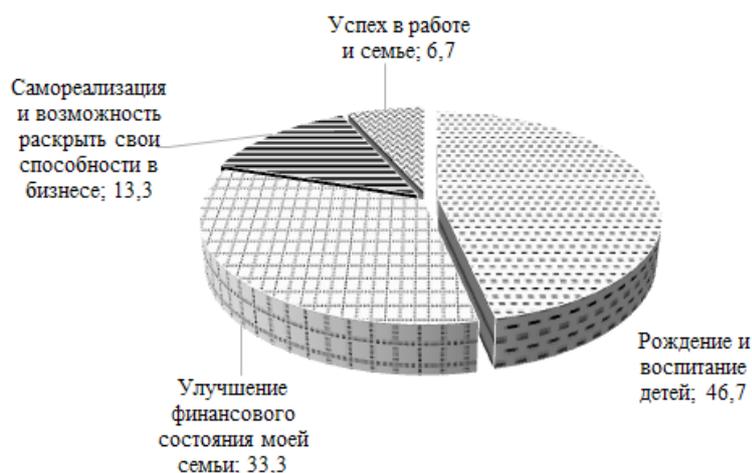

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является главным?»
Figure 3. The Answer to the Question in the Section on the Family «What is Most Important to You?»

Источник: данные авторского исследования.

Среди основных проблем при открытии бизнеса респонденты отметили высокую конкуренцию в выбранной нише (36%), проблема совмещения семьи и бизнеса занимала лишь 18% ответов, занимая второе место. Несогласие семьи, мужа или родственников мужа отметили 14% и 3%, соответственно.

На вопрос о желании рекомендовать своим подругам заняться бизнесом утвердительно ответили 81%. Почти пятая часть респондентов не обсуждает вопросы бизнеса с подругами. При этом все женщины готовы поддержать дочь в случае занятия ею бизнесом. Положительное отношение к открытию бизнеса подругами или дочерьми отражает значимость своего дела для женщин-мигрантов.

Большая часть респондентов (37%) в качестве стартового капитала использовала средства, выделенные мужем. Треть женщин имели свои

накопления и использовали их. Кредит в банке взяла каждая пятая участница опроса и 13% воспользовались средствами, предоставленными ей диаспорой.

С целью изучения влияния бизнеса на отношения в семье, в анкете было задано несколько вопросов. На первый вопрос «Как влияет Ваш бизнес на Вашу семью?» почти половина женщин ответили, что бизнес не мешает быть им с детьми и мужем и 33% отметили, что муж поддерживает их и помогает с детьми. В то же время, каждая пятая женщина отметила, что времени на общение с детьми и мужем становится меньше (рисунок 4). На вопрос «Согласились бы Вы оставить бизнес и заниматься детьми и домашними делами?» отрицательно ответили 56% респондентов, положительно ответили – 10% (рисунок 5).

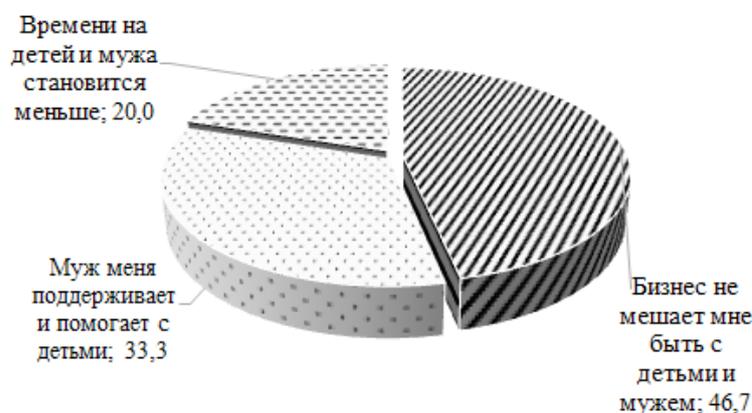

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Как влияет Ваш бизнес на Вашу семью?»
Figure 4. The Answer to the Question in the Family Section «How Does Your Business Affect Your Family?»

Источник: данные авторского исследования.

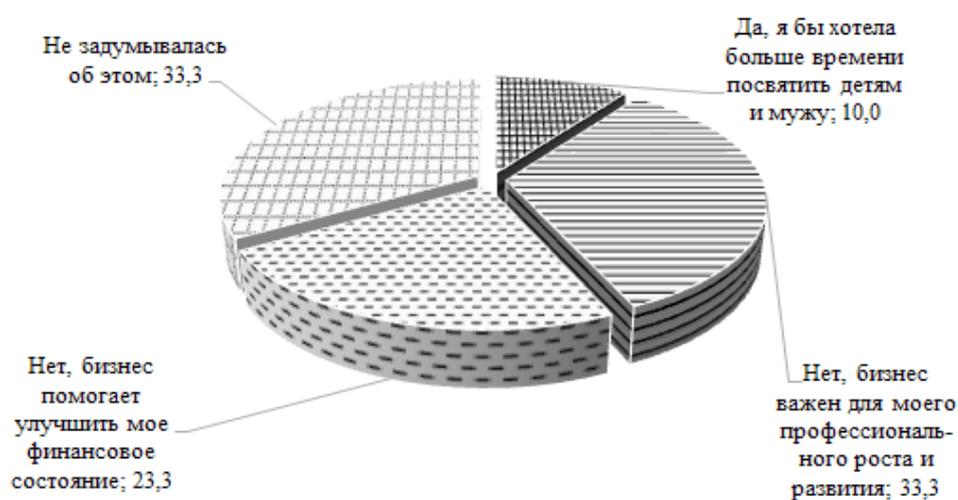

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Согласились бы Вы оставить бизнес и заниматься детьми и домашними делами?»

Figure 5. The Answer to the Question in the «Family Section» «Are You Ready to Leave the Business and Take Care of Children and Household Chores?»

Источник: данные авторского исследования.

На вопрос «Кто в Вашей семье несёт основную нагрузку по дому (уборка, уход за детьми)?» в равных долях распределились ответы о том, что женщина сама успевает следить за домом и детьми (37%) или о помощи родственников в уходе за детьми (38%). Четвёртая часть респондентов делят работу по дому с мужем.

Более 70% женщин отмечают, родственники гордятся тем, что они смогли организовать свой бизнес и лишь 6% осуждают за занятие неженским делом. Высокий процент ответов о положительной реакции со стороны родственников, на наш взгляд, может быть в дальнейшем изучен более подробно. Одобрение предпринимательской деятельности со стороны родственников может быть рассмотрено, с одной стороны, с позиции изменения традиционных устоев, характеризующихся обязанностью женщин воспитывать детей, следить за домом. С другой стороны, расширением спектра занятости женщин: кроме ведения домашнего хозяйства предполагается участие женщины в поддержке финансовой стабильности семьи посредством предпринимательской деятельности.

На вопрос о том, какими качествами должна обладать современная женщина-предприниматель, наиболее популярными ответами были – уверенность в себе, умение совмещать бизнес и семью, вежливость и ответственность. Два респондента отметили, что женщина всегда зависит от мужа.

В будущем (через три года) женщины видят положительные перспективы своего бизнеса.

Большинство (73%) хотели бы расширить своё дело, 17% – планируют расширить число своих клиентов. Лишь 10% респондентов отметили, что через три года хотели бы, чтобы бизнес приносил прибыль без их непосредственного участия, чтобы иметь больше времени на общение с детьми и семьёй.

Заключение

В статье была сделана попытка ответить на многие вопросы, связанные с участием женщин-мигранток в трудовой деятельности, в качестве собственников своего бизнеса и формированием особого отношения к семейным ценностям. Как женщины становятся предпринимателями? Какие факторы способствуют открытию собственного бизнеса в принимающей стране? Что влияет на развитие предпринимательской карьеры? Как меняются модели поведения женщин и отношение к жизненным установкам и ценностям традиционной культуры? Весь комплекс факторов формирования предпринимательского поведения женщин мигрантов в совокупности делает очевидным необходимость провести взаимосвязь между успешной предпринимательской карьерой и интеграцией женщины и членов её семьи в принимающее общество.

Небольшая выборка не позволяет в полной мере говорить о широком распространении выявленных в исследовании результатов, однако, считаем возможным подчеркнуть происходящие

изменения в оценке возможности сочетания семьи и предпринимательской деятельности женщинами-мигрантами, как со стороны самих респондентов, так и членов их семей.

Полученные результаты опроса отражают мнение женщин-мигрантов, имеющих опыт предпринимательства, что отражается в характере их ответов. Можно предположить, что ответы женщин, мигрировавших в Россию, но не имеющих опыт ведения собственного дела, будут в меньшей степени ориентированы на самостоятельность и самореализацию. В то же время, обозначенные результаты и существующие примеры позволяют сделать вывод о расширении функций женщин.

Принимая во внимание, что респонденты прибывали в Россию из разных стран и имели как православное, так и мусульманское вероисповедание, в последующих исследованиях необходимо провести более подробный анализ происходящих из-

менений в разрезе конфессиональных, этнических групп.

Новизна нашего исследования заключалась в комплексном исследовании факторов, способов и механизмов формирования и развития предпринимательского поведения в современном дискурсе гендерной миграции. Комплексный подход позволил выявить новые особенности гендерных отношений. Впервые, на основе коммерчески успешных практик, рассмотрены и изучены предпринимательские стратегии женщин-мигрантов, траектории построения карьеры в условиях принимающего российского общества, которое сложно назвать гендерно равноправным. Гендерный подход к пониманию деловой активности женщин-мигрантов бросает вызов нормативным взглядам на предпринимательство и базовым жизненным установкам и стереотипам традиционных среднеазиатских обществ.

Список литературы

1. McAuliffe, M. и A. Triandafyllidou, A. (eds.). Доклад о миграции в мире 2022. Международная Организация по Миграции (МОМ), Женева. 2021. 555с. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/WMR-2022-RU.pdf>. (дата обращения: 10.01.2023). ISBN 978-92-9268-475-4 (web pdf).
2. McClelland D. K., Atkinson J. W., Clark R. A., Lowell E. L. Achievement motive. Oxford: Irvington; 1975.
3. Maer M. L., Sjögren D. Atkinson's theory of achievement motivation: the first step towards the theory of academic motivation? Educational Research Review. 1971;41(2):143–161.
4. Vita L., Mari M., Poggesi S. Women Entrepreneurs In and From Developing Countries: Evidences from the Literature // European Management Journal. 2014. Vol. 32. No. 3. P. 451-460. ISSN 0263-2373, DOI 10.1016/j.emj.2013.07.009
5. Sarpong D., Nyuur, R., Torbor M.K. Careers of Commercially Successful Female Entrepreneurs in Context of Underdeveloped Markets and Weak Institutions // International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 698-719, ISSN: 1355-2554, DOI 10.1108/IJEBr-06-2021-0526
6. Webster N. Migrant Women Entrepreneurs and Emotional Encounters in Policy Fields // Emotion, Space and Society. 2020. Vol. 37, 100730. ISSN 1755-4586, DOI 10.1016/j.emospa.2020.100730
7. Migrant Entrepreneurship and Markets: The Dynamic Role of Embeddedness in Networks in the Creation of Opportunities/ Lassalle P., Johanson M., Nicholson J., Ratajczak-Mrozek M. // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 91. P. 523-536. ISSN 0019-8501, DOI 10.1016/j.indmarman.2020.04.009
8. Review of Female Immigrant Entrepreneurship Research: Past Findings, Gaps and Ways Forward/ Chreim S., Spence M., Crick D., Liao X. // European Management Journal. 2018. Vol. 36. No. 2. P. 210-222. ISSN 0263-2373, DOI 10.1016/j.emj.2018.02.001
9. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е.В. Тюрюканова, Ж.А. Зайончковская, Л.Б. Карачурина [и др.]; под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/pfwv3yiwye/81010041.pdf> (дата обращения: 12.01.2023)
10. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества : [монография]. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с. ISBN 978-5-907427-41-9, DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021
11. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Перемышлин С.Н. Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53–65. DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5, EDN: HRVZXP
12. Флоринская Ю.Ф. Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1(190). С. 78–90. DOI 10.47711/0868-6351-190-78-90, EDN: UHKZIA.
13. Рязанцев С., Садвокасова А., Жеенбаева Ж. Исследование мобильности рабочей силы в миграционном коридоре Центральная Азия – Российская Федерация. Консолидированный отчет // Международная организация по миграции (МОМ), 2021. 104 с. URL: https://kazakhstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11586/files/documents/mobilnost-rabochey-sily-v-koridore-ca-rf_0.pdf (дата обращения: 25.12.2022)
14. Женская миграция в Россию — набирающий силу тренд // Медиа-миг: [сайт]. Октябрь 2021. URL: <https://media-mig.ru/problems/zhenskaja-migracija-v-rossiju-nabirajushhij-silu-trend-neobhodimo-priznanie-gendernyh-razlichij-v-kontekste-migracionnyh-processov-i-sootvetstvujushhaja-differenciacija-dannyh/> (дата обращения: 25.12.2022).
15. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Карцева М. А. Женщины — наёмные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87–102. DOI 10.21064/WinRS.2022.2.7, EDN: OAFHYO
16. Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве / Г.И. Осадчая, Е.Е. Киселева, Е.Ю. Киреев, А.А. Черникова // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 129–148. DOI 10.21064/WinRS.2021.2.10, EDN FCTDZY

17. Полетаев Д.В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию// Народонаселение. 2018. Т. 21. №4. С. 68–78. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07, EDN: YV5QCT.
18. Migrant women entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem/ Aman R., Ahokangas P., Elo M., Zhang X. // In D. Pickernell, M. Battisti, Z. Dann, C. Ekinsmyth (Eds.), *Disadvantaged entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem* (pp. 87–119). Emerald Group Publishing. Contemporary Issues in Entrepreneurship Research 2022. No. 14. ISBN (Electronic) 978-1-80071-450-2, 978-1-80071-452-6, DOI 10.1108/s2040-72462022000014005
19. Disadvantaged entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem: conclusions and areas for future research/ Pickernell D.G., Battisti M., Dann Z., Ekinsmyth C. // In Pickernell D.G., Battisti M., Dann Z., Ekinsmyth C., editors, *Disadvantaged Entrepreneurship and the Entrepreneurial Ecosystem*. 2022. Vol. 14. P. 219–223. (Contemporary Issues in Entrepreneurship Research). DOI 10.1108/S2040-72462022000014010
20. Ekinsmyth C. Mothers' business, work/life and the politics of «mumpreneurship» // *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*. 2014. Vol. 21:10. P. 1230–1248. DOI 10.1080/0966369X.2013.817975

Информация об авторах:

Виктория Юрьевна Леденева – д.с.н., доцент, главный научный сотрудник – руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, Москва

(E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru), (Author ID 366610), (Researcher ID AAU-6083-2021), (Scopus ID 57208709009)

Светлана Николаевна Мищук – к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия, Москва; ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Россия, Биробиджан

(E-mail: svetamic79@mail.ru), (Elibrary Author_ID 147787), (ResearchID B-2042-2014), (Scopus Author ID: 55646634400)

Заявленный вклад авторов:

Леденева В.Ю. – разработка анкеты исследования, проведение социологического опроса, обработка и анализ данных, подготовка рукописи.

Мищук С.Н. – проведение социологического опроса, обработка и анализ данных, подготовка рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку, – Виктория Юрьевна Леденева.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

References

- McAuliffe, M. and Triandafyllidou, A. (eds.). *World Migration Report 2022*. International Organization for Migration (IOM). Geneva; 2021. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/WMR-2022-RU.pdf> (accessed 10/01/2023). ISSN 1561-5502 ISBN 978-92-9268-076-3 (PDF) ISBN 978-92-9268-078-7 (print) (in Russ.)
- McClelland D. K., Atkinson J. W., Clark R. A., Lowell E. L. Achievement motive. *Oxford: Irvington*; 1975.
- Maer M. L., Sjögren D. Atkinson's theory of achievement motivation: the first step towards the theory of academic motivation? *Educational Research Review*. 1971;41(2):143–161.
- Vita L., Mari M., Poggesi S. Women entrepreneurs in and from developing countries: Evidences from the literature. *European Management Journal*. 2014;32(3):451–460. ISSN 0263-2373, DOI 10.1016/j.emj.2013.07.009
- Sarpong D., Nyuur R. and Torbor M.K. Careers of commercially successful female entrepreneurs in context of underdeveloped markets and weak institutions. *International Journal of Entrepreneurial Behavior and Research*. 2022;28(3):698–719. ISSN 1355-2554, DOI 10.1108/IJEBr-06-2021-0526
- Webster N. Migrant women entrepreneurs and emotional encounters in policy fields. *Emotion, Space and Society*. 2020;37:100–730. ISSN 1755-4586, DOI 10.1016/j.emospa.2020.100730
- Migrant entrepreneurship and markets: The dynamic role of embeddedness in networks in the creation of opportunities. Lassalle P., Johanson M., Nicholson J., Ratajczak-Mrozek M. *Industrial Marketing Management*. 2020;91:523–536. ISSN 0019-8501, DOI 10.1016/j.indmarman.2020.04.009
- Review of female immigrant entrepreneurship research: Past findings, gaps and ways forward. Chreim S., Spence M., Crick D., Liao X. *European Management Journal*. 2018;36(2):210–222. ISSN 0263-2373, DOI 10.1016/j.emj.2018.02.001
- Women migrants from the CIS countries in Russia. E.V. Tyuryukanova, Zh.A. Zayonchkovskaya, L.B. Karachurin, ed. E.V. Tyuryukanova. Moscow: MAX Press; 2011. 119 p. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/pfww3yiywe/81010041.pdf> (accessed 12/01/2023) (in Russ.)
- Osadchaya G.I. Eurasian Economic Union: development potential, cooperation format: [monograph]. Moscow: Publishing house «Econ-Inform»; 2021. 346 p. ISBN 978-5-907427-41-9, DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021 (in Russ.)
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Peremyslin S.N. Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2019;4:53–65. DOI 10.21064/WinRS.2019.4.5, EDN HRVZXP (in Russ.)
- Florinskaya Yu. Female labor migration to Russia: number, donor countries, niches in the labor market. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2022;33(1):55–64. DOI 10.1134/S1075700722010075, EDN UHKZIA (in Russ.)
- Ryazantsev S., Sadvokasova A., Zheenbaeva Zh. Study of labor mobility in the migration corridor Central Asia - Russian Federation. Consolidated report. *Mezhdunarodnaya organizaciya po migracii = International Organization for Migration (IOM)*. 2021:104. URL: https://kazakhstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11586/files/documents/mobilnost-rabochey-sily-v-koridore-carf_0.pdf (accessed 25/12/2022) (in Russ.)

14. Women's migration to Russia is a growing trend // Media Mig. 2021-10-21 URL: <https://media-mig.ru/problems/zhenskaja-migracija-v-rossiju-nabirajushhij-silu-trend-neobhodimo-priznanie-gendernyh-razlichij-v-kontekste-migracionnyh-processov-i-sootvetstvujushhaja-differenciacija-dannyh/> (accessed 25/12/2022) (in Russ.)
15. Florinskaya Yu. F., Mkrtchyan N. V., Kartseva M. A. (2022). Women - hired workers in the households of Moscow and St. Petersburg. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve = Woman in the Russian society*. 2022;2:87-102 DOI 10.21064/WinRS.2022.2.7, EDN: OAFHYO (in Russ.)
16. The main vectors of female migration in the Eurasian space. Osadchaya G.I., Kiseleva E.E., Kireev E.Yu., Chernikova A.A. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve = Woman in Russian society*. 2021;2:129-148. DOI 10.21064/WinRS.2021.2.10, EDN: FCT-DZY (in Russ.)
17. Poletaev D.V. Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(4):68-78. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07, EDN: YVSQCT (in Russ.)
18. Migrant women entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem. Aman R., Ahokangas P., Elo M., Zhang X. In D. Pickernell, M. Battisti, Z. Dann, & C. Ekinsmyth (Eds.), *Disadvantaged entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem*. 2022. (pp. 87-119). Emerald Group Publishing. *Contemporary Issues in Entrepreneurship Research* No. DOI 10.1108/s2040-724620220000014005
19. Disadvantaged entrepreneurship and the entrepreneurial ecosystem: conclusions and areas for future research. Pickernell D.G., Battisti M., Dann Z., Ekinsmyth C. In Pickernell D.G., Battisti M., Dann Z., Ekinsmyth C., eds, *Disadvantaged Entrepreneurship and the Entrepreneurial Ecosystem*. 2022;14:219-223. (Contemporary Issues in Entrepreneurship Research). DOI 10.1108/S2040-724620220000014010
20. Ekinsmyth C. Mothers' business, work/life and the politics of «mumpreneurship». *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*. 2014;21(10):1230-1248. DOI 10.1080/0966369X.2013.817975

Information about the author:

Viktoria Yuryevna Ledeneva – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Chief Researcher – Head of the Department of the Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Russia, Moscow

(E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru), (Author ID 366610), (Researcher ID AAU-6083-2021), (Scopus Author ID 57208709009)

Svetlana N. Mishchuk – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Russia, Moscow; Leading Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems of the FEB RAS, Russia, Birobidzhan (E-mail: svetamic79@mail.ru), (Author ID 147787), (Research ID B-2042-2014), (Scopus Author ID: 55646634400)

Authors declared contribution:

Ledeneva V.Yu. – development of a research questionnaire, conducting a sociological survey, processing and analyzing data, preparing a manuscript.

Mishchuk S.N. – conducting a sociological survey, data processing and analysis, preparation of the manuscript.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Viktoria Yuryevna Ledeneva.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

Научная статья
УДК 330.3
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46
EDN: [GNWDCQ](#)

Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала

Наталья Геннадьевна Яковлева

Центр институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, Москва, Россия, (tetn@yandex.ru),
(ORCID: 0000-0001-7839-8467)

Аннотация

В данной статье рассматриваются трансформации, которым подвергается социальная сфера, в частности образование, в современной экономике под влиянием глобальных и национальных вызовов. Сфера образования в современном обществе является важнейшей сферой формирования человеческого потенциала, обеспечивающей социально-экономическое и технологическое развитие страны. Поэтому исследование путей развития и определение прогрессивного тренда в развитии образования является важной научной и практической задачей. В ходе исследования зафиксированы два основных направления в формировании социальной сферы, в частности, образования: маркетизация и социализация. В статье рассматривается процесс маркетизации российского образования в постсоветской России и основные его проявления, а именно коммерциализация, которая выражается не только в создании коммерческого сектора образования и частных образовательных организаций, но и смещении целей деятельности всей системы образования в сторону рыночно-ориентированной модели. Коммерциализация и бюрократизация российского образования, а также его недофинансированность определены как основные национальные вызовы для формирования человеческого потенциала, соответствующего уровню развития современного общества и экономики. Основным глобальным вызовом является глобализация образования, а именно подчинение национальных систем образования международным институтам, деятельность которых определяется целями развития глобального капитала и глобальной экономики, а не развития человеческого потенциала. В качестве альтернативного варианта предлагается постепенное формирование в нашей стране социально-ориентированной модели образования, основными составляющими которой являются эгалитарность, общедоступность, общественная ориентированность и демократичность. В статье показано, что социально-ориентированная модель образования, как представляют научные исследования и реальные практики современных экономик некоторых стран, является не только социально, но и экономически эффективной.

Ключевые слова: социальная сфера, образование, человеческий потенциал, социализация образования, коммерциализация образования, недофинансированность образования, национальные вызовы образованию, глобальные вызовы образованию

Для цитирования: Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 36–46. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46
EDN: [GNWDCQ](#)

Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential

Natal'ya G. Yakovleva

Center for Institutes of Socio-Economic Development of the Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia, (tetn@yandex.ru),
(ORCID 0000-0001-7839-8467)

Abstract

This article describes the transformations that the social sphere, including education, is undergoing in the modern economy under the influence of global and national challenges. Education in the modern economy is the most important sphere of human potential formation, ensuring the socio-economic and technological development of the country. Therefore, the study of the ways of development and the definition of a progressive trend in the development of education in modern society is an important scientific and practical task. There are two main directions in the formation of the social sphere, in particular, education: marketization and socialization. The article considers the process of marketization of Russian education in post-Soviet Russia and its main manifestations, namely commercialization. This is reflected not only in the creation of the commercial education sector and private educational organizations, but also in the shift of the goals of the entire education system towards a market-oriented model. Commercialization and bureaucratization of Russian education, as well as its underfunding, are identified as the main national challenges for the formation of human potential corresponding to the level of development of modern society and economy. The main global challenge is the globalization of education, namely the subordination of national education systems to international institutions whose activities are determined by the goals of the development of global capital and the global economy, and not the development of human potential. As an alternative, the gradual formation of a socially-oriented model of education in our country is proposed. The main components of such a model are egalitarianism, accessibility, social orientation and democracy. Scientific research and real practices of modern economies of some countries show that a socially-oriented model of education is both socially and economically effective.

Keywords: social sphere, education, human potential, socialization of education, commercialization of education, underfunding of education, national challenges to education, global challenges to education

For citation: Yakovleva N.G. Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 36–46. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46

Введение

Для экономики России в условиях обострения геополитэкономических противоречий ещё острее встаёт проблема ускоренной технологической и социально-экономической модернизации. Важную роль в решении данной проблемы играет человеческий потенциал как отдельной личности, так и страны в целом.

В российской общественной науке в последнее время вновь актуализировалось понятие «человеческий потенциал» и на сегодняшний день имеется ряд исследований в этой области¹ [1], [2]. Под «человеческим потенциалом» мы понимаем весь спектр созидательных способностей человека, в том числе способность к труду, личностные качества, а также способность к творческой деятельности.

Отметим, что теоретико-экономическое исследование человека и его роли в экономическом развитии общества сегодня часто проводят, опираясь на понятие «человеческий капитал». Введение и активное использование этого понятия, с одной стороны, свидетельствует о признании роли человека как одного из важнейших факторов современного экономического развития, но, с другой, – отражает редукцию многогранного существования человека в экономике к фактору увеличения стоимостного богатства. Человеческий потенциал, в свою очередь, включает в себя не только способность человека к репродуктивному труду (рабочая сила), но и потенциал творческой деятельности, личностного развития, играющий все возрастающую роль в современной экономике.

Большую роль в формировании человеческого потенциала играет социальная сфера. Под социальной сферой мы понимаем сферу, в которой непосредственно формируется человеческий потенциал – это образование, здравоохранение, культура². Более правильно было бы назвать эту сферу гуманитарной, но в русском языке этот термин чаще используется в другом значении.

¹ Соболева И.В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Соболева Ирина Викторовна; ИЭ РАН. Москва, 2006. 297 с.

² Авторское определение социальной сферы не является общепризнанным. В научной литературе к социальной сфере также относятся: физическая культура и спорт, социальное обеспечение, туризм, общественное питание, ЖКХ, пассажирский транспорт и связь.

В данной статье мы более подробно остановимся на исследовании образования, его трансформации в постсоветской России, национальным и глобальным вызовам его развитию.

Итак, объектом исследования является сфера образования постсоветской России как основное пространство формирования человеческого потенциала. Предмет исследования: социально-экономические отношения и институты в сфере образования современной России. Цель исследования заключается в исследовании трансформации социально-экономических отношений в образовании в условиях определённых национальных и глобальных вызовов в современной экономике нашей страны. Гипотеза исследования: определение прогрессивной модели развития российского образования для формирования человеческого потенциала страны, необходимого для ускоренной технологической и социально-экономической модернизации экономики России.

Для того чтобы нагляднее показать специфику трансформаций в социальной сфере России за последние десятилетия мы выбрали модель хронотопа³. В случае социально-экономических исследований хронотоп – это единство социального времени и пространства, которое определяется системой тех или иных социально-экономических отношений. Так, например, для Советского Союза был характерен один хронотоп, а для современной России – другой. И не потому, что СССР и Россия имеют разное астрономическое время жизни и разное географическое пространство, а потому что для них характерны различные единства социального времени и пространства, которые формировались и формируются в определённой системе социально-экономических отношений. Рассмотрим более подробно хронотопы Советского Союза и постсоветской России через призму социальной сферы.

В СССР система социально-экономических отношений в большей степени была социально-ориентированной, социальное время направлено на развитие человека, а пространство – единое

³ Хронотоп – это категория, которая используется в различных науках, от физиологических исследований до литературоведения и обозначает единство времени (хронос) и пространства (топос). В последнее время эта категория особенно часто используется в социально-философских работах профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Л.А. Булавкиной [3, с. 25–54].

для всей страны. Поэтому независимо от места проживания (Москва, Ташкент, Тверь и т.д.), население получало общественные блага одинакового уровня качества и, в большинстве своем, бесплатно. Обратимся к основному тренду хронотопа постсоветской России. Система социально-экономических отношений – рыночно-ориентированная, социальное время направлено на зарабатывание денег, пространство – мозаичное, т.е. каждый за себя (каждый человек за себя, каждый регион и город – за себя, каждый университет, больница и театр – за себя). В результате население получает блага (потенциально являющиеся общественными) в форме частной коммерческой услуги, причём разного качества в зависимости от региона, города, университета, больницы, театра и т.д. и уровня дохода, в первую очередь.

Таким образом, с помощью модели хронотопа определяется две противоположные тенденции в формировании системы отношений в социальной сфере: социализация и маркетизация. Данные тенденции определяются, в первую очередь, системой социально-экономических отношений в обществе. Остановимся более подробно на характеристике двух вышеуказанных процессов.

Итак, социализация – это ориентация на развитие человеческого потенциала на основе общественного обеспечения социальной сферы. Данный процесс может принимать различные формы, начиная от характерной для социально-ориентированного капитализма (скандинавская модель⁴) до социалистической (на примере модели «реального социализма» в Советском Союзе [6, с. 148–151] или реализуемой сейчас социально-экономической модели в Китае).

Перейдём к рассмотрению противоположной тенденции в формировании социальной сферы – маркетизации. Это когда социальная сфера выдавливается в рынок, в ней начинают развиваться рыночные отношения и рыночные механизмы взаимодействия всех её участников и институтов. Маркетизация может проявляться в форме коммерциализации⁵, т.е. подчинение социальной сферы не только рыночной конъюнктуре, но и непосредственно специфическим целям получения капиталистического коммерческого результата. Например, в образовании этот процесс затрагивает, во-первых, всех участников образовательного процесса, во-вторых, его содержание и, в-третьих, его результаты. На современном этапе развития рыночно-капита-

листических отношений маркетизация социальной сферы может проявляться также в форме *финансиализации*⁶, когда образование, здравоохранение, культура попадают под прямое влияние финансовых мотивов и рынков, финансовых корпораций и учреждений, конкретных представителей финансовой сферы. Россию этот процесс затронул в меньшей степени, чем, например, США и Западную Европу, однако и в нашей стране в последние годы наблюдались отдельные его проявления, например, активное включение руководителей финансовых институтов, как частных, так и государственных, в деятельность, в частности, образовательных организаций, массовое обучение финансовой грамотности населения страны от мала до велика и т.д.⁷

Необходимо отметить, что выше мы сформулировали в виде научной абстракции две тенденции (социализация и маркетизация) в формировании социальной сферы и охарактеризовали основной вектор в их развитии. Анализируя конкретную практику реализации данных процессов, можно зафиксировать ситуации, которые не в полной мере, а в некоторых случаях и кардинально не совпадают с общим вектором. Так, например, в СССР несмотря на общий вектор социализации, к 60–70-м годам сложилась практика специального социального обеспечения партийной номенклатуры, когда ее представители и члены их семей становились «пользователями особых благ» (спецбольницы и специальные санатории и пансионаты, спецшколы для детей партноменклатуры и др). В постсоветской России, несмотря на общий вектор маркетизации социальной сферы, можно наблюдать некоторые проявления социализации, например, квоты на бесплатное лечение, предоставление бесплатных лекарственных средств определённым группам граждан, квоты на бюджетные места для обучения в ВУЗах для определённых категорий граждан и др. Однако, это лишь частные случаи, которые не характеризуют основной тенденции формирования определённых социально-экономических отношений в социальной сфере.

Далее более подробно остановимся на исследовании трансформации социально-экономических отношений в современном российском образовании.

⁶ Процесс *финансиализации* образования развивается в той мере, в какой финансовый капитал, как национальный, так и глобальный, финансовые институты, финансовые мотивы, определённые лица из финансовой сферы прямо воздействуют на управление образовательными организациями, а также косвенно на сам образовательный процесс и основных его участников.

⁷ Более подробно о финансиализации образования см. в работе автора: [11, с. 104–114].

⁴ См. более подробно о скандинавской социально-экономической модели в работах: [4, с. 106–121], [5, с. 162–181], [6, с. 117–131].

⁵ См. более подробно о развитии процессов маркетизации в образовании постсоветской России в работах автора: [8, с. 63–72], [9, с. 20–21], [10, с. 49–58].

Коммерциализация российского образования: специфика и результаты

В постсоветской России в образовании сформировалась рыночно-ориентированная система отношений, которая характеризуется следующими основными чертами.

Во-первых, значительное уменьшение бюджетного финансирования, что было характерно для всей социальной сферы в целом.

Ситуация с бюджетным финансированием образования в Российской Федерации на протяжении последних тридцати лет является неблагоприятной. Отметим, что снижение доли бюджетного финансирования образования в последние десятилетия характерно для многих стран мира, в частности, стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Так, например, в 2000-е годы доля государственных расходов на образование уменьшилась в двух третях стран ОЭСР⁸. В период с 2010 по 2012 год государственные расходы в процентах от ВВП по всем уровням образования сократились в среднем на 3%, в 2012–2018 в среднем на 4% (в высшем образовании – на 8%)⁹.

В последние 7-10 лет страны ОЭСР на образование расходовали в среднем 4,1% своего ВВП. Отметим, что здесь нет единодушия: от менее 3,0% ВВП в Ирландии, Японии, Литве до более 6,0% ВВП в Норвегии, Швеции, Коста-Рике и др.¹⁰

В России расходы государства на образование по отношению к ВВП по сравнению с СССР сократились значительно: в СССР в 1950-е годы – 10–12%, в 1970 – 7%, в России с 1995 по 2021 гг. от 3,5 до 4%¹¹. Также государственные расходы на образование в нашей стране отстают от расходов как тех стран, которые добились больших результатов в формировании социально-ориентированной модели развития рыночной экономики, в частности, скандинавских стран¹², так и стран с либеральной моделью экономики. Так, например, приведем для сравнения государственные расходы на образова-

ние в % к ВВП разных стран за 2018 г.: Швеция – 7%, Франция – 5,2%, Германия – 4,6%, Канада – 4,4%, Великобритания – 4,2%, США – 4,1%¹³.

Снижение уровня государственных расходов на образование сказалось на *доступности образования* в стране, в частности высшего. Например, это показывают данные о динамике численности студентов, обучающихся за счёт бюджетных средств в СССР и России: в СССР в 1980 г. численность студентов, обучающихся за счёт бюджетных средств, в расчёте на 10 000 населения (на начало учебного года) составляла 220 чел., в России в 2000 – 191 чел., 2005 – 209, 2013 – 148, с 2015 по 2020 гг. в среднем 130 чел.¹⁴

Сокращение бюджетного финансирования привело к ухудшению *качества образования*¹⁵. Высокое качество образования оказалось доступно только для некоторых привилегированных образовательных организаций, например, университетов, пользовавшихся целевой государственной поддержкой. Большинство ВУЗов, особенно в 1990-е годы, могло придерживаться исключительно стратегии выживания, т.е. по возможности сохранения профессорско-преподавательского состава и материально-технической базы. В результате на данный момент Россия имеет неутешительные показатели в мировых рейтингах, касающихся сферы образования. Так, например, согласно международному Рейтингу национальных систем высшего образования (U21 Ranking of National Higher Education Systems)¹⁶ в 2020 г. Россия занимает лишь 35-е место (см. таблицу 2).

¹³ По данным статистического сборника «Образование в цифрах» 2022, URL: <https://issek.hse.ru/news/749891953.html> (дата обращения: 29.01.2023)

¹⁴ Составлено на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ, Федеральной службы государственной статистики, статистических сборников НИУ ВШЭ («Образование в цифрах» 2010-2022, URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc>) (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁵ Ещё в начале 2000-х гг. на резкое снижение качества образования обращали своё внимание выдающиеся учёные и педагоги нашей страны (см. подробнее: [13]).

¹⁶ *Рейтинг национальных систем высшего образования* – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг, измеряющий достижения стран мира в сфере высшего образования по версии международной сети университетов Universitas 21. Рейтинг рассчитывается по методике Института прикладных экономических и социальных исследований Университета Мельбурна (Австралия) и оценивает национальные системы высшего образования по 24 основным показателям, объединённым в четыре группы: ресурсы (инвестиции со стороны частного и государственного секторов) – 25%, результаты (научные исследования, научные публикации, соответствие высшего образования потребностям национального рынка труда, включая последующее трудоустройство выпускников учебных заведений) – 40%, связи (уровень международного сотрудничества, который демонстрирует степень открытости или замкнутости системы высшего образования) – 10%, среда (государственная политика и регулирование, возможности получения образования) – 25%. URL: <http://www.universitas21.com/> (дата обращения: 8.12.2022).

⁸ OECD. Education at a Glance 2014: OECD Indicators. – OECD Publishing, 2014. Available at: <http://www.oecd.org/education/Education-at-a-Glance-2014.pdf> (Accessed: 06.11.2022).

⁹ OECD. Educational Opportunity for All: Overcoming Inequality throughout the Life Course. – OECD Publishing, 2017. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/education/educational-opportunity-for-all_9789264287457-en#page1. С. 244-256 (Accessed: 17.11.2022).

¹⁰ OECD (2021), Education at a Glance 2021: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. С. 244-256.

¹¹ Составлено на основе данных Единого портала бюджетной системы РФ (URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics>) (дата обращения: 23.09.2022), статистических сборников «Образование в цифрах» 2010-2022, URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc> (дата обращения: 10.12.2022), а также статьи О.Н. Смолина [12, с. 4-23].

¹² См. подробнее в статье: [4, с. 106-121].

Таблица 1

Позиция России в международных рейтингах в сфере высшего образования

Table 1

Position of Russia in International Rankings in the Field of Higher Education

Рейтинг национальных систем высшего образования (U21 Ranking of National Higher Education Systems), 2020	35 (49,1) – место России в рейтинге	США – 1 (100), Швеция – 5(84.3), Сингапур – 4 (84.5), Финляндия – 8 (82.8), Великобритания – 6 (83.6), Германия – 16 (70.5)
Рейтинг лучших университетов мира (THE World University Rankings), 2021	174 – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	1 – Оксфордский университет (Великобритания), 2 – Стэндфордский университет (США), 3 – Гарвардский университет (США), 4 – Калифорнийский технологический институт (США), 5 – Массачусетский технологический институт (США), 20 – Университет Цинхуа (Китай), 23 – Пекинский университет (Китай), 25 – Национальный университет Сингапура (Сингапур), 32 – Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия), 36 – Токийский университет (Япония)

Источник: составлено автором на основе данных рейтингов: U21 Ranking of National Higher Education Systems, 2020; THE World University Rankings, 2021.

Рейтинг лучших университетов мира (THE World University Rankings)¹⁷ в 2021 г. также показал отступающие результаты для России – в 100 лучших университетов мира не вошёл ни один российский университет, а, например, два китайских университета вошли в 25 лучших университетов (см. таблицу 1).

Отметим, что международные рейтинги, по нашему мнению, не являются абсолютно объективными измерителями качества образования, так как они в значительной степени ориентированы не на измерение качества образования, а на оценку степени включения институтов образования в глобальный рынок образовательных услуг. Тем не менее на протяжении нескольких десятилетий государственная образовательная политика в нашей стране была ориентирована именно на включение российской системы образования,

в частности, университетов, в данные рейтинги. На наш взгляд дальнейшая ориентация нашей системы образования на международные рейтинги, как основной ориентир в измерении результативности деятельности сферы образования, приведёт лишь к усилению процесса маркетинга образования и ее негативных последствий.

Во-вторых, в сфере образования изменилась система социально-экономических отношений и институтов.

Главным слагаемым этих изменений стало внедрение платного образования и формирование сети негосударственных (частных) ВУЗов. Частные ВУЗы в большинстве своём формировались как коммерческие структуры, хотя формально заявляли себя как некоммерческие организации, которые создаются не для получения прибыли, а для ведения образовательной деятельности и покрытия затрат на свою деятельность.

Начиная с 1990-х гг. в стране началось активное формирование негосударственных частных ВУЗов и создание платных отделений (факультетов) в государственных высших образовательных организациях (см. таблицу 2). Наиболее активно этот процесс шёл в 1990-е и в начале 2000-х годов. Впоследствии динамика меняется по причине оптимизационных мероприятий государственных органов надзора и контроля в сфере образования, направленных в первую очередь на частные ВУЗы.

¹⁷ Рейтинг лучших университетов мира – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг лучших высших учебных заведений мирового значения. Рассчитывается по методике британского издания Times Higher Education (THE) при участии информационной группы Thomson Reuters. Анализ деятельности высших учебных заведений складывается из 13 показателей. Основными оценочными критериями служат международная студенческая и преподавательская мобильность, количество международных стипендиальных программ, уровень научных исследований, вклад в инновации, цитируемость научных статей, уровень образовательных услуг и так далее. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/> (дата обращения: 11.12.2022).

Таблица 2

Динамика числа государственных и негосударственных образовательных организаций высшего образования

Table 2

Dynamics of the Number of State and Non-State Educational Organizations of Higher Education

Вид организации	Учебный год									
	1995/ 1996	2000/ 2001	2005/ 2006	2014/ 2015	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021	2021/ 2022
Государственные и муниципальные организации	569	607	655	548	502	500	496	495	497	501
Частные организации	193 (25,3%)	358 (37,0%)	413 (38,7%)	402 (42,3%)	316 (38,6%)	266 (34,7%)	245 (33%)	229 (31,6%)	213 (30%)	216 (30,1%)
Всего	762	965	1068	950	818	766	741	724	710	717

Источник: составлено автором на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ, Федеральной службы государственной статистики, статистических сборников НИУ ВШЭ («Образование в цифрах» 2010-2022, URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc>) (дата обращения: 11.12.2022).

Вместе с созданием частного сектора образования также шёл процесс *коммерциализации образования в государственном секторе*, который характеризовался сокращением числа бюджетных мест и, соответственно, созданием платных факультетов, направлений подготовки, групп

и т.д. в государственных ВУЗах, что отражено в таблице 3.

Несмотря на развитие процесса коммерциализации, который можно отнести к национальному вызову сфере образования и формированию человеческого потенциала высокого качества,

Таблица 3

Динамика численности студентов в государственных образовательных организациях высшего образования по источникам финансирования обучения

Table 3

Dynamics of the Number of Students in State Educational Institutions of Higher Education by Sources of Education Funding

Источник финансирования	Учебный год										
	1995/ 1996	2000/ 2001	2005/ 2006	2010/ 2011	2013/ 2014	2014/ 2015	2016/ 2017	2017/ 2018	2018/ 2019	2019/ 2020	2020/ 2021
За счёт средств бюджетов всех уровней	91 %	65,6 %	50,2 %	43,5 %	38,9 %	39,7 %	47,5 %	48,1 %	48,7 %	48,8 %	49,4 %
С полным возмещением затрат на обучение (на коммерческой основе)	9 %	34,4 %	49,8 %	55,2 %	61,1 %	60,3 %	50,9 %	50,3 %	49,6 %	49,6 %	48,9 %

Источник: составлено автором на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ, Федеральной службы государственной статистики, «Образование в цифрах» 2010-2022. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/oc> (дата обращения: 10.12.2022); Федеральная служба государственной статистики «Индикаторы образования» 2007-2022. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/io> (дата обращения: 10.12.2022).

по некоторым количественным показателям Россия располагается на достаточно высоком уровне по сравнению с развитыми странами. Так, если обратиться в целом к сфере образования, то здесь будут относительно высокие показатели. Например, более половины (54,3 %) граждан РФ в возрастной группе от 24 до 65 лет имеют полное или неполное высшее образование. В среднем по странам ОЭСР этот показатель составляет 35,9 %¹⁸.

На наш взгляд достаточно высокие результаты в образовании по некоторым показателям обусловлены тем, что коммерциализация образования в постсоветской России протекала менее активно, чем в других сферах экономики страны. За счёт консервативности и инерционности системы образования удалось сохранить относительно высокий уровень в тех областях, где сохранились базовые принципы общедоступного эгалитарного образования.

В-третьих, государство постепенно перестало быть активным актором формирования системы подготовки кадров. Рыночные механизмы стали главными определителями «заказа» на подготовку специалистов с высшим образованием.

В-четвертых, основной глобальный вызов¹⁹, а именно глобализация образования и, до недавнего времени, неослабевающее подчинение российского образования (особенно высшего) глобальным институтам, в частности, международным организациям, регулирующим деятельность национальных систем образования.

Так, например, основной целью Болонской декларации было создание единой системы подготовки кадров для европейских экономик, т.е. для стран Европейского союза. На фоне усиления неолиберальных трендов в конце 90-х годов XX века, десоциализации экономик большинства стран капиталистической системы и коммерциализации социальной сферы, в частности образования, целью Болонской декларации, по сути, стало создание единого европейского рынка образовательных услуг. Присоединение России в 2003 году к Болонской декларации с экономической точки зрения предполагало право России вступить и далее действовать в едином европейском экономическом пространстве. Также это было связано с вопросами вступления России в ВТО. С методической точки зрения это потребовало от российской системы

образования её технической синхронизации с европейской системой тестирования и системой перевода и накопления баллов. Результат – прословутая трехуровневая система (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и Единый государственный экзамен (ЕГЭ). На фоне геополитических событий 2022 года, западных санкций, Россия вышла из Болонской декларации, что даёт возможность нашей национальной системе образования развиваться самостоятельно и выйти, хотя бы частично, из-под влияния глобальных вызовов.

В-пятых, сфера образования постсоветской России в процессе коммерциализации не решила проблему бюрократизации, а только усугубила её появлением такого явления как менеджеризм, когда эффективный менеджер и администратор в образовательной организации играет большую роль, чем учитель и преподаватель, а рыночно-бюрократические цели и результаты деятельности превалируют над собственно образовательными²⁰.

В сложившейся геополитико-экономической ситуации для России особенно важным является обращение внимания на национальные вызовы развитию системы образования и формированию человеческого потенциала, соответствующего современным требованиям технологического и социально-экономического развития (таблица 4).

Для решения проблем в сфере образования современной России, вызванных глобальными и национальными вызовами, недостаточно выхода из Болонской декларации. Необходимо изменение социально-экономических отношений как в системе образования, так и в целом в экономике. В постсоветской России произошло подчинение социальной сферы, в частности, образования, рынку, капиталу и бюрократии. Это подчинение реализуется в форме коммерциализации, приводящей к тому, что система образования всё более подчиняется целям роста денежного дохода. Ориентация на деньги как основной результат становится главной и для учащихся, и для обучающихся, и для руководителей образовательных организаций. Болонская система лишь технический элемент воспроизводства этой рыночно-ориентированной модели образования. Ответом вышеуказанным вызовам и альтернативой сложившейся модели образования в России может стать иная модель, а именно – социально-ориентированная.

¹⁸ Пути достижения всеобъемлющего экономического роста // Российская Федерация: комплексное диагностическое исследование экономики. Группа Всемирного банка, 2016. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/235471484167009780/Dec27-SCD-paper-rus.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).

¹⁹ Более подробно о глобальных вызовах см. в работе [14, с. 40-52].

²⁰ См. подробнее о развитии процессов бюрократизации и менеджизации в статьях: [15, с. 122-131], [16, с. 265-273].

Таблица 4

Основные национальные вызовы развитию сферы образования и формированию человеческого потенциала

Table 4

The Main National Challenges to the Development of the Education Sector and the Formation of Human Potential

Основные национальные вызовы	Некоторые проявления
Коммерциализация	1. Переориентация целей деятельности образовательных организаций на экономическую эффективность и получение коммерческого результата.
Бюрократизация	2. Диспропорции на рынке труда – переизбыток одних специалистов и недостаток других.
Недофинансированность	3. Снижение качества подготовки выпускников. 4. Перегрузка педагогов в связи с работой более, чем на 1 ставку. 5. Увеличение бюрократической нагрузки на образовательные организации в целом и педагогов в частности.
	6. Недоверие работодателей к выпускникам ВУЗов и в целом недоверие к системе высшего образования в обществе.
	7. Формирование образовательной сегрегации на всех уровнях образования.

Источник: составлено автором.

Социализация российского образования: основные направления

На наш взгляд социализация образования, здравоохранения, культуры – это тренд будущего, несмотря на то, что это в определённой мере было реализовано в СССР, т.е. в прошлом, а коммерциализация социальной сферы – это тренд прошлого, несмотря на то, что он реализуется в нашей современной действительности. В связи с этим подчеркнём, что социальное время может идти вперед (по пути прогресса) – в направлении социализации; а может и пятиться назад (путь регресса), вызывая реставрацию отношений рыночного фундаментализма, в частности, коммерциализацию.

Поскольку социальное время в модели хронотопа, как мы отметили выше, сопряжено с социальным пространством, то развитие социализации расширяет пространство общедоступности, эгалитарности социальной сферы, а путь в прошлое – сжатие этого пространства. И за последние 30 лет на наших глазах это пространство (общедоступной, эгалитарной, качественной социальной сферы) в нашей стране сжалось до катастрофического состояния. Пришло время поиска альтернатив и мы думаем, что выход напрашивается сам собой – социальную сферу необходимо выводить за рамки рыночного механизма, необходимо движение вперёд – по пути социализации, ориентации не только на экономическую, а в первую очередь на социальную эффективность.

Для системы образования данный вектор предполагает постепенный отход от доминирования рыночно-ориентированной модели образования, для которой характерны коммерциализация и финансиализация этой сферы, и постепенное движение к социально-ориентированной модели образования.

Подчеркнём специально, что мы не считаем возможным радикальные изменения социально-экономических отношений и институтов в социальной сфере. Например, сфера образования характеризуется высокой инерционностью, и радикальная ломка в этой сфере приносит скорее негативные, чем позитивные результаты. Однако выбор правильного вектора трансформации является принципиально значимым.

Первыми шагами на пути социализации российского образования могут стать следующие²¹:

1. *Социальная ориентация образования*, в том числе формирование у обучающегося широкого круга личностных качеств человека, творческого потенциала, социальной ответственности, а не только узкопрофессиональных знаний и навыков. Такой подход к образованию принципиально отличается от рыночно-ориентированной модели, так как не имеет непосредственную коммерческую ориентацию образовательного процесса и направлен на развитие человека и общества. Подобная направленность предъявляет соответствующие требования к содержанию образования, которые могут быть определены как государс-

²¹ См. более подробно в статье автора: [17, с. 183-197].

твенной образовательной политикой, так и с помощью институтов гражданского общества.

2. Развитие образования для всех и через всю жизнь, т.е. *общедоступное образование*. Это означает, что образование одинакового качества и на равных условиях может получить представитель любой социальной группы населения страны. Необходимо отметить, что *в современном обществе человеческий потенциал включает в себя не только способность человека к репродуктивному труду, а также потенциал творческой деятельности, личностного развития, играющих важную роль в современной экономике*. Для формирования такого человеческого потенциала необходимо общедоступное и качественное образование для всего населения страны.

3. *Переход к эгалитарной модели образования*, которая должна обеспечивать качественное образование всему населению страны. Эгалитарность образования – это не только его бесплатность в частичной или полной мере для населения страны, но и наличие материальной и институциональной поддержки представителей социальных слоёв с низкими доходами. Это направление изменения модели образования обусловлено обострением проблем бедности и социального неравенства, как в мире в целом, так и в России в частности.

4. *Дебюрократизация управления образованием* на всех уровнях. Современное образование должно быть демократичным, т.е. опираться на начала самоуправления коллективов образовательных организаций. Также государственная образовательная политика и институты в сфере образования должны формироваться открыто и гласно, при активном участии образовательного сообщества.

Взаключении подчеркнём, что образование стало сферой общественного производства с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций. Это было показано ещё в XX веке С.Г. Струмилиным²² и позднее не раз подтверждено как отече-

²² Струмилини С.Г. в 20–30-е годы XX века разработал концепцию об основополагающей роли образования и профессиональной подготовки работников при реализации как социальных целей советского общества, так и экономического роста. На основе статистических расчётов, выполненных по авторской методике, он доказал, что расходы на введение всеобщего и бесплатного начального образования в 43 раза превышают затраты на его организацию [18]. Также расчёты показали эффективность всеобщего обучения, показав, например, что год школьного образования даёт примерно в 2,6 раза более высокую прибавку квалификации, чем год заводского стажа. Выгоды от роста производительности труда превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раз [19, с. 147–157].

твенными, так и зарубежными экономистами (Э.Ф. Денисон [20], С. Акоста-Ормаэча (S. Acosta-Ormarchea), А. Морозуми (A. Morozumi) [21], О. Барбьеро (O. Barbiero), Б. Курнэд (B. Cournède) [22] и др.), в частности, это показали в своих исследованиях лауреаты Нобелевской премии по экономике 2021 г.: Д. Кард (D. Card) [23, pp. 1-40], Д. Ангрис (J. Angrist) и Г. Имбенс (G. Imbens) [24, pp. 467-476].

Выделение общественных ресурсов на образование с экономической точки зрения является инвестицией в производство главного фактора развития современной экономики – человеческого потенциала. Развитие эгалитарной модели общедоступного образования не только не снижает экономической эффективности национальной экономики, но и даёт значительный положительный эффект, увеличивая число и повышая качество подготовки кадров за счёт более полного использования человеческого потенциала всех слоёв населения страны²³.

Выводы

Сложная геополитэкономическая ситуация ставит новые задачи перед российским обществом, в частности, задачу формирования человеческого потенциала, соответствующего наиболее высокому уровню технологического, научного и социально-экономического развития. Для решения этой важной задачи необходимо соответствующее развитие основных сфер формирования человеческого потенциала, в частности образования. В данной статье мы показали два потенциально возможных тренда для дальнейшего развития российского образования: усиление рыночно-ориентированной модели и формирование социально-ориентированной. Надеемся, что при разработке в России уникальной системы образования, о которой была заявлено профильным министерством после выхода России из Болонской декларации, будет принят социально-ориентированный вектор и это даст возможность российскому обществу и экономике страны выйти на устойчивую и независимую траекторию развития.

²³ Так, в среднем по ОЭСР государственная чистая финансовая прибыль от получения высшего образования составляет около 127 000 долларов США для мужчины и 60 600 долларов США для женщины (OECD (2021), Education at a Glance 2021: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris, P. 98-114).

Список литературы

1. Вереникин А.О., Вереникина А.Ю. Человеческий потенциал: фетишизм капиталистических отношений: [монография]. М.: РУСАЙНС, 2021. 100 с. ISBN 9785436566856
2. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2013. 336 с. ISBN 978-5-98620-108-5
3. Булавка-Бузгалина Л.А. Какое время у «будущего»? Хронотопы СССР. СССР – эпоха переходности // Культура: поиски будущего. Навигация – Маяковский / Под ред. Л.А. Булавка-Бузгалиной. М.: КомКнига / URSS. 2014. С. 25–54. ISBN 978-5-484-01343-2
4. Арзуманян М.А. Социально-ориентированная модель образования как фактор развития человеческого потенциала (на примере скандинавских стран) // Общество и экономика. 2022. № 8. С. 106–121. DOI 10.31857/C020736760021500-9
5. Дубровин И.А. Достижение экономической эффективности на основе социальной справедливости в Скандинавской экономической модели // Вопросы политической экономии. 2022. № 1. С. 162–181. URL: <https://zenodo.org/record/6525596>
6. Дубровин И.А. Теоретические основы Скандинавской экономической модели: Стокгольмская экономическая школа и социализация капиталистической системы // Вопросы политической экономии. 2021. № 2 (26). С. 117–131. URL: <https://zenodo.org/record/5040328>
7. Яковлева Н.Г. Производство общественных благ как пространство развития человеческого потенциала: противоречия и потенциал советских практик // Экономическая наука современной России. 2021. № 4 (95). С. 148–151. DOI 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-148-151
8. Осипов А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 63–72. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72, EDN ZIQIYP
9. Узрюмова А.А. Маркетизация образования: плюсы и минусы // Профессиональное образование. Столица. 2013. № 5. С. 20–21. EDN QYRNUV
10. Яковлева Н.Г. Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты // Экономическое возрождение России. 2017. № 4 (54). С. 49–58.
11. Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114. DOI 10.31857/S013216250007744-1
12. Смолин О.Н. Высшее образование и наука: некоторые системные проблемы // Ректор ВУЗа. 2020. № 5. С. 4–23. EDN PCIQVA
13. Образование, которое мы можем потерять: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Садовниченко. Москва: МГУ, 2002. 368 с. ISBN 5-9217-0017-7
14. Мусаелян Л.А., Зырянов С.Г. Глобальные вызовы России и некоторые проблемы системы отечественного высшего образования // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 40–52. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52, EDN DHSWTY
15. Яковлева Н.Г. Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 122–131. EDN YFURVR
16. Швецов Ю.Г. О бюрократизации и застое в образовательном и научном секторах непроизводственной сферы РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 265–273. DOI 10.17223/19988648/37/20, EDN YFMUFD
17. Яковлева Н.Г. Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 183–197. URL: <https://zenodo.org/record/5554163>
18. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда: Очерки и этюды / С.Г. Струмилин. М.: Вопросы труда, 1925. 224 с.
19. Капустин Е.И. Теоретик и практик народнохозяйственного прогнозирования // Экономическая наука современной России. 2003. № 3. С. 147–157. EDN XSJJUP
20. Денисон Э.Ф. Вклад знаний в экономический рост: межстрановой анализ // Советско-американский симпозиум экономистов. М.: Прогресс, 1978.
21. Acosta-Ormaechea S., Morozumi A. Can a government enhance long-run growth by changing the composition of public expenditure? // IMF Working Paper. № WP/13/162. 2013. ISBN 9781475550597/1018-5941
22. Barbiero O., Courne`de B. New econometric estimates of long-term growth effects of different areas of public spending // OECD Economics Department Working Papers. 2013. № 1100. DOI 10.2139/ssrn.2650044
23. Card D. and A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States // Journal of Political Economy, 1992. № 100 (1). P. 1-40.
24. Imbens G. and J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects // Econometrica, 1994. № 61. P. 467-476.

Информация об авторе:

Наталья Геннадьевна Яковлева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, Москва, Россия

(E-mail: tetn@yandex.ru), (elibrary AuthorID: 8081-9884), (ORCID: 0000-0001-7839-8467)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

References

1. Verenikin A.O., Verenikina A.YU. Human potential: fetishism of capitalist relations. Moscow: RUSAINS, 2021. 100 p. ISBN: 9785436566856 (In Russ.)
2. Ivanov O.I. Human potential (formation, development, use). Institute of Problems of Regional Economy RAS. St. Petersburg State University. St. Petersburg. Skifiya-print, 2013. 336 p. ISBN 978-5-98620-108-5 (In Russ.)

3. Bulavka -Buzgalina L.A. What is the time of the “future”? Chronotopes of the USSR. USSR – the era of transitivity. Culture: the search for the future. Navigation – Mayakovsky. Ed. by L.A. Bulavka-Buzgalina. Moscow. KomKniga. URSS. 2014: 25-54. ISBN 978-5-484-01343-2 (In Russ.)
4. Arzumanyan M.A. Socially-oriented model of education as a factor of human potential development (on the example of Scandinavian countries). *Obshchestvo i ekonomika*. 2022;8:106-121. DOI 10.31857/C020736760021500-9 (In Russ.)
5. Dubrovin I.A. Achieving economic efficiency based on social justice in the Scandinavian economic model. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2022;1:162-181. URL: <https://zenodo.org/record/6525596> (In Russ.)
6. Dubrovin I.A. Theoretical foundations of the Scandinavian economic model: Stockholm Economic School and socialization of the capitalist system. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2021;2(26):117-131. URL: <https://zenodo.org/record/5040328> (In Russ.)
7. Yakovleva N.G. Production of public goods as a space for human potential development: contradictions and potential of Soviet practices. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2021;4(95):148-151. DOI 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-148-151 (In Russ.)
8. Osipov A.M. Market mechanisms – the social impasse of Russian education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2019;28(5):63-72. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72, EDN ZIQIYP (In Russ.)
9. Ugrumova A.A. Marketization of education: pros and cons. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*. 2013; № 5: 20-21. EDN QYPNUV (In Russ.)
10. Yakovleva N.G. Commercialization of Russian higher education: historical and logical counterpoints. *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2017;4(54):49-58. (In Russ.)
11. Yakovleva N.G. Social consequences of the financialization of education. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2019; 12:104-114. DOI 10.31857/S013216250007744-1 (In Russ.)
12. Smolin O.N. Higher education and science: some systemic problems. *Rektor VUZa*. 2020; 5:4-23. EDN PCIQVA (In Russ.)
13. Education that we can lose: Collection of articles. Under the general editorship of V.A. Sadovnichy. Moscow: MSU. 2002. 368 p. ISBN 5-9217-0017-7 (In Russ.)
14. Musaelyan L.A., Zyryanov S.G. Global challenges of Russia and some problems of the domestic higher education system. *Sotsium i vlast'*. 2022;2(92):40-52. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52, EDN DHSWTY (In Russ.)
15. Yakovleva N.G. Commercialization, bureaucratization, managerization of education in post-Soviet Russia: a political economic view. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017;3:122-131. EDN YFURVR (In Russ.)
16. Shvetsov YU.G. On bureaucratization and stagnation in the educational and scientific sectors of the non-productive sphere of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomika*. 2017;37:265-273. DOI 10.17223/19988648/37/20, EDN: YFMUFD (In Russ.)
17. Yakovleva N.G. Contradictions of transformation and the genesis of a socially-oriented model of education (politico-economic approach). *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2021;3:183-197. URL: <https://zenodo.org/record/5554163> (In Russ.)
18. Strumilin S.G. Problems of labor economics. Essays and sketches. Moscow: Labor issues, 1925. 224 p. (In Russ.)
19. Kapustin E.I. Theorist and practitioner of national economic forecasting. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2003;3:147-157. EDN XSJJUP (In Russ.)
20. Denison E.F. Contribution of knowledge to economic growth: cross-country analysis. Soviet–American Symposium of Economists. Moscow: Progress, 1978. (In Russ.)
21. Acosta-Ormaechea S., Morozumi A. Can a government enhance long-run growth by changing the composition of public expenditure? IMF Working Paper. № WP/13/162. 2013. ISBN: 9781475550597/1018-5941
22. Barbiero O., Cournède B. New econometric estimates of long-term growth effects of different areas of public spending. OECD Economics Department Working Papers. 2013;1100. DOI 10.2139/ssrn.2650044
23. Card D. and A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. *Journal of Political Economy*, 1992;100 (1):1-40.
24. Imbens G. and J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. *Econometrica*, 1994;61:467-476.

Information about the author:

Natal'ya G. Yakovleva – Doctor of Economics, Leading Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development of the Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

(E-mail: tetn@yandex.ru), (elibrary AuthorID: 8081-9884), (ORCID: 0000-0001-7839-8467)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 30.01.2023.

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60
EDN: [MEUYVW](#)

Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России

Гарри Григорьевич Мачхелян
Москва, Россия (garry_machkhelyan@mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы системы образования в Российской Федерации на современном этапе. Приводится определение понятий образование и образовательная система, и характеристика традиционной отечественной системы образования в России и её отличие от системы образования на Западе. Подчёркивается, что образование – важнейший фактор воздействия на формирование уровня и качества жизни населения в стране. В России сегодня установилась полностью прозападная система образования. Автор анализирует советскую систему образования и её роль как источника беспрецедентных достижений СССР в социокультурной и технологической сферах. Указываются важнейшие исторические вехи формирования системы образования в СССР и подчёркивается её воздействие на социально-экономическое развитие страны, в частности, полная ликвидация безграмотности населения и законодательное утверждение всеобщего обязательного бесплатного образования. Автор отмечает, что образование в СССР было призвано обеспечить развитие и удовлетворение духовных и интеллектуальных потребностей советского народа, способствовало реализации главного принципа социализма «Всё во имя человека – всё для блага человека». В статье подробно исследуются проблемы реформирования образования в постсоветский период и указывается на риски интеллектуальной деградации. Автор подчёркивает актуальность коренной перестройки существующей системы образования, выдвигаются конкретные предложения по перестройке на ближайший период. Прежде всего, следует отменить Болонскую систему образования и вернуться к лучшим элементам советской системы образования и воспитания. Необходимо ввести всеобщее обязательное бесплатное образование во всех регионах Российской Федерации. Должен быть отменён единый государственный экзамен.

Ключевые слова: образование, система образования, воспитание, грамотность, уровень грамотности, неграмотность, высшее образование, образовательные учреждения, всеобщее обязательное бесплатное образование, Болонская система, единый государственный экзамен, традиционное обучение, перестройка, актуальные проблемы, цифровизация, ликвидация неграмотности

Для цитирования: Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 47–60. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60
EDN: [MEUYVW](#)

Urgent Problems of Reorganizing the Educational System in Rossiya Today

Garry G. Machkhelyan,
Moscow, Russia (garry_machkhelyan@mail.ru)

Abstract

The article deals with urgent problems of reorganizing the educational system in the Russian Federation. The concepts **education** and **an educational system** as well as characteristics of the traditional home educational system in Russia in contrast to that in the West have been given. The author stresses that education is an essential factor affecting the forming of the living standards and quality of life of the population in the country. In fact, a pro-Western system of education has been established in Russia today. The author analyses the Soviet educational system and its role as the source of unprecedented achievements of the USSR in sociocultural and technological spheres. Most important epoch-making landmarks of forming the system of education in the USSR are considered, and it's affecting the socioeconomic development of the country is stressed wiping out illiteracy of the population and legislative ratifying universal compulsory free education in particular. The author points out that education in the USSR was to guarantee meeting intellectual and spiritual demands of the Soviet people. It contributed to realizing the main principle of socialism: "All is in the name of a human being – all is for the benefit of a human being". Problems of reforming education in the post-Soviet period, risks of intellectual degradation being accentuated. The author stresses the topicality of fundamental reorganizing the now existing Russian educational system and advisability of reviving the Soviet system of education, concrete proposals for reorganizing in the near future being put forward. First of all the Bologna system of education should be cancelled, and the Soviet system of education and upbringing restored instead. A universal compulsory free education is to be put into effect in all regions off the Russian Federation. The unified state exam must be revoked.

Keywords: education, an educational system, upbringing, literacy, a rate of literacy, illiteracy, higher education, educational establishments, universal compulsory free education, the Bologna system, a unified state exam, traditional education, reorganizing, urgent problems, digitalization, eradication of illiteracy

For citation: Machkhelyan G.G. Urgent Problems of Reorganizing the System of Education in Rossiya Today. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 47–60. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60

Введение

Объектом исследования являются актуальные проблемы перестройки системы образования в нашей стране.

Под термином **образование** (англ.: education), в России традиционно всегда понимался единый целенаправленный процесс, включающий непременно два взаимосвязанных компонента – **обучение** и **воспитание**. Под **обучением** подразумевается **передача и приобретение знаний**, умений и навыков, основное средство подготовки человека к трудовой деятельности, реализуемое главным образом в образовательных заведениях различного типа, а также на производстве, в быту – под руководством преподавателя, наставника либо самостоятельно (самообучение, самообразование)¹. **Воспитание** – это процесс, направленный на **формирование личности** человека, освоение им культуры, ценностей и морально-нравственных норм общества, подготовленность человека к активному участию в общественной, производственной и культурной жизни. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля приводятся многие мудрые изречения, иллюстрирующие понятия образование и воспитание: «Ученье образует ум, воспитанье нравы». «Наука образовывает ум и знания, но не всегда нрав и сердце». «**Воспитанный** человек, выросший в обычных правилах светского приличия, противоположность – **невежда**»².

В современном английском русское понятие **воспитание** выражают двумя терминами: когда речь идёт о воспитании кадров, на основе конкретной образовательной и культурной подготовки специалиста в учебном заведении (школа, колледж, университет), то в значении **воспитание** применяется термин **education**. Завершивший курс образования – это воспитанник (или выпускник) данного заведения. В значении же **воспитание** как формирование личности используется термин, производный от глагола to bring up (воспитывать, растить детей в семье) – **upbringing**. Не следует смешивать: **a good education** (хорошее образование) и **a good upbringing** (хорошее воспитание) [1, с. 410].

Различают **общее** и **профессиональное** образование. **Общее** образование включает дошкольное и школьное образование. Школьное образование подразделяется на неполное среднее и полное среднее. Продолжительность школьного образования составляет 8–10 лет. Сегодня в большинст-

ве стран мира школьное образование закреплено законодательно в качестве обязательного образования для всех граждан³. **Профессиональное образование** делится на последипломное, высшее, среднее специальное и профессионально-техническое, к которому примыкает краткосрочная подготовка работников непосредственно на производстве. Общее и профессиональное образование в каждой из стран обеспечивается на основе функционирования системы образования, развитие и совершенствование которого является важнейшей функцией государства.

Система образования или **образовательная система** (англ.: an educational system) представляет собой единую комплексную структуру из официальных организаций и учреждений, осуществляющих обучение населения на всех уровнях общего и профессионального образования и несущих ответственность за уровень и качество подготовки высококвалифицированных кадров специалистов для всех отраслей экономики⁴. Важнейшими направлениями функционирования образовательной системы является разработка и реализация нормативно-правовых актов по планированию, организации и управлению деятельности всех звеньев образовательной структуры страны, материально-техническое обеспечение работы образовательных учреждений, максимальное внимание современному учебному оборудованию, применение новейших методов обучения и т.д.

Целью настоящей статьи является анализ проблем реформирования существующей системы образования в Российской Федерации, сопоставление этой системы с советской системой образования, выявление отрицательной сущности реформ образовательной системы страны в постсоветский период и обоснование актуальности её замены на доказавшую свою высокую эффективность советскую образовательную систему.

Существующая в стране образовательная система оказалась неспособной обеспечить ускоренное развитие научно-технического потенциала страны. Уровень образования населения Российской Федерации значительно снизился: если ещё в 1991 году страна занимала положение в тройке ведущих в мире по уровню образования, то сегодня мы скатились на место в третьей десятке, возникли риски интеллектуальной деградации подрастающего поколения.

¹ Большая универсальная энциклопедия : в 20 т. М. : АСТ : Астрель, 2010. Т. 12. С. 719. ISBN 978-5-17-069391-7, 978-5-271-24636-4.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. М.: Прогресс-Универс, 1994. Т. 1. С. 610. ISBN 5-01-004158-8.

³ Большая универсальная энциклопедия : в 20 т. М. : АСТ : Астрель, 2010. Т. 12. С. 712. ISBN 978-5-17-069391-7, 978-5-271-24636-4.

⁴ Safra J.E., Goncalves C.C., Mchenry R et al. The New Encyclopedia Britannica - in 32 V. Encyclopedia (15th Edition): 2007. V. 4. P. 373. ISBN 13: 978-1-59339-292. ISBN 10: 1-59339-292-3.

Образование всегда служило мощным оружием в руках государства, грамотное его применение позволяет успешно решать как внутренние, так и внешние государственные задачи. Особенно важную роль сыграла система образования и воспитания в годы социалистической индустриализации, обеспечив непобедимость нашей страны в Великой Отечественной войне, I место в Европе и II место в мире по уровню социально-экономического развития, выход в космос и ядерную безопасность.

Система образования и воспитания продолжает оставаться важнейшим фактором воздействия на развитие экономики и культуры страны, от её эффективности прямо зависит повышение уровня и качества жизни нашего народа.

В статье предлагается анализ развития системы образования России в следующей последовательности 1) советская система образования как источник беспрецедентных социокультурных достижений и технологий XX века; 2) сущность проблем реформирования образования в постсоветской России и риски интеллектуальной деградации населения; 3) актуальные задачи перестройки существующей системы образования.

Советская система образования – источник беспрецедентных социокультурных достижений и технологий XX века

В дореволюционной России не было всеобщего обязательного бесплатного образования. Его ввело Советское государство, в чём заключается его огромная историческая заслуга. До революции грамотные в возрасте 9–49 лет составляли лишь около 28%. Особенно низка была грамотность в национальных окраинах страны: многие из проживающих там народов даже не имели своей письменности: среди киргизов грамотность составляла 0,6%, узбеков – 1,6%, казахов – 2%⁵. Партия большевиков приняла решение о необходимости всенародного образования задолго до октября 1917 года, записав его в программу партии. Индустриализация, коллективизация, строительство социализма вызвали потребность в обучении широких масс трудящихся. Серьезную организующую роль играли четкие, доходчивые лозунги, призывы учиться: «Учиться, учиться и учиться!». «Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, а чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо» [2, с. 76–77]. В хозяйственном строительстве страна не могла полагаться только на зарубежных специалистов, учиться хозяйствовать должны были все трудящиеся страны [3, с. 174]. Важнейшее условие достижения более высокой, чем при капитализме,

производительности труда – это, прежде всего «образовательный и культурный подъём массы населения», обеспечение «повышения дисциплины трудящихся, умения работать, скорости, интенсивности труда, лучшей его организации» [4, с. 188]. Необходимо организовать в стране изучение и применение прогрессивных зарубежных методов организации труда, в частности, системы Тейлора.

Находясь в капиталистическом окружении, советское государство должно было проявлять заботу о своей индустриальной и оборонной мощи. В 1931 году И.В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [4, с. 39]. Для достижения этой цели страна имела все объективные возможности. Был сделан единственно верный выбор: развивать в первую очередь отрасли тяжёлой индустрии, которые послужат фундаментом, стержнем развития всех других отраслей экономики. В кратчайшие сроки в течение первых пятилеток были построены гиганты индустрии. Строительство новых промышленных центров потребовало усиления внимания подготовке высококвалифицированных кадров. Лозунгом момента стал: «Кадры решают всё!». Накануне Великой Отечественной войны СССР представлял собой могущественную страну победившего социализма. Это позволило нам разгромить мощную военную машину фашистской Германии и практически всей Европы, стать крупнейшей после США мировой индустриальной державой. Экономика нашей страны, её кадры, наука, образование продемонстрировали вечные преимущества перед капиталистическим миром. В 1990 году уровень грамотности в СССР достигал 99% (в Великобритании – 98%, в Канаде – 98%) [5, с. 174, 279, 542].

Своими успехами СССР был обязан, прежде всего тому, что в первом в мире социалистическом государстве был создан мощный и непрерывно развивающийся **научно-технический потенциал**. Именно он обеспечил прорыв некогда отсталой аграрной страны «от сохи» до уровня могущественной ядерной и космической мировой державы.

В структуре созданного научно-технического потенциала ведущее место занял **научный потенциал**, объединивший научные исследования, науку и образование. Научно-технический потенциал в целом включил в себя следующие параметры: сеть научных учреждений (НИИ и проектно-конструкторские организации); кадры учёных и специалистов во всех звеньях – от разработки научных идей до массового внедрения результа-

⁵ Народное образование СССР. Большая Советская Энциклопедия : в 30 томах. Издание 3-е. Том 24. Книга II. СССР. М.: Издательство Советская Энциклопедия; 1977. С. 404.

тов НИОКР (научно-исследовательские работы и опытно-конструкторские разработки); система подготовки, переподготовки и повышения квалификации научных и инженерно-технических кадров; финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности научных и конструкторских коллективов; современная экспериментальная и производственная база; система организации, управления и внедрения новейших НИОКР в практику; система информационного обеспечения и пропаганды прогрессивных НИОКР; участие в международной кооперации и специализации на основе эффективного международного разделения труда.

В 1913 году в России насчитывалось всего 11,6 тыс. научных работников. В 1976 году их численность увеличилась более чем в 100 раз, составив четверть научных работников в мире. В развитии научно-технического потенциала и подготовке научных кадров важную роль играла система образования, особенно подготовка специалистов с высшим образованием в ВУЗах и ВТУЗах страны. Высшим научным учреждением СССР была Академия Наук СССР, обеспечивавшая организацию научных исследований по ведущим направлениям развития естественных и общественных наук в СССР, а в союзных республиках – Академии Наук союзных республик.

В СССР были установлены **учёные степени кандидат наук и доктор наук и учёные звания:** профессор, старший научный сотрудник, доцент, младший научный сотрудник, ассистент.

Кандидат наук (англ.: Candidate of Science) – это первая учёная степень, присуждавшаяся лицам с высшим образованием, сдавшим кандидатские экзамены (кандминимум) и успешно защитившие кандидатскую диссертацию. Кандидат наук обладал правом на участие в конкурсе на замещение должности доцента, старшего научного сотрудника, заведующего кафедрой (лабораторией, отделом) в ВУЗе или научно-исследовательской организации. Кандидат наук также приобретал право защищать диссертацию на соискание учёной степени **доктора наук**, представляющую собой вторую, высшую учёную степень. Учёная степень кандидат наук соответствует степени доктора философии (Doctor of Philosophy, или PhD), существующей в США, Великобритании и др. странах.

В качестве **обязательной нормы** для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук в СССР, предоставляющей право на защиту кандидатской диссертации, была узаконена сдача так называемого **кандидатского минимума** (неоф.: кандминимума) – кандидатских экзаменов (англ.: the qualifying exams for the Candidate degree). Об-

ём кандминимума был установлен Министерством высшего и среднего специального образования СССР: 1) философия (диалектический и исторический материализм), 2) иностранный язык, 3) специальная дисциплина (в соответствии с темой диссертации). Подготовка к сдаче кандминимума и его успешная сдача обычно считались весьма серьёзной процедурой, требовавшей ответственного отношения соискателя. Сдавшему кандминимум вручалось удостоверение, предоставляющее право защищать кандидатскую диссертацию (a Candidate thesis (BE), a Candidate dissertation (AE)) поступать в аспирантуру без вступительных экзаменов.

Если в дореволюционной России три четверти населения было безграмотным, то уже в 1920-х годах в рамках осуществлённой в стране культурной революции была достигнута полная ликвидация многовековой безграмотности населения страны. В 1976 году доля лиц с высшим и средним образованием превысила три четверти (77%). В 1980 году в 883 ВУЗах СССР обучалось более 5 млн студентов, что в 26 раз выше их численности до революции. В 1970-х годах в советских ВУЗах обучалось втрое больше студентов, чем в Великобритании, Франции, ФРГ, Италии вместе взятых.

Советское государство проводило тщательно продуманную и последовательно спланированную политику в области народного образования, целью которого было повышение эффективности образовательной системы и уровня его воздействия на социально-экономическое развитие страны. Основные исторические вехи формирования этой системы следующие:

1. Полная ликвидация безграмотности в ходе культурной революции 1920-х годов. При этом ряд народов впервые приобрёл свою письменность, используя буквы русского алфавита.
2. Всеобщее неполное среднее (7-летнее) образование в городе (1935 год) и в деревне (1937 год).
3. Обязательное всеобщее неполное (7-летнее) среднее образование (1940 год).
4. Повышение срока неполного среднего образования до 8 лет (1958 год).
5. Повышение срока неполного среднего образования до 9 лет (1984 год).
6. Всеобщее среднее образование (1966 год).
7. Обязательное всеобщее среднее образование (1977 год).

Следует особо отметить, что образование в СССР было **бесплатным** (с самого начала ликбеза плата не взималась за начальное и неполное среднее образование, а в 1956 году была отменена плата за обучение в старших классах, средних специальных и высших учебных заведениях. Доктрина советского образования традиционно ориенти-

ровалась на высокий уровень фундаментизации образования, гармоничное сочетание высоких уровней **естественно-научной и историко-гуманитарной** подготовки.

Основная задача системы образования и воспитания в стране была законодательно утверждена в 1973 году: «Народное образование в СССР призвано обеспечить развитие и удовлетворение духовных и интеллектуальных потребностей советского человека». Оно способствовало реализации главного принципа социализма в процессе успешного экономического и социального развития: «Всё во имя человека – всё на благо человека!» Чёткая продуманная и слаженная система образования и воспитания в СССР включала не только заведения для **обучения** подрастающего поколения и подготовки трудовых кадров, но и общественные **воспитательные** детские и молодёжные организации, формирующие автономные системы: **дошкольное воспитание** (ясли, детские сады, ясли-сады) **общеобразовательная школа** (основная форма получения общего среднего образования), детские и молодёжные общественные организации (**октябрята, пионеры, комсомол**), **внешшкольное воспитание** (дворцы и дома пионеров и школьников; детские секции при домах и дворцах культуры, детские музыкальные школы, станции юных техников; детские и юношеские спортшколы и клубы; детские библиотеки; детские железные дороги; детские и юношеские водные станции и яхт-клубы и др.); **профессионально-техническое образование** (профессионально-технические училища (ПТУ)); **среднее специальное образование** (ССУЗЫ – техникумы, училища); **высшее образование** (ВУЗы, ВГУЗы: университеты, академии, институты, высшие технические училища, высшие военные училища).

В СССР на практике реализовывался социальный принцип советской цивилизации: «Всё лучшее – детям!» Впервые в мире на уровне государства была сформирована отлаженная система детской медицины. Поражает своими масштабами и многообразием форм система детского образования и воспитания. Множество детских оздоровительных лагерей и площадок, детских домов отдыха и санаториев, санаторно-курортных центров, дворцов культуры, клубов – всё это способствовало росту здорового молодого поколения, раннему раскрытию способностей и талантов, становлению личности – как нигде в другой стране мира.

В целом советская система образования и воспитания была уникальна как **источник беспрецедентных исторических социально-культурных достижений и технологий**, наиболее выдающимися из которых являются искоренение в огром-

ной стране беспризорности и безграмотности; ликвидация технической отсталости; обеспечение социально-педагогического проектирования новейших форм воспитания личности; формирование целостной развивающей системы дошкольного воспитания; обучение работающей молодёжи через систему вечерней сменной школы и отделения заочного образования в средних специальных и высших учебных заведениях; организация мощного естественно-научного и математического образования, обеспечившего первому в мире социалистическому государству прорыв в космос, многолетнее первенство в космической науке, а также гарантию ядерной безопасности. Советская система образования и воспитания была признана лучшей в мире.

Одним из решающих **факторов**, обеспечивших советскому образованию передовые мировые позиции, была твёрдая приверженность развитым в стране формам традиционного обучения, **традиционной педагогики**. Главное в традиционной педагогике – это **плановость и запрограммированность**. Традиционная педагогика включает следующие составляющие: 1) **Предметность содержания** – изучение «классических предметов»; 2) **классно-урочная система**; 3) **жёсткая структура**; 4) **обязательное наличие у педагога планов** – тематический, поурочный, план воспитательных мероприятий. **Основной метод** традиционной педагогики – объяснительно-иллюстративный. Этапы традиционного обучения отделяются один от другого непрерывной формой итогового контроля – экзаменом. Успешно выдержавший экзамен поднимается на следующую ступень обучения, вступая в качественно новый этап личной жизни и обретая более высокий статус.

Другим важным фактором, сыгравшим огромную роль в превращении советской системы образования в лучшую в мире, было наличие в ней такого существенного составляющего компонента, как **воспитание**, которому придавалось немаловажное значение и в русской дореволюционной системе образования. Роль воспитания подрастающего поколения, активных строителей нового общества многократно повысилась. Обращаясь к молодёжи на III Всероссийском съезде РКСМ В.И. Ленин подчеркнул: «Надо чтобы всё дело воспитания, образования и учения было воспитанием в ней коммунистической морали» [6, с. 309].

Неоценимый вклад в дело воспитания нового молодого поколения, помощь советской системе образования осуществила **многонациональная литература** страны, представители которой в своём творчестве руководствовались принципом **социалистического реализма** – отражением ре-

альной действительности в её революционном развитии. Период существования Советского государства характеризовался расцветом литературы всех братских народов, чьи писатели и поэты создавали блестящие произведения, национальные по форме, социалистические по содержанию. Прекрасные творения Максима Горького, Владимира Маяковского, Александра Фадеева, Николая Островского, Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Константина Симонова, Бориса Полевого и сотен других звали советских людей на ратные и трудовые подвиги. Герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин стал нравственным образцом для многих поколений нашей молодёжи и прогрессивных представителей молодого поколения за рубежом. В миллионах сердец нашли отклик слова из этого романа: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человека» [7, с. 225].

В системе образования СССР воспитанию человека как личности, человека-борца за дело народа уделялось первостепенное внимание. Для выдающегося педагога советской эпохи А.С. Макаренко на первом месте было воспитание и уже потом, как его следствие, «воспитывающее обучение». Трудящиеся в СССР воспитывались в духе принципов: «Кто не работает – тот не ест!», «От каждого по способностям – каждому по труду». Преданность Родине, общественное благо ставилось каждым советским человеком выше эгоистичных, корыстных личных интересов. Честный труд на благо страны, ощущение, что приносит польза Отечеству делало человека бесконечно счастливым. Прославление героев самоотверженного труда и увековечение памяти тех, кто отдал жизнь за свою Родину – тема, проходящая красной нитью в произведениях советской литературы.

Тот факт, что советская система образования и воспитания действительно достигла высокого уровня развития и сыграла огромную роль в формировании мощной мировой державы – СССР были вынуждены сквозь зубы признать и наши завистливые «друзья» на Западе. Так, в выводах Аналитической записки НАТО об образовании СССР, составленной в 1959 году, было отмечено: «Государства, самостоятельно соревнующиеся с СССР, впустую растрачивают свои силы и ресурсы в попытках, обречённых на провал. Если невозможно постоянно изобретать методы, превос-

ходящие методы СССР, стоит всерьёз задуматься над заимствованием и адаптацией советских методов». В 1960-е годы президент США Джон Фицджеральд Кеннеди прямо заявил: «... СССР выиграл космическую гонку за школьной партией...»⁶.

Одновременно с выражением высокой оценки, достигнутого в СССР уровня образования фактически к началу 1960-х годов на Западе созрело решение приступить к открытой и тайной войне с нашей системой образования; эта война продолжилась после развала СССР и продолжается в наши дни. Фактически поставлена задача об уничтожении любых остатков прежней советской системы.

В 1960 году «отец атомного флота» США Х. Риквер, возглавлявший специальную комиссию Конгресса по исследованию причин успеха СССР в освоении космоса, заявил: «Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит в том, что он угрожает нам системой образования»⁷. В недрах международных фондов и Всемирного банка были разработаны специальные программы в виде докладов: «Россия – образовательный переходный период» (1994–1995 годы) и «Обновление образования в России (региональный уровень)» (1999 год). Целью докладов была «коренная перестройка системы образования в России под новые потребности непланового рынка и открытого общества».

Таким образом, под видом коренной перестройки (реформирования) была с самого начала тщательно задумана акция заинтересованных кругов в России и за рубежом по уничтожению в постсоветский период в стране традиционного образования.

Проблемы реформирования образования в постсоветской России. Риски интеллектуальной деградации населения

Российская система образования, в том числе система высшего образования, окончательно сложившаяся в советский период, формировалась около трёх столетий. Это был один из наиболее сложных и дорогих продуктов отечественной культуры. Система высшего образования России – это своего рода матрица, на которой осуществляется дальнейшее воспроизводство нашей культуры. И уклад высшей школы, и организация самого процесса обучения и воспитания, и учебные программы – всё это важнейшие факторы создания интеллигенции – сообщества специалистов с высшим образованием. Протекающий в постсовет-

⁶ Самсонов А. Агония русской школы // Пятая газета. № 29–30 (178). 20 ноября 2020. с. 9.

⁷ Славохотов Д.А. С нашей системой образования ведётся открытая и тайная война // Пятая газета. № 43 (141). 22 октября 2019. с. 5.

ский период процесс **реформирования системы образования** – по своей сути может быть оценен как **демонтаж этой системы** потому, что вместо образования и воспитания осуществляется лишь наполнение человека определёнными компетенциями. Само же образование как единая система, включающая **обучение** (передача знаний, умений, навыков) и **воспитание** (формирование личности человека – упраздняется). Все 1990-е годы в образовании страны вносились изменения, постепенно удаляющие его отдельные элементы: сначала были введены федеральные стандарты, заменившие знания компетенциями, затем последовало множество инициатив по реформированию: от введения 12-летнего обучения в школе, единого госэкзамена (ЕГЭ), профильной школы, кредитов ГИФО (государственные именные финансовые обязательства), перевод ВУЗов с федерального на региональный уровень, приватизация и перевод на платные образовательные услуги и, наконец, т.н. Болонская система [8, с. 26, 127, 290–291]. Завершить реформирование российского образования предполагалось на основе реализации ряда официальных документов, прежде всего – «Стратегии инновационного развития РФ». При этом сохранение отдельных элементов традиционной системы исключалось. Важнейшая составная часть реформирования – введение платного обучения, реализация на практике так называемой маркетинга учебного процесса на всех уровнях образовательной системы.

Окончательное внедрение Болонской системы означает замену всех без исключения элементов традиционного российского обучения и воспитания, изменение всей матрицы, на которой воспроизводилась отечественная культура. Одной из проблем является то, что Болонская система образования резко подразделяет всё на уровни. Хотя предполагается, что эта система – лишь несколько десятков в мире университетов, на практике всё выливается в сотни и тысячи ВУЗов, которые считаются университетами лишь по названию, в действительности имея уровень профтехучилища [9, с. 288]. В целом Болонская система высшего образования сильно проигрывает по сравнению с традиционной системой высшего образования, которая была принята в нашей стране, обеспечивая слабый уровень подготовки тех, кому присваиваются учёные степени.

Подготовка научных кадров на основе 4-годичного обучения в бакалавриате, одного-двухгодичной подготовки к магистратуре, затем – аспирантура и докторантура до уровня доктора философии не обладает достаточной эффективностью и уровень квалификации обладателей присваиваемых учёных степеней этой системы

низок по сравнению с системой пятилетнего высшего образования, трёхлетней аспирантурой и подготовкой докторов наук в нашей традиционной системе подготовки научных кадров высокой квалификации, что на практике подтверждено научными достижениями СССР и достигнутой в своё время мощью научно-технического потенциала нашей страны. Болонская система высшего образования не может обеспечить прогрессивное развитие экономики и культуры Российской Федерации.

Решение об отмене Болонской системы поддержано Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Однако, в нынешнем году предусматривается увеличить на 80 тысяч количество бюджетных мест в магистратуре в дополнение к тем, что были уже ранее утверждены на 2022–2023 годы по таким направлениям, как математика, химия, биология, генетика, информационные технологии, строительство, сельское хозяйство.

Серьёзной проблемой при реформировании системы образования стал пресловутый **ЕГЭ** (единый государственный экзамен) (англ.: *aunifiedstateexam*). После перерыва в два года (по причине пандемии) было принято решение возобновить практику ЕГЭ по обязательным предметам – математика и русский язык. Самыми популярными по выбору при сдаче ЕГЭ сегодня являются обществознание (45% опрошенных) и биология (19% опрошенных). В этом году впервые в этой категории потеряла третье место физика, её обогнали информатика и ИКТ. Более 600 человек было удалено с экзамена за использование мобильных телефонов и шпаргалок⁸. Подавляющая часть населения страны считает ЕГЭ малоэффективным и даже вредным средством контроля знаний. По справедливой оценке Епископа Егорьевского Тихона (Шевкунова), советский выпускник – середнячок образца каких-нибудь 1970-х годов – корифей по сравнению с любым отличником наших дней! Проведённый анализ итогов введённого в стране ежегодного ЕГЭ является далеко неутешительным для сторонников этого нововведения. По нашему мнению, необходимо серьёзно уделить внимание следующим оценочным суждениям:

1. Для учеников и их родителей в процессе образования главным является то, что будет на ЕГЭ, а не усвоение учащимся основ предметов базовой учебной программы и получение им фундаментальных знаний, не его развитие и приучение к систематическому и умственному труду.

2. Учителю фактически отказано в доверии: учебную программу он стал выполнять формаль-

⁸ Без аномалий // Газета научного сообщества «Поиск». 2022. № 27 (1725). С. 2. URL: https://poisknews.ru/wp-content/uploads/2022/06/poisk_27_20220701 (дата обращения 30.07.2022).

но, с самого начала учебного года «натаскивая» учащихся на сдачу ЕГЭ, ибо именно от итогов его сдачи многое зависит и для ученика, и для родителя.

3. Ввиду уделения значительного времени грядущему ЕГЭ за счёт учебных часов основной программы, наносится непоправимый ущерб уровню знаний учащихся.

4. Резко сокращены часы, выделяемые на базовые предметы.

5. Появилось множество ненужных вспомогательных предметов, разрушающих общую систему.

6. Вынужденное обращение к платным репетиторам, чьи далеко не дешёвые образовательные услуги могут позволить себе не все семьи.

7. Появление у «элиты» своих «элитных» школ и обучение собственных детей за рубежом, что вызывает явное нездоровое расслоение в ученической среде.

8. Катастрофическое падение уровня абитуриентов.

9. Автоматическое снижение уровня и престижности высших учебных заведений до основного контингента слабо подготовленных в средней школе студентов.

10. Итог: если ещё в 1991 году (по данным ЮНЕСКО) Российская Федерация по уровню образования занимала одно из первых мест в мире, то теперь мы в третьей десятке и при существующей образовательной системе деградация населения, в том числе и в особенности подрастающего поколения продолжается.

В осуществляемой в стране реформировании образовательной системы значительное место принадлежит проекту «Цифровая школа», рассматриваемому:

1. Перевод содержания школьной программы (учебников, методических материалов) в **электронную форму** и создание **online курсов**, позволяющих учащимся самостоятельно получать знания.

2. Создание **платформы и информационного ресурса «Цифровая школа»**, через которые учащийся получит свободный доступ к электронному образовательному содержанию школьной программы.

3. Оснащение школ **инфраструктурой** (компьютеры, доступ в Интернет, интерактивные панели и т.д.), предоставляющей возможность учителям и учащимся применять электронный образовательный материал.

4. **Переподготовка учителей** для обеспечения успешного использования в учебном процессе электронного образовательного материала. Роль учителя при этом коренным образом меняется: из творческого педагога в традиционной системе образования он превращается в обычного куратора,

«тьютора» (англ.: **a tutor** – наставник), ориентирующего ученика. Предполагается, что школьники сами, без труда разберутся в новом материале и сумеют освоить содержание разных дисциплин. Практика, однако, учит, что это далеко не так. Например, в 400 школах США, где была внедрена цифровизация, 80 % имели низкую успеваемость. Европейские аналитики утверждают, что материал бумажного учебника усваивается и запоминается гораздо лучше, чем с электронного. К тому же врачи строго предупреждают о чрезвычайно вредном влиянии на здоровье продолжительной работы на компьютере. Ключевой момент: пользователь цифровой технологии – школьник – это всё ещё формирующаяся юная личность, поэтому опираться на его предпочтения при выборе необходимых участков знаний – некорректно и порой даже вредно. Отсюда – цифровая школа может быть либо своего рода дополнением к традиционной, либо средством получения новой профессии для уже сформировавшейся личности. При глубоком индивидуальном погружении в виртуальный мир компьютера молодёжь всё больше удаляется от реальности, теряет способность к реализации самостоятельных долгосрочных планов, характеризуется поздней социализацией. У обитателя виртуального мира утверждается чувство **ложной компетенции**: простой доступ к информации учащийся приравнивает к овладению знанием. А это уже весьма опасно, когда «мнимо-компетентные» кадры начнут всё более преобладать на ответственных участках трудовой деятельности. Практически «цифровой вариант» технологизации преследует цель простой передачи знания, а не формирование высококвалифицированного специалиста и полноценной разносторонней личности. В решении задачи максимального повышения уровня информационно-коммуникативной компетенции сегодняшних выпускников российской школы цифровой образовательной среде всё же принадлежит своя особая роль. Однако требуется приложить немало усилий для выработки у каждого выпускника основной школы навыков работы с информацией в цифровой среде как одного из необходимых условий личностного и профессионального развития на протяжении всей его жизни, на основе усвоения как технических, так и гуманитарных наук. Сегодня успешная реализация указанных усилий чрезвычайно затруднена из-за наличия проблем, связанных со степенью обеспеченности образовательных организаций цифровым оборудованием, доступностью цифровых серверов и цифрового образовательного контента [10, с. 221]. Различие в уровне обеспеченности цифровым оборудованием и доступа к цифровым источникам информации ставит в

неравное положение разные образовательные организации. Цифровизация способствует усилению внутреннего расслоения системы высшего образования на элитарное и массовое, естественно превращая широкое качественное высшее образование в малодоступное. Вынужденный уход на дистанционное обучение в период пандемии в условиях отсутствия у многих необходимой электронной техники и доступа к Интернету, усиление цифрового неравенства явились ещё одним доказательством невозможности получения всеобъемлющего качественного образования всей массой учащихся страны [11, с. 369].

В учебных заведениях страны сегодня применяется три формы обучения: 1) аудиторное, 2) дистанционное, 3) гибридное (занятия как в аудитории, так и в дистанционном формате. При переходе с аудиторного на дистанционное обучение, как показывает анализ, отмечается ухудшение показателей уровня успеваемости учащихся. Большая часть обучающихся специальностям, связанным с общением с людьми по-прежнему отдаёт предпочтение аудиторной форме обучения [12, с. 75].

В начале 2010-х годов в РАН провели опрос, чем занимаются сегодня **российские мужчины**. Оказалось, что главному в своей жизни – российским женщинам и детям они уделяют около 45 минут в сутки, а **виртуальной реальности** – соцсетям, Интернету, гаджетам, телевизору – четыре с половиной часа! В то время это было шоком. Сегодня же эта цифра выросла до... семи часов в сутки. Таким образом, компьютер принуждает человека тратить значительное время на бессмысленную виртуальность, что позволяет в данном случае вести речь о «компьютерном извращении».

Дальнейшее функционирование российской системы образования в её нынешнем виде, продолжение реформирования остатков традиционного образования в ключе Болонской системы чревато рисками **интеллектуальной дегенерации, дебилизации подрастающего поколения и всего населения** страны. Дебилизации населения способствовало имевшее место в постсоветский период закрытие школ, библиотек, клубов, детских садов, что является разительным контрастом динамике развития структуры советской системы образования и воспитания. Наше образование, принципы воспитания нравственности и духовности всё более нивелируются. Те пороки и безнравственность, которые были очевидны нашему старшему поколению, значительной частью современной молодёжи воспринимаются как норма. К сожалению, ценности западной цивилизации стано-

вятся ценностями наших детей. Современная школа в рамках сложившейся в стране образовательной системы, как правило, старается отстраниться от вопросов воспитания учащихся, переложив это на родителей, всячески акцентируя мысль, что школа призвана оказывать образовательные услуги, школьный учитель – это просто урокодатель. У многих подростков, получающих неполноценные знания, одновременно формируется и отсутствие моральных норм и табу в жизни, им исподволь внушается мысль, что вокруг есть место лишь целесообразности, цинизму и деньгам: любая телевизионная реклама превозносит культ успеха, секса и красоты «квалифицированного потребителя», абсолютно не уделяя внимания таким понятиям, как труд, уважение к старшим, справедливость, помощь беззащитным.

Многие телепередачи, телефильмы, телереклама не отличаются высоким качеством, отрицательно влияя на воспитание подрастающего поколения. В целом приходится глубоко сожалеть о достаточно неблагоприятной роли телевидения в воспитании детей и юношества, что позволяет критически отзываться о нём многим видным общественным деятелям. Так, вице-президент РАЕН Сергей Капица в возмущении даже назвал телевидение «преступной организацией» за тот вклад, который оно вносит в разложение общества в нашей стране.

В соответствии с сентябрьским указом Президента сегодня в нашей стране прошла частичная военная мобилизация. Но она происходит не только в военной сфере, на оборонных заводах, но и **в культуре**, где «лопаются перламутровые пузыри шоу-бизнеса» и с новой силой рождается русская музыка, и подлинно народная поэзия⁹.

Низкое качество полученного общего и профессионального среднего и высшего образования особенно наглядно проявляется в публичных выступлениях на различных научных форумах и конференциях, где, к сожалению, не сокращается количество досадных ошибок докладчиков [13, с. 131]. В научно-технических и экономических терминах проявляется низкая культура и безграмотность речи. Так, можно услышать применение терминов «логист», «статист» (вместо правильных – логистик, статистик), «феномен», «дивиденты» (правильно: феномен, дивиденды), вместо **прецедент** и **конкурентоспособность** мы слышим «прецендент» и «конкурентноспо-

⁹ Шангин Г. Теплаки и ночники, а не только броники и коптеры: айтишники нужны на передовой // Сообщество «Оборонное сознание»: электронный ресурс. 2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/teplaki_i_nochniki_a_ne_tol_ko_broniki_i_kopteri_ajtishniki_nuzhni_na_peredovoj (дата обращения 31.10.2022).

собность», «средства», «обеспечение», «уплощено», «маркетинг» – вместо правильных средства, обеспечение, уплачено, маркетинг. В речи учёных, чиновников, дикторов ТВ появляются и новые удивительные слова – явные свидетельства «образованности»: в сводках о специальной военной операции и др. передачах числительные **двести, триста, четыреста, пятьсот** и т.д. до **девятьсот** почему-то в родительном падеже применяются в загадочной форме «двухста», «трёхста», «четырёхста», «пятиста»... «девятиста» – вместо правильных **двухсот, трёхсот, четырёхсот, пятисот... девятисот** (около **пятисот** километров – верно, но около «**пятиста** километров» – неверно!). В телевизионных ток-шоу жителей Индии называют «индусами» (правильно: **индийцы**), женщин Польши – «полячками» (нужно: **польки**). Неожиданностью стало частое применение **сочетания** «что касасемо» (правильно: **что касается**). По каналу IZ иногда можно услышать забавные названия известных британских газет, например, **The Financial Times** почему-то прозвучало несколько раз как «Файнейшал Таймс» (правильная транслитерация: **Файненшэл Таймз!**). В наш электронный век вызывает удивление безграмотное прочтение адреса электронной почты, что является проявлением недостаточной ответственности к соблюдению **информационной безопасности** и весьма затрудняет ведение переписки, использование электронной почты: как правило, даже научные работники, руководители и специалисты, телереклама озвучивает адрес электронной почты как забавную смесь из латинского, русского и иностранного языков с чётко звучащими словами по-русски «собака», «точка», «маил», «ру» и т.д. До сих пор упорно продолжается употребление полюбившейся многим фразы «середина 2000-х», когда речь идёт о, скажем, 2005 или 2006 годах. Поистине «яйцеголовые» ораторы никак не возьмут в толк, что **середина 2000-х** – это... 2500-й год. Правильно будет употребить сочетание **середина нулевых**. Почему-то термин **нулевые** многие не применяют. Между тем научно корректно десятилетие с 2000 по 2009 год называть нулевыми годами (так называют десять лет по окончании любого предыдущего столетия). Англичане десятилетие нынешнего столетия называют даже с заглавной буквы: **(the Noughties)**¹⁰. По-прежнему в нашей стране не решена окончательно в грамотном ключе проблема **ёфикации** (обязательное написание буквы Ё везде, где она необходима). Серьёзность этой проблемы весьма легкомысленно недооценивается, в чём огромная

¹⁰ Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. New 9th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 1054. ISBN: 978-0-19-47-9878-5.

вина системы образования. А ведь игнорирование этой буквы в различных официальных документах (постановлениях, указах, директивах, паспортах, пропусках и т.д. может привести к недоразумениям, непоправимым последствиям, в том числе к нелегитимности контрактов, договоров и т.п.) [14, с. 105].

Недостаточное внимание в системе образования страны уделяется изучению иностранных языков в практическом, деловом русле. Реализация стратегии «мобилизационного рывка» в экономике России требует пересмотра существующей концепции организации подготовки, переподготовки и повышения квалификации по иностранным языкам, проведения реорганизации преподавания иностранного языка как важнейшего средства международного общения, что позволит максимально эффективно использовать огромный потенциал научно-технической информации для реализации новейших НИ-ОКР, повысить уровень международного научно-технического, экономического и культурного сотрудничества. Особенно большое внимание следует уделить повышению уровня владения деловым английским языком и коммерческой корреспонденцией. Пора руководителям и ответственным специалистам и научным работникам научиться работать без гидов-переводчиков и референтов, а самостоятельно. Между тем вопросам лингвострановедения, владения новейшей информацией по англоязычной научно-технической терминологии, антропонимике и топонимике в образовательной системе нашей страны уделяется ничтожно малое внимание. Откровенная чушь звучит из уст телеведущих и рекламы когда, скажем, рекламная запись о вакансиях **hh.ru** озвучивается с помощью русского языка как... «хэхэру»(?!). (правильно: [eɪtʃ] [eɪtʃ] [dɒt] [ɑ:] [ju:]). Новое лекарственное средство с английским названием **Renewal** произносят: «реневаль», английский термин **a router** (маршрутизатор) – как «роутер» и т.д. Случилось так, что новое в лингвострановедении нашей системе образования и возвращённой ею массе специалистов абсолютно неведомо. Так, сегодня многие по-прежнему называют столицу нашей страны Москву по-английски – **Moscow**. Следует, однако подчеркнуть, что в новейших географических атласах и справочниках, изданных в Великобритании и США, на карте России у пуансона столицы Российской Федерации крупными буквами уже многие годы значится название **MOSKVA** (в скобочках мелким шрифтом поясняется, что это прежнее **Moscow**). Около трёх десятков **Moscow** сегодня насчитывается в США, в некоторых штатах – несколько **Moscow**. Таким образом, ког-

да применяется топоним Moscow, целесообразно непременно добавить название штата. MOSKVA же одна¹¹!

Следует подчеркнуть, что новые явления в английской транслитерации русских научно-технических терминов, антропонимов и топонимов и в русской транслитерации английских терминов, имён и географических названий – это весьма интересный объект для исследования. Главный принцип при этом – максимальное приближение к оригиналу, ни в коем случае не следует пытаться переводить имена и топонимы, как это часто делалось в прошлом. Пример: раньше страна **Cote D'Ivoire** по-русски именовалась Берег Слоновой Кости (перевод с французского), но теперь её официальное название на русском и других языках Кот-д'Ивуар. В связи с этим в атласах и справочниках Великобритании и США сегодня на карте России у пуансона нашей второй столицы вы не найдёте названия, которое применялось в старое время: Saint-Petersburg. Английское название сегодня: Sankt Peterburg или просто: Peterburg. В новейшем географическом атласе, изданном в Лондоне в 2018 году, на карте России под названием Sankt-Peterburg приводятся и прежние названия на английском: Leningrad, Petrograd. Есть запись: Leningradskaya Oblast¹². Единственное место, где сегодня можно найти старое название **St. Peterburg** – это штат Флорида, США. Не совсем ясно, почему организаторы проходившего в этом году Петербургского Экономического Форума применили в названии форума именно это название города. Что касается Москвы, то в этом же атласе, можно прочитать по-английски: Gorod Moskva. В другом британском атласе есть Moskva и Moskovskaya Oblast¹³.

Широко распространённым сегодня в справочной литературе на английском языке является топоним **Rossiya**, а не **Russia**. Так, в американской энциклопедии «The World Book Encyclopedia» в статье, повествующей о России, можно прочитать буквально следующее: «Official Name: Rossiya or Rossisyskaya Federatsiya»... (Официальное название: Rossiya или Rossisyskaya Federatsiya)¹⁴. Из всего сказанного следует вывод: при изучении английского языка, особенно делового английского

¹¹ The American Atlas. Expanded Fifth Edition 1990 Compiled and Programmed by Thomas G. Shanks. San Diego, CA: ACA Publications, 1997. Pp. 9, 14, 120. ISBN: 0-935127-38-0.

¹² Compact World Atlas Seventh Edition. London: Dorling Kindersley Limited, Penguin Random House, 2018. Pp. p. 88; 89; 121; 176. ISBN: 978-2413-1764-8.

¹³ Encyclopedia Britannica. World Atlas Third Edition. Chicago London New Delhi Paris Seoul Sydney Taipei Tokyo, 2008. Pp. 58, 158. ISBN: 13:978-1-59339-428-8.

¹⁴ The World Book Encyclopedia. London-Sydney-Tunbridge Wells-Chicago: World Book International, 1994. Vol. 16. P. ISBN: 0-7166-6694-4.

и коммерческой корреспонденции нужно быть внимательным к новым явлениям в транслитерации научно-технических терминов, антропонимов и топонимов, и этой проблеме, естественно, следует уделить внимание в образовательной системе нашей страны. Требования к содержанию этой системы, её учебно-методическому и информационному обеспечению непрерывно растут.

Непосредственно из всего рассмотренного выше вытекает проблема соответствующей **подготовки педагогических кадров**. В последние годы она стала особенно острой. Старшие кадры педагогов, представлявшие традиционную отечественную систему образования и воспитания, почти полностью уступили место новому поколению преподавателей. Сегодня учителями в школе и ВУЗах стали представители поколения 1990-х годов, которые стали жертвами реформирования образовательной системы, перестройки её по новым лекалам Болонской конвенции. По признанию Президента Академии Образования О.Ю. Васильевой, нынешняя система подготовки педагогических кадров страдает множеством серьёзных недостатков.¹⁵

Задачи коренной перестройки существующей системы образования

Проведённый анализ проблем реформирования системы образования в Российской Федерации, сопоставление эффективности главных элементов российской образовательной системы с уровнем воздействия советской системы обучения и воспитания на научно-технический потенциал, социально-экономическое развитие и культуру стран убеждают о неспособности прозападной образовательной системы обеспечить реальное повышение уровня и качества жизни населения России и необходимости замены её на доказавшую свои исторические преимущества **советскую систему образования**. За немедленный переход к ней высказалось множество учёных, руководителей и специалистов, видных государственных и общественных деятелей, в числе которых Нобелевский лауреат по физике Жорес Алфёров, доктор физико-математических наук, профессор Сергей Капица, Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин, Народный артист СССР Юрий Соломин, выдающийся кинорежиссёр и актёр Владимир Меньшов, Председатель КППФ Геннадий Зюганов и многие другие. Требования незамедлительной коренной перестройки системы образования страны на всех уровнях «на основе традиционных и национально-культурных принципов» содер-

¹⁵ Васильева О.Ю. О педагогических кадрах // Российская газета. 2022. № 142 (879). С. 1.

жится в Постановлении XV Собора Народного единства, состоявшегося в Москве 26 и 28 марта 2022 года.¹⁶ В качестве назревших **задач коренной перестройки существующей образовательной системы России** предлагается рассматривать следующие:

1. Ввести всеобщее обязательное бесплатное образование, включающее обучение и воспитание.

2. Отменить Болонскую систему образования и восстановить советскую систему образования и воспитания.

3. Отменить единый государственный экзамен.

4. Возродить сдачу экзаменов по основным школьным предметам при окончании начальной, неполной средней и средней школы.

5. Согласно закону о Государственном Русском языке обязать все организации и учреждения страны соблюдать ёфикацию во всей официальной документации.

6. Ввести строгую ответственность за грамматические ошибки в официальных документах и корреспонденции.

7. Создать единый для всей страны учебник по истории Российской Федерации.

8. Ввести в программу школьного обучения и воспитания обязательные специальные курсы по этикету, правилам ведения общебытовой и деловой переписки, правилам телефонной беседы.

9. Поручить Росстандарту для ведения в школьную программу разработать нормы уважительного обращения друг к другу, к пожилым людям: ввести официальную форму обращения **гражданин**, исключив пошлое «мужчина», «женщина».

10. Провести широкое обсуждение и возродить в школе раздельное обучение по полу.

11. Ввести специальную форму одежды для школьников, ряда средних специальных учебных заведений и ВУЗов (ПТУ, мореходные училища, железнодорожные заведения, учебные заведения, учебные заведения водного транспорта, связи).

12. Реорганизовать обучение иностранному языку, повысить уровень его учебно-методического обеспечения, максимально приблизив к практике и деловому общению, уделяя внимание новейшей терминологии.

13. Ввести в учебную программу школ, средних и высших учебных заведений курс лингвострановедения, уделив максимальное внимание изучению и транслитерации новейших научно-технических терминов, антропонимики и топонимик на русском и международном английском языке.

14. Отменить изучение иностранного языка в первых классах как методически необоснованное.

¹⁶ Союз духовных школ и общественных организаций. Постановление XV Собора Народного Единства, 26 и 28 марта 2022 года, г. Москва // Пятая газета. 2022. № 24 (272). С. 7.

Приступать к изучению иностранного языка не ранее 3–4 классов.

15. Возродить практику государственного планирования распределения на работу молодых выпускников ССУЗов и ВУЗов, обучающихся на бюджетных местах, а также расширить подготовку специалистов по направлению коммерческих предприятий и организаций [15, с. 27].

16. Внедрить в широкую практику разработку и реализацию региональных программ содействия трудоустройству молодёжи на условиях софинансирования за счёт средств федерального и регионального бюджетов [16, с. 285].

17. Усилить воспитательные компоненты в школьных программах обучения. Ввести для обязательного изучения произведения советских авторов о героизме народа в тылу и на фронте («Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, исключить «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и т.д.).

18. Расширить практику организации деятельности групп и кружков дополнительного образования на **бесплатной основе** (группы по изучению иностранного языка и других школьных дисциплин, спортивные секции, кружки по интересам).

19. Усилить воспитательную работу с молодёжью на основе использования опыта старшего поколения (наставничество).

20. Возродить детские и юношеские молодёжные организации типа октябрят-пионерия-комсомол.

Заключение

Многолетнее реформирование образовательной системы Российской Федерации в постсоветский период справедливо будет оценить как фактический демонтаж системы образования, обеспечившей в своё время в СССР взлёт достижений научно-технического потенциала, экономики и культуры до невиданных в мире высот, завоевавшей славу лучшей образовательной системы планеты. Огромным достоинством советской системы образования было наличие в ней важнейшей воспитательной составляющей, в том числе многообразия форм детского и юношеского воспитания, решавших сложную задачу формирования личности Человека нового, справедливого общественного строя, Человека-творца, Человека-победителя. Общедоступность, бесплатная основа играли свою важную роль. По всей вероятности после развала СССР надобность в подобной системе отпала. Попытка реформирования традиционной отечественной системы образования, замена её Болонской сис-

темой не привела к ожидаемым положительным результатам. Введение платного образования, так называемая «маркетизация учебного процесса», ЕГЭ, фантастический крен в цифровизацию школы, пренебрежение ценностью временного фактора, прямая угроза интеллектуальной дегенерации населения, низкая эффективность в организации производства, ускорения социально-

экономического развития на основе новейших достижений научно-технического прогресса, «виртуальное убаюкивание» вместо реального улучшения уровня и качества жизни – все эти факторы выдвинули в повестку дня вопрос о коренной перестройке существующей в стране образовательной системы.

Список литературы

1. Swan, M. Practical English Usage. Fourth Fully Revised International Edition. Oxford: Oxford University Press; 2020. 768 p. ISBN: 978-0-19-420246-6
2. Сталин И.В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1949. С. 66–77.
3. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 36. М.: Госполитиздат, 1981. С. 165–208.
4. Сталин И.В. О задачах хозяйствования. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 29–45.
5. Multinational Executive Travel Companion. Annual Revised Edition. Stanford, CT, USA. 716 p. ISBN: 0-931000-30-9
6. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Союза Молодёжи 2 октября 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 41. С. 298–318. М.: Госполитиздат, 1981.
7. Островский Н.А. Как закалялась сталь. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1961. 560 с.
8. Oxford Guide to British and American Culture. New Edition. Oxford: Oxford University Press, 2009. 534 p
9. Садыкова П.С. Болонская система образования в России: плюсы и минусы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Том 2. №9. С. 228–229. УДК 6585
10. Авдеева С.И., Уваров А.Ю., Тарасова К.В. Цифровая трансформация школ и информационно-коммуникативная компетентность учащихся // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 218–243. DOI 10.17323/1814-9545-2022-1-218-243
11. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Современное детство и социально-экономические вызовы // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 3. С. 358–371. DOI 10.19181/isprr. 2021. 17.3.6
12. Фролова С.В., Есина С.В., Прибылова Н.Г. Основные требования к устной речи преподавателей высшей школы в условиях цифровизации образовательного процесса // Высшее образование сегодня. 2022. № 1–2. С. 72–77. DOI 10.18137/RU.NET.2201-02.P072
13. Мачелян Г.Г. О культуре научных публикаций и выступлений // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 130–134. DOI 10.12737/3494
14. Мачелян Г.Г. Культурная доминанта в управлении экономикой: ёфикация печатных изданий и документов – веление времени // Уровень жизни населения регионов России 2018. № 2 (208). С. 99–106. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10020
15. Бобков В.Н., Бобков Н.В. Экономическая активность российской молодёжи и проблемные зоны её реализации // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2. С. 8–29. DOI 10.12737/20761
16. Ситников А.В., Парамонов В.В. Проблемы обеспечения занятости молодёжи и возможные пути их решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Т. 4. № 3 (2017). С. 282–288. ISBN: 2312-8312 (print). ISBN: 2411-1228 (online) (211-299) DOI 10.2263/2312-8313-2017-4-3-282-288

Информация об авторе:

Гарри Григорьевич Мачелян – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь
Москва, Россия (garry_machkhelyan@mail.ru)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 23.02.2023.

References

1. Swan, Michael. Practical English Usage. Fourth Fully Revised International Edition. Oxford: Oxford University Press; 2020. 635p. ISBN: 978 019 420246 6
2. Stalin I.V. Rech' na VIII s'yezde VLKSM 16 maya 1928 goda. Sochineniya. 1928-mart 1929. Moskva: Gospolitizdat; 1949. V.11. P. 66-77 (In Russ.)
3. Lenin V.I. Ocherednyye zadachi Sovetskoj vlasti. Polnoye sobraniye sochineniy. Moskva: Gospolitizdat; 1981. V.36. P. 165-208 (In Russ.)
4. Stalin I.V. O zadachakh khozyaystvovaniya. Rech' na pervoy Vsesoyuznoy konferentsiyi rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti. 4 fevralya 1931 goda. Sochineniya. Moskva: Gospolitizdat; 1951. V.13. P. 29-45 (In Russ.)

5. Multinational Executive Travel Companion. Annual Revised Edition. Stanford, CT, USA. 716 p. ISBN: 0-931000-30-9
6. Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodyozhi. Rech' na III Vserossiyskom syezde Rossiyskogo Soyuzu Molodyozhi 2 oktyabrya 1920 g. Polnoye sobraniye sochineniy. Moskva: Gospolitizdat; 1981. V.41. P.298-318. (In Russ.)
7. Ostrovskiy N.A. Kak zakalyalas' stal'. Petrozavodsk: Gosizdat Karelskoy ASSR, 1961 560 p. (In Russ.)
8. Oxford Guide to British and American Culture. New Edition. Oxford: Oxford University Press, 2009. 534 p
9. Sadykova P.S. Bolonskaya Sistema obrazovaniya v Rossii: plyusy I minusy. *Aktual'nyye problemy aviatsiyi I kosmonavtiki. Sotsial'no-ekonomicheskiye I gumanitarnyye nauki*. 2013;2(9):228-229. UDK 658.5 (In Russ.)
10. Avdeeva, S.I., Uvarov, A.Yu., Tarasova, K.V. Tsifrovaya transformatsiya shkol i informatsionno – kommunikativnaya kompetentnost' uchashchikhsya. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2022;(1):218-243. DOI 10.17323/1814-9545-2022-1-218-243 (In Russ.)
11. Medvedeva, Ye.I., Kroshilin, S.V. Modern Childhood and Socioeconomic Challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Populations of Russia*. 2021;17(3):358-371. DOI 10.19181/ispr.2021.17.3.6 (In Russ.)
12. Frolovs, S.V., Yesina, S.V., Pribylova, N.G. Osnovnyye trebovaniya k ustnoy rechi prepodavateley vysshey shkoly v usloviyakh tsifrovizatsiyi obrazovatel'nogo protsessa. *Vyssheye obrazovaniye segodnya = Higher education today*. 2022;1-2:72-77. DOI 10.18137/RU.NET.22.01.02.p.072 (In Russ.)
13. Machkhelyan, G.G. Some Handy Hints on Standard of Speech in Scientific Publications and Statements. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2014;191(1):130-134. DOI 10.12737/3494 (In Russ.)
14. Machkhelyan, G.G. Cultural Dominant in National Economy Management: Yoficating Guidance Documents and Publications as the Dictates of the Present Time. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;208(2):99-106. DOI 10.24411/1999-9836-2018-10020 (In Russ.)
15. Bobkov, V.N., Bobkov, N.V. Economic Activity of Russian Youth and the Problem of Its Implementation Areas. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016;12(2):8-29. DOI 10.12737/20761 (In Russ.)
16. Sitnikov, A.V., Paramonov, V.V. The Problems of Youth Employment and Possible Solutions. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie = RUDN Journal of Public Administration*. 2017, 5(Nº3): 282-288. DOI 10.22363/2312-8313-2017-4-3-282-288 (In Russ.)

Information about the author:

Garry G. Machkhelyan – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Moscow, Russia (garry_machkhelyan@mail.ru)

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 29.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 23.02.2023.

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69
EDN: [MHAPNQ](#)

Болонизация образования – идти ли модернизации по этому пути дальше?

Анатолий Иванович Гретченко^{1,2}, Юрий Геннадьевич Одегов³

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, (Grettchenko.AI@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8681-6152>)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, (Odegov J.G.@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0364-4146>)

Аннотация

В апреле 2022 года РФ «отключили» от Болонской системы, а ещё через месяц в Минобрнауки пришли к выводу, что России следует строить свою собственную систему образования с учётом интересов национальной экономики. В статье представлены результаты исследований, проведённых сотрудниками НИИ «Новая экономика и бизнес» и Научной школы «Теория и технологии менеджмента» РЭУ им. Г.В. Плеханова, касающиеся роли российской образовательной системы в жизнедеятельности общества, где она занимает обширную сферу переплетения прямых и косвенных интересов, процессов, действий различных сторон: от отдельного человека, до всего населения страны; от отдельных предприятий, организаций до всего производства; от работника до сферы труда, всего социально-экономического комплекса страны. Система высшего образования в формате Болонской системы многолетними усилиями чиновников от образования настолько глубоко вошла в систему российского образования, интегрировалась со сферами науки, труда и общества в целом, что трудно даже представить не только целостное, но даже фрагментарное её упразднение. Основываясь на почти 50-летнем опыте работы в российском образовании на преподавательском, научном и административном поприще авторы статьи высказывают своё мнение относительно дискуссий в российском научно-педагогическом сообществе, сводящихся к требованию немедленной отмены нынешней системы российского высшего образования (имеется в виду Болонского типа) и переходу к новой, но несущей черты национальной традиционности. В статье отмечается, что в настоящее время не совсем ясен механизм одномоментной отмены данной системы. В завершающем разделе статьи сделаны выводы, касающиеся некоторых аспектов уроков Болонской системы в Российской Федерации, других новаций последних лет, в том числе западного образца в высшем образовании.

Ключевые слова: российское высшее образование, Болонская система, двух- и трехуровневая система высшего образования, единое образовательное пространство, бакалавр, магистр, специалист, академическая мобильность

Для цитирования: Гретченко А.И., Одегов Ю.Г. Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 61–69. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69
EDN: [MHAPNQ](#)

Bolonization of education – should modernization go further along this path?

Anatolii I. Gretchenko^{1,2}, Yurii G. Odegov³

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, (Grettchenko.AI@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-2,0002-8681-6152>)

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, (Odegov J.G.@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0364-4146>)

Abstract

In April 2022, the Russian Federation was "disconnected" from the Bologna system, and a month later the Ministry of Education and Science concluded that Russia should build its own education system taking into account the interests of the national economy. The article presents the results of research conducted by the staff of the Research Institute "New Economics and Business" and the Scientific School "Theory and Technology of Management" of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanova, the role of the Russian educational system in the life of society, where it occupies a broad sphere of interweaving of direct and indirect interests, processes, actions of various parties: from an individual to the entire population of the country; from individual enterprises, organizations, to the entire industry; from the employee to the sphere of labor, all socio-economic complex of the country. The system of higher education in the format of the Bologna system, through the long-term efforts of education officials, has entered so deeply into the Russian education system, integrated with the spheres of science, labor and society as a whole, that it is difficult to even imagine not only its integral, but even fragmentary abolition. Based on almost 50 years of experience in Russian education in the teaching, scientific and administrative fields, the authors of the article express their opinion on the discussions in the Russian scientific and pedagogical community, which boil down to the demand for the immediate abolition of the current system of Russian higher education (meaning the Bologna type) and the transition to a new, but bearing features of the national traditions. The article notes that the mechanism of one-moment cancellation of this system is currently not entirely clear. In the final section of the article, conclusions are drawn concerning some aspects of the lessons of the Bologna system in the Russian Federation, other innovations of recent years, including the Western model in higher education.

Keywords: Russian higher education, Bologna system, two- and three-level system of higher education, unified educational space, bachelor, master, specialist, academic mobility

For citation: Gretchenko A. I., Odegov Y. G. Bolonization of education – should modernization go further along this path? *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 61–69. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69

«Хотели, как лучше, а получилось как всегда»

Виктор Степанович Черномырдин

Введение

Одной из характерных особенностей российского высшего образования является перманентность его реформирования [1], затрагивающая либо всю систему в целом, либо его существенные составляющие: организацию, содержание, финансовое обеспечение и др. Проблема непрерывности, перманентности проводимых в России образовательных реформ довольно часто затрагивалась в исследованиях как советских, так и российских учёных, работников высшей школы и среднего образования. Благими целями при этом выдвигается приведение деятельности образования в гармонию с новыми запросами, вызовами и востребованностью общества, его политических, экономических и социальных сфер.

Модернизация, связанная с переходом на Болонскую систему, была направлена на вращение образования в постсоветские условия жизни общества, присущие западным странам с их демократией и рыночной экономикой сегодня всё в большей степени вырисовывается как антипод модернизации: имеет национально-патриотическую аранжировку в форме воссоздания и развития приоритетности отечественных, традиционных для России форм и методов функционирования образования [2].

В выступлениях на всевозможных дискуссионных площадках устами видных государственных деятелей, известных учёных, деятелей культуры и искусства, крупных бизнесменов в пафосном режиме говорится о результатах не критического ранее отношения к влиянию Запада на российское образование, принимавшего зачастую характер сознательной диверсии. В развитие этой идеи критике (особенно в отношении высшего образования) подвергаются как несоответствующие отечественным традициям, но внедряемые по западным лекалам содержание и технологии обучения, ведущие к деформации отношений образования с производством, разрывам преемственности уровней общего и высшего образования, финансовыми механизмами [3]. Не молчат и основоположники апологеты модернизации высшего образования на основе внедрения западных подходов и требований Болонского процесса, приводя аргументы в их защиту.

При этом предметом рассмотрения и критики чаще всего являются, хотя и важные, но не решающие положения внедряемых новаций, имеющие для системы высшего образования вузов преимущественно организационно-процедурное нежели содержательное значение. К этому зачастую сознательно уводят модераторы, ведущие соответству-

ющие дискуссии, уводя от действительно острых проблем. В ходе подобной дискуссии в последнее время традиционно побеждает не действительно серьёзно думающий профессионал, а более напористый, говорливый к тому же изначально правильно «ориентированный» по поводу выводов проходящего обсуждения активно продвигающий себя политикан. При этом видны элементы некорректности (и даже непрофессиональности) в трактовке обсуждаемых предметов и процессов образования.

Анализ динамики публикаций в базах научных публикаций Scopus и eLibrary позволяет говорить в целом о росте интереса исследователей к проблематике качества российского высшего образования. При этом в отечественных исследованиях присутствует прямое указание на качество образования в названии статей [4, 5].

Так в период нахождения российских вузов в Болонской системе до настоящего времени в базе eLibrary оказывались десятки таких публикаций ежегодно, в международных базах в том числе в Scopus – в среднем до десяти статей в год [6, 7].

Авторы настоящей статьи, основываясь на своем опыте попытались высказать своё мнение относительно высказываемых в российском научно-педагогическом сообществе требований немедленной отмены нынешней системы российского высшего образования (имеется в виду Болонского типа) и переходу к новой несущей черты национальной традиционности.

Цель статьи – анализ существующей системы образования в Российской Федерации, выявление влияния Болонской системы на систему образования страны и разработка основных предложений по её модернизации при сохранении черт национальной традиционности.

Объектом данной статьи выступает действующая система высшего образования Российской Федерации, **предметом** – механизм реформирования высшего образования в связи с выходом Российской Федерации из Болонского процесса.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что система высшего образования, базирующаяся на формате Болонской системы, многолетними усилиями ее сторонников глубоко вошла (охватила) всю систему российского образования.

Теоретико-методологические основания исследования

Методологической основой данного исследования авторы избрали комплексный подход с учётом важнейших диалектических закономер-

ностей, происходящих в сфере образования. Такой подход к исследованию развития российского образования поддерживается многими учёными. Эффективен он и при изучении трансформационных процессов в сфере высшего образования в условиях выхода России из Болонского соглашения.

Сущность данного подхода к исследованию трансформации отечественного образования основана на представлении о том, что современное цивилизованное общество характеризуется единством множества структурных составляющих своей жизнедеятельности, которые согласно положениям теории систем не просто сосуществуют, но и тесно взаимодействуют друг с другом и с внешней средой. Важнейшие аспекты, представляющие общество в целом, требующие как индивидуальных, так и комплексных системных исследований сферы образования в России – это исторический опыт, технологический, экономический и информационно-коммуникационный уровень развития данной подсистемы общества. Нельзя не отметить, что, руководствуясь правилами, лежащими в рамках данного подхода, изучая тот или иной аспект общественной динамики и выделяя предпосылки и закономерности трансформации системы общества, в том числе и высшего образования, необходимо учитывать многоаспектный, цивилизационный характер его функционирования. Это особенно актуально при обосновании изменений структуры рынка труда, занятости населения, динамики изменения уровня безработицы и др. на систему образования.

Данные и методы

Данными, выступающими отправной точкой статьи, послужили результаты исследований, проведённых сотрудниками НИИ «Новая экономика и бизнес» и Научной школы «Теория и технологии менеджмента» РЭУ им. Г.В. Плеханова, касающиеся роли российской образовательной системы в пространстве жизнедеятельности российского общества и действующего рынка труда.

Авторами использована система как общенаучных методов исследования, так и специально-юридических методов научного познания.

Среди общенаучных методов следует выделить метод наблюдения, который был использован для непосредственного наблюдения за изменениями, происходящими в сфере российского образования в период нахождения отечественных вузов в системе Болонского соглашения и в процессе выхода России из данного соглашения в целях дальнейшего реформирования отечественного образования.

Авторами использован вслед за методом наблюдения метод описания, который представ-

ляет собой систему процедур сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик в целях обобщенного описания новой экономической реальности и событий, происходящих в настоящее время в сфере высшего образования и видимых социально-экономических последствий на рынке труда.

В рамках проведения исследования использован из группы специально-юридических методов научного познания сравнительно-правовой метод, предоставляющий возможность сопоставлять выявленные российские источники права, регулирующие происходящие изменения в сфере российского образования и рынка труда в условиях Болонского соглашения с зарубежными источниками права, регулирующими сходные объекты, а также изучать изменения в правовом регулировании системы образования России, вызванных выходом российской высшей школы из Болонского соглашения.

Результаты исследования

Российская система высшего образования формировалась на протяжении трёх столетий и окончательно сложилась в советский период. Протекающий в постсоветский период процесс реформирования системы образования – по своей сути может быть оценён как демонтаж этой системы потому, что вместо образования и воспитания осуществляется лишь «наполнение» человека определёнными компетенциями. Само же образование как единая система, включающая обучение (передача знаний, умений, навыков) и воспитание (формирование личности человека) постепенно упразднялась, особенно в своей второй части.

Все 1990-е годы в образование страны вносились изменения постепенно удаляющие его отдельные и апробированные на практике элементы. С 2003 года в стране стала ускоренно внедряться Болонская система. На первом этапе её внедрения российские вузы по-разному отнеслись к этому «нововведению». Такие вузы, как Высшая школа экономики, Европейский университет, РГГУ и ряд других, в которых магистратура создавалась с нуля, с восторгом приняли данную систему. Большинство ведущих российских вузов (так называемых консервативных) напротив переход на двухуровневую систему начали с сокращения сроков подготовки специалистов (специалитет) на один год. На практике эти вузы программу бакалавриата чаще всего проектировали, укорачивая специалитет, а магистратуру – либо в качестве продвинутой специализации бакалавров в компенсацию укороченного бакалавриата, либо с какими-нибудь ухищрениями в качестве подготовки студента к будущей научно-инновационной деятельности.

Двухступенчатая система подготовки специалистов не является чем-то принципиально новым. Она была реализована в России в Главном инженерном училище, образованном в 1819 году в Санкт-Петербурге, где существовало два отделения: низшее – кондукторское (3 года, по выпуску – прапорщик) и высшее – офицерское (4 года, по выпуску – подпоручик). При этом у прапорщика был выбор – идти в войска или в офицерские классы (в зависимости от набранных баллов).

Внедрение Болонской системы, начатое в конце XX века в России, означало замену всех без исключения элементов традиционного советского обучения и воспитания, изменение всей матрицы, на которой воспроизводилась отечественная культура. Завершить реформирование российского образования предполагалось на основе реализации ряда официальных документов, прежде всего – «Стратегии инновационного развития РФ». При этом сохранение отдельных элементов традиционной системы исключалось. Важнейшая составная часть реформирования – введение платного обучения, реализация на практике так называемой маркетинговой учебной программы на всех уровнях российской образовательной системы.

В целом Болонская система высшего образования сильно проигрывала по сравнению с традиционной системой высшего образования, которая была принята в нашей стране и обеспечивала высокий уровень подготовки не только специалистов, но и соискателей учёных степеней. Подготовка кадров на основе 4-х годичного обучения в бакалавриате, одного – или двухгодичной подготовки к магистратуре, затем – аспирантура и докторантура (до уровня доктора философии) не стала достаточно эффективной. Уровень квалификации обладателей присваиваемых учёных степеней оказался низким по сравнению с системой пятилетнего высшего образования, трёхлетней аспирантуры и подготовкой докторов наук. Наша традиционная система подготовки кадров на практике подтверждалась научными достижениями СССР и достигнутой в то время мощью научно-технического потенциала нашей страны.

Результат такой перестройки очевиден – если в 1991 году (по данным ЮНЕСКО) Российская Федерация по уровню образования занимала одно из первых мест в мире, то в настоящее время мы оказались в третьей десятке и при существующей системе образования деградация населения, и в особенности молодого поколения, продолжается.¹

Россия – единственная страна с развитой экономикой, в которой численность учёных не рас-

¹ Рейтинг СССР по уровню образования // Рейтинг Топ 10: [сайт]. 21.11.2011. URL: <https://everychild.ru/rejting/rejting-sssr-po-urovnyu-obrazovaniya> (дата обращения: 21.02.2023).

тёт, а падает, начиная с 1990 года. Причём надо отметить, что рост научных работников в Китае, США и других странах Европы происходит за наш счёт – около 900 тыс. выходцев из России работают там на постоянной основе.²

Оценить утечку умов из России практически невозможно. Росстат не ведёт статистику уехавших из страны учёных молодых и перспективных. За последние три года по некоторым оценкам более 70,0 тыс. молодых учёных уехали за рубеж. М. Мишустин поручил продумать меры по защите «мозгов».³

Следует отметить, что сторонники советской образовательной системы критикуют двухуровневую болонскую систему, прежде всего за более короткий срок бакалавриата по сравнению со специалитетом, а также за несоответствие бакалаврских и магистерских программ по основным направлениям подготовки (Н.В. Ефремова, И.Е. Белгородцева, Р.Ч. Зейналбдыев [8], К.В. Корякин, Е.М. Макаренко [9], М.Г. Лазар [10] и другие).

Некоторые российские учёные, связанные с болонской системой образования и отдельные их сторонники, проблему с «утечкой мозгов» считают надуманной [11].

Следует отметить, что на недостаточную подготовленность и поспешность реформ высшего образования указывает педагог Липецкого государственного педагогического университета М.А. Иванова [12].

При этом «провис» ряд других неболонских, но тесно с этой системой связанных новаций. В частности, профессиональные стандарты так и не стали ориентиром для разработки образовательных стандартов и учебных программ, компетентностной ориентации обучения и т.д.

Все отмеченные, а также другие обстоятельства в конечном счёте привели в ходе реализации Болонского соглашения к снижению качества отечественного образования.

В то же время необходимо отметить, что ряд новых подходов к целям обучения Болонской системы были внедрены в практику работы российских вузов. Например, модульный подход к обучению, представляющий уход от предметного к межпредметному его построению. Перспективный во всех отношениях, но в силу чрезвычайной сложности практически и методологически до конца так и не осуществлённый, что показано в частности в публикациях В.М. Зуева, Л.А. Мусатовой [13].

² Александр Чуйков. Как вернуть учёных в Россию // Аргументы недели: [сайт]. 25.05.2021. URL: <https://argumenti.ru/society/2021/05/722616> (дата обращения: 21.02.2023).

³ Мишустин поручил продумать меры по защите «мозгов» // РИА Новости: [сайт]. 13.12.2022. URL: https://news.mail.ru/politics/54274373/?frommail=1&utm_partner_id=707 (дата обращения: 15.12.2022).

При этом переход к Болонской системе выявил неготовность к реализации многих новаций служб организационно-методического обеспечения высшего образования и коллективов многих вузов, в части автономии вузов, свободы их действий, пусть они сами совместно решают задачи развития системы. Переход к этим новациям, в том числе и полезным, оказался трудным для значительного числа преподавателей и ректоров вузов.

Таким образом, отвергая действительно во многом Болонскую систему, мы выходим бралим сами себя, не осилив трудности адаптирования и внедрения её и в целом, ссылаясь при этом на кучу обстоятельств. Но идея дифференциации целей, задач и содержания обучения никуда не ушла, а одной бранью и критикой её не решить.

Назрела ли необходимость выхода из Болонской системы?

Ректор МГУ акад. Садовничий В.А. более десяти лет тому назад отмечал, что «противников интеграции образования в России в Международное образовательное пространство нет; есть разница в подходах к её осуществлению» [14].

По данным опроса сайта SuperJob, 66 % россиян отказываются от системы двухступенчатого образования. По их мнению, подобное обучение не даёт систематических знаний, которые необходимы профессионалам разных сфер⁴.

В ходе парламентского слушания 27 июня 2022 года в Государственной Думе в обсуждении предстоящей реформы приняли участие представители вузов, работодателей, руководители региональных органов власти, лидера фракций ГосДумы, ведущие российские эксперты, в том числе Министр науки и высшего образования В. Фальков, Президент Российского Союза ректоров, ректор МГУ В. Садовничий, Руководитель фракции КПРФ Г. Зюганов, Председатель Комитета по науке и высшему образованию О. Смолин и другие участники совещания, которые отметили актуальность проведения образовательной реформы в России.⁵

На взгляд авторов, выход из Болонского процесса российских вузов не только не навредит образованию, но ещё и даст уникальный шанс возродится целому ряду специальностей. В 2022 году предусматривалось увеличить на 80 тысяч число

бюджетных мест в магистратуре в дополнение к тем, что были уже ранее утверждены на 2022–2023 годы по таким направлениям, как математика, химия, биология, генетика, информационные технологии, строительство, сельское хозяйство.⁶

Но вернёмся к комментариям по поводу некоторых наиболее острых предметов обсуждения уже идущей реформы. Начнём с всерьёз высказываемого требования о немедленной отмене существующей системы российского высшего образования Болонского типа и переходу к новой национальной традиционности.

Необходимо отметить, что уже как на самом старте внедрения Болонской системы, так и до выхода из неё от многих учёных и специалистов [15, 16, 17, 18] звучали обоснованные предупреждения о значительных отличиях от политических до иных отечественной и Болонской систем высшего образования.

Возникает сомнение – насколько реалистично (и рационально) ставить в такой экстремальной формулировке подобную задачу. Уже во время подготовки настоящего материала в дискуссиях на научных форумах произошло смягчение этих позиций. Но в целом проблема не снята поскольку отечественная практика показывает чрезмерную переменчивость политических и иных подходов к постановке и реализации целей общества.

Президент Российской Федерации В. Путин в своём послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года отметил: «Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования и опыта последних десятилетий. Вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием. Срок обучения может составить от 4 до 6 лет. Если профессия требует дополнительной подготовки, узкой специализации, то в этом случае молодой человек сможет продолжить образование в магистратуре или ординатуре. В отдельный уровень профессионального образования будет выделена аспирантура, задача которой готовить кадры для научной и преподавательской деятельности. Хочу подчеркнуть, переход на новую систему должен быть плавным»⁷.

Предполагаемый «демонтаж» всего этого «объекта» с его связями и процессами деятель-

⁴ Опрос SuperJob: 66 % россиян поддерживают отказ от системы бакалавриата и магистратуры // Новости: [сайт]. 11.04.2022. URL: <https://mel.fm/novosti/5871903-opros-superjob-66-rossiyan-podderzhivayut-otkaz-ot-sistemy-bakalavriata-i-magistratury> (дата обращения: 02.12.2022).

⁵ В Государственной Думе прошли большие парламентские слушания по вопросам развития системы высшего образования // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: [сайт]. 27.06.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/54725/> (дата обращения: 02.12.2022).

⁶ Число бюджетных мест по приоритетным программам магистратуры увеличат // Парламентская газета: [сайт]. 17.05.2022. URL: https://news.rambler.ru/education/48665899-chislo-byudzhethnyh-mest-po-prioritetnym-programmam-magistratury-uvelichat/https://news.rambler.ru/education/48665899/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.12.2022).

⁷ Полная стенограмма послания Владимира Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года // Комсомольская правда: [сайт]. 21.02.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27468/4724024/> (дата обращения: 21.02.2023).

ности в обществе требует больших усилий, чем их введение и достаточно длительного времени на последовательное осуществление серьёзной реформы высшего образования. Этот процесс требует абсолютной плавности реформирования, а не коренной ломке созданного, отмечает ректор МГУ В. Садовничий⁸ и другие российские учёные,⁹ разработчики дорожной карты, а главное – чёткой концепции модернизации образования.

Прежде всего не ясен механизм одномоментной отмены системы. Ведь образовательная система, как и её фрагмент – высшее образование, не набор нормативов, регламентов, не сеть образовательных институциональных структур и даже не кадры. Образовательная система – это нечто более значительное, масштабное и сложное. Система высшего образования в формате Болонской системы глубоко интегрировалась не только в сферу российского образования, но и науку, рынок труда, общество в целом.

Советская модель (не дореволюционная) отражала именно советское устройство общества, советский образ мышления, ментальность во многом значительно отличающиеся от иных мировых систем. Но советское общество, к сожалению, не выдержало проверки временем и ушло в историю, следуя вечному философскому посылу: «в одну и ту же реку дважды не войдешь». Так под какое же общество формировать модель образования: под традиционное (имея в виду советское), которого уже нет, либо под новое, но уже не традиционное и не западное, по каким лекалам формировать модель самого общества.

Отметим, что в происходящих в последнее время обсуждениях просвечивает достаточно здравое мнение: имеет ли смысл абсолютизировать негатив Болонской системы и вообще новаций западного типа в образовании? Ведь как уже говорилось выбор их для России был не спонтанным актом. Он в какой-то мере учитывал и определённые черты отдельных её положений близких по идее и форме решения – отечественным традициям в их уже современном понимании. Так что следует провести сущностную оценку возможной полезности в будущем отдельных элементов Болонской системы, подработанных нами для внутреннего пользования.

⁸ Добрунов М. Ректор МГУ призвал сохранить все варианты подготовки студентов/ Михаил Добрунов / Магазин исследований. ПМЭФ-2022: [сайт]. 19.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/06/2022/62aea8379a79474831dddce...> (дата обращения: 02.12.2022).

⁹ Особое мнение: петербургские профессора о том, что изменится в России после отказа от Болонской системы //forpost-sz.ru: [сайт]. 31.05.2022. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2022-05-31/osoboe-mnenie-peterburgskie-professora-otom-chto-izmenitsya-v-rossii-posle-otkaza-ot> (дата обращения: 20.02.2023).

Да, советская модель плановой организации функционирования: «студент – вуз – производство» не выдержала проверки в одном из главных факторов – слишком пассивной была позиция основного субъекта модели – студента (специалиста), а внедрённая западная (рыночная) модель: «студент – вуз – рынок труда» не прижилась из-за того уже отмеченного обстоятельства – нет действенных стимулов и мотивов у того же субъекта – выпускника к труду. Получение высшего образования как при советской власти во многом связано не с мотивацией к более высокооплачиваемому труду (это на Западе с его развитым рынком существует устойчивая корреляция уровень образования – уровень зарплаты) и не с патриотизмом, а с побуждениями весьма ценимой в России престижности социального статуса образования как такового. Возникает всё тот же вопрос: имеет ли смысл возвращаться к формируемой национальной модели высшего образования, к старой системе планирования подготовки специалистов. Вероятнее всего – да, но с учётом новых требований к специалистам в экономике, социальных отраслях, во всех сферах российского общества.

Определённые подвижки в этом направлении наметились согласно приказу Министерства образования и науки России от 29.08.2022 г. № 822, в котором установлен перечень специальностей и направлений подготовки, вступающий в силу с 01.09.2025 г.¹⁰

Выводы

Реформирование образовательной системы Российской Федерации в постсоветский период, завоевавшей славу лучшей образовательной системы планеты, справедливо можно оценить, как фактический демонтаж системы образования, обеспечившей в своё время СССР взлёт достижений экономики и культуры до мировых высот. Её достоинством было наличие в ней важнейшей воспитательной составляющей, многообразия форм детского и юношеского воспитания, решавших сложную задачу формирования личности Человека нового, справедливого общественного строя, Человека-творца, Человека-победителя. Общедоступность, бесплатная основа играли в этой системе свою важную роль.

После развала СССР надобность в подобной системе отпала. Попытка реформирования традиционной отечественной системы образования,

¹⁰ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 29.08.2022 № 822 "О внесении изменений в некоторые приказы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере высшего образования" // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. 15.11.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211150005> (дата обращения: 20.02.2023).

замена её Болонской системой не привела к ожидаемым положительным результатам. Введение платного образования, так называемая «маркетингизация учебного процесса», ЕГЭ, фантастический крен в цифровизацию школы прямая угроза интеллектуальной деградации населения – так называемый «социал-дегенератизм», «виртуальное убаюкивание» вместо реального улучшения уровня и качества жизни. Все эти факторы выдвинули в повестку дня вопрос о коренной перестройке, существующей в стране образовательной системы, вынудив и правящую элиту признать необходимость её модернизации.

Обобщая опыт предыдущих реформирований, можно сделать ряд выводов:

Российское высшее образование должно трактоваться не как «кузница» кадров, не в роли специфической отрасли, имеющий характер субъекта хозяйствования, а в качестве важнейшего института гражданского общества, непосредственно реализующего его социальный заказ, интегрально включающий разносторонние запросы заинтересованных в образовании субъектов – от общества в целом до отдельных его граждан.

При формировании новой (всё же правильнее говорить современной российской, поскольку она неизбежно будет опираться на основные компоненты уже бывших ранее или имеющиеся) образовательной системы нет необходимости говорить о возврате к прошлому традиционному образованию в полном смысле этого понятия. Ушедшее общество не вернуть, а новое гипотетическое требует уже и адекватной системы образования.

При формировании системы высшего образования нужно увязать в единый комплекс с ним по основным идеям, содержанию, технологиям, структуре другие уровни образования, иначе не будет видно конца доработкам и уточнениям. Целесообразно в полной мере использовать все име-

ющиеся положительные качества уже апробированных в образовании новаций.

Рассмотрение проблемы должно быть проведено на действительно глубоко профессиональном, а не пропагандистском уровне без излишней злободневной политизации. Оно должно иметь комплексный характер и учитывать интересы широкого круга субъектов сферы высшего образования. Методологически такая база достаточно хорошо в России разработана в виде программно-целевого и утверждающегося в настоящее время в форме проектного подхода – Национальный проект «Наука и университеты».

Теоретическую основу новых подходов к форме образования могут составить принципы развивающего обучения и «спиральная» методика построения учебных планов, когда последующий уровень образования характеризуется углублением познания выбранной специальности и применением более сложных инструментов. Такой подход к построению учебных планов требует разработки типовых стратегий кадрового пути в течение всей трудовой жизни.

Фундаментальным устоем системы должна стать общественно-педагогическая база, ориентирующая образование, включая высшее, на реализацию традиционного российского понимания целей образования – многостороннее развитие личности – морально-нравственные, профессиональные и иные ее компоненты; образование, реализуемое в лучших отечественных традициях коллективизма и гуманизма с учётом рыночной среды но без допущения приоритета посылов этой среды в деятельности образования; рефреном во всех этих процессах должен звучать призыв нашего народного, глубоко национального поэта к педагогам: «Сейте разумное, доброе, вечное!». Иначе мы можем получить в образовании ситуацию – шаг вперед, два шага назад, – и уже без знака вопроса.

Список литературы

1. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 84–125. DOI 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125, EDN NBIMSI
2. Богуславский М.В. Трансформация идеологии реформ российского образования в 1991–2021 годы: модернизации и ретроинновации // Наука. Управление. Образование. 2022. № 1(5). С. 8–14. DOI 10.48621/z8962-3798-1585-m, EDN AEFBPQ
3. Воронова Т.А., Гретченко А.И., Кулапов М.Н., Зуев В.М., Калинина И.А. Разломы российского образования // Открытое образование. 2019. Т. 23. № 4. С. 4–12. DOI 10.21686/1818-4243-2019-4-4-12, EDN TQQKOV
4. Болотов В.А., Мотова Г.Н., Наводнов В.Г. Глобальный агрегированный рейтинг вузов: российский след // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 9–25. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25, EDN GDZNGH
5. Бордовский Г.А. Противоречия и парадоксы в развитии российской высшей школы на современном этапе // Высшее образование сегодня. 2018. № 6. С. 2–6. DOI 10.25586/RNU.HET.18.06.P02, EDN XRTCDJ
6. Fostering innovative integrated structures in Russian higher education institutions / A.A. Gretchenko, A.I. Gretchenko, O.G. Demenko, I.V. Gorokhova. Revista ESPACIOS:2017.38(40).15–25. ISSN: 0798-10157. EDN PSGFVJ

7. Role of higher education institutions in developing HR potential in a forming innovation economy / A.I. Gretchenko. E.F. Nikitskaya, M.A. Valishvili, A.A. Gretchenko. *Revista ESPACIOS*:2018.39(21).13–20. ISSN: 0798-1015, EDN XXSXZZ
8. Ефремова Н.В., Белгородцева И.Е., Зейналбдыев Р.Ч. Проблемы перехода Российской Федерации на болонскую систему образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. №4(24). С. 66–68, EDN XEPJCV
9. Корякин К.В., Макаренко Е.М. Проблемы реализации Болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2017. Т. 12, №6. С. 167–173. DOI 10.21209/2308-8796-2017-12-6-167-173, EDN ZXHTEV
10. Лазар М.Г. Реформа высшего образования России – итоги и последствия глазами социологии образования // Учёные записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2016. №44. С. 232–244, EDN WWMTIB
11. Луценко Н.О. Последствия присоединения России к Болонской системе в условиях современного политико-экономического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. №1. С. 9–25. DOI 10.18384/2224-0209-2018-1-860, EDN YXCAHJ
12. Иванова М.А. Болонский процесс и самостоятельность студентов: российская специфика // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. №3. С. 48–58. EDN YTMQNW
13. Зуев В.М., Мусатова Л.А. О формировании профессиональных компетенций на основе модульного построения обучения // Направления модернизации современного инновационного общества: экономика, социология, философия, политика, право : материалы Международной научно-практической конференции: в 3 частях, Новосибирск, Армавир, Саратов, 26 декабря 2014 года. Часть 1. Новосибирск, Армавир, Саратов: ООО «Академия управления», 2015. С. 148–151. EDN TKXCJB
14. Сборник: направления модернизации современного инновационного общества: экономика, социология, философия, политика, право: материалы Международной научно-практической конференции в 3 частях. Ч1. Саратов: Изд-во «Академия управления». 2015. С. 148–151, EDN TKXCJB
15. Садовничий В.А. Роль кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин в процессе модернизации высшей школы // Безопасность Евразии. 2004. №1(15). С. 111–126, EDN RDPQFN
16. Гретченко А.И. Автономизация вузов России и Болонский процесс // Высшее образование в России. 2006. №6. С. 25–28, EDN IJTUOT
17. Востриков В.Н., Лишук Е.Н., Савченко Н.В. Плюсы и минусы Болонского процесса в российском высшем образовании // Символ науки. 2018. №8. С. 51–59, EDN XXSDON
18. Одегов Ю.Г., Гарнов А.П. Реформа российского образования: проблемы, результаты, перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15. №3. С. 36–51. DOI 10.19181/1999-9836-2019-10071
19. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А. Роль высшего образования в формировании здорового образа жизни (по результатам социологического исследования) // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №1. С. 72–88. DOI 10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88, EDN KLVCPС

Информация об авторах:

Гретченко Анатолий Иванович – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ «Новая экономика и бизнес» РЭУ им. Г.В. Плеханова; профессор Финансового университета при Правительстве РФ (E-mail: gai51@list.ru), (ПИНЦ SPIN: 5341-7255), (elibrary AuthorID: 302980), (ORCID: 0000-0002-8681-6152) (ResearchID: d-9306-2017), (SCOPUS Author ID 57195525438)

Одегов Юрий Геннадьевич – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Научной школы «Теория и технологии менеджмента» РЭУ им. Г.В. Плеханова (E-mail: Odegov J.G.@rea.ru), (elibrary AuthorID: 491417), (ORCID: 0000-0003-0364-41460), (ResearchID: 13-1050-2019), (SCOPUS Author ID 56835780600)

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Анатолий Иванович Гретченко

Статья поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023.

References

1. Romanov E.V. Evaluation of the effectiveness of Russian universities: is it necessary to change the paradigm? *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021;23(6):84–125. <https://doi.10.17853/1994-5639-2021-6-83-125>, EDN NBIMSI (In Russ.)
2. Boguslavsky M.V. Transformation of the ideology of reforms of Russian education in 1991-2021: modernization and retroinnovation. *Nauka. Upravlenie. Obrazovanie*. 2022;1(5):8–14. <https://doi.10.48621/z8962-3798-1585-m>, EDN AEFBPQ (In Russ.)
3. Voronova T.A., Gretchenko A.I., Kulapov M.N. et al. Faults of Russian education. *Otkrytoe obrazovanie = Open education*:2019.23(4).4–12. <https://doi.10.21686/1818-4243-2019-4-4-12>, EDN TQKQOV (In Russ.)
4. Bolotov V.A., Motova G.N., Navodnov V.G. Global aggregated rating of universities: Russian footprint. *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(3):9–25. <https://doi.10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25>, EDN GDZNGH (In Russ.)
5. Bordovsky G.A. Contradictions and paradoxes in the development of the Russian higher school at the present stage. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*. 2018;6:2–6. <https://doi.10.25586/RNU.HET.18.06.P02>, EDN XRTCDJ (In Russ.)
6. Gretchenko A.A., Gretchenko A.I., Demenko O.G. et al. Fostering innovative integrated structures in Russian higher education institutions. *Revista ESPACIOS*. 2017;38(40):15–25. ISSN 0798-10157. EDN PSGFVJ

7. Gretchenko A.I., Nikitskaya E.F., Valishvili M.A. et al. Role of higher education institutions in developing HR potential in a forming innovation economy. *Revista ESPACIOS*. 2018;39(21):13–20. ISSN 0798-1015, EDN XXSXZZ
8. Efremova N.V., Belogorodtseva I.E., Zeynalbdiyev R.Ch. Problems of the transition of the Russian Federation to the Bologna system of education. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*. 2016;4(24):66–68, EDN XEPJCV (In Russ.)
9. Koryakin K.V., Makarenkova E.M. Problems of the implementation of the Bologna process in the context of the Russian system of higher education. *Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya*. 2017;12(6):167–173. <https://doi.org/10.21209/2308-8796-2017-12-6-167-173>, EDN ZXHTEV (In Russ.)
10. Lazar M.G. Reform of higher education in Russia – results and consequences through the eyes of the sociology of education. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta*. 2016;44:232–244. EDN WWMTIB (In Russ.)
11. Lutsenko N.O. Consequences of Russia's accession to the Bologna system in the context of the modern political and economic crisis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow Region State University*. 2018;1:9–25. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-1-860>, EDN YXCAHJ (In Russ.)
12. Ivanova M.A. The Bologna process and student independence: Russian specifics. *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2018;27(3):48–58. EDN YTMQNW (In Russ.)
13. Zuev V.M., Musatova L.A. On the formation of professional competencies based on the modular structure of education. *Napravleniya modernizatsii sovremennogo innovatsionnogo obshchestva: ekonomika, sotsiologiya, filoso-fiya, politika, pravo : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 chastyakh*. Novosibirsk, Armavir, Saratov: OOO "Akademiya upravleniya"; 2015. P/ 148–151. EDN TKXCJB (In Russ.)
14. Sadovnichy V.A. The role of the departments of humanities and socio-economic disciplines in the process of modernization of the higher school. *Bezopasnost' Evrazii*. 2004;1(15):111–126. EDN RDPQFN (In Russ.)
15. Gretchenko A.I. Autonomization of Russian universities and the Bologna process. *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2006;6:25–28. EDN IJTUOT (In Russ.)
16. Vostrikov V.N., Lischuk E.N., Savchenko N.V. Pros and cons of the Bologna process in Russian higher education. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2018;8:51–59. EDN XXSDOH (In Russ.)
17. Odegov Yu.G., Garnov A.P. Reform of Russian education: problems, results, prospects. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(3):36–51. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10071> (In Russ.)
18. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Gazieva I.A. The role of higher education in the formation of a healthy lifestyle (based on the results of a sociological study). *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022;31(1):72–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88>, EDN KLVCP (In Russ.)

Information about the authors:

Anatoly I. Gretchenko – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Research Institute "New Economy and Business" of Plekhanov Russian University of Economics; Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation

(E-mail: gai51@list.ru), (RSCI SPIN: 5341-7255), (elibrary AuthorID: 302980),

(ORCID: 0000-0002-8681-6152), (ResearchID: d-9306-2017), (SCOPUS Author ID 57195525438)

Yuri G. Odegov – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Scientific School "Theory and Technology of Management" of Plekhanov Russian University of Economics

(E-mail: Odegov J.G.@rea.ru), (elibrary AuthorID: 491417), (ORCID: 0000-0003-0364-4146), (ResearchID: 13-1050-2019),

(SCOPUS Author ID 56835780600)

Authors declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Anatoly I. Gretchenko

The article was submitted 16.12.2022; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Научная статья

УДК 331.1, 331.2

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85

EDN: [MSGDST](#)

Критерии неустойчивой занятости научно-педагогических кадров

Ольга Аркадьевна Александрова^{1,2}, Наталия Сергеевна Файман³

¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, (1a762rab@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

³ Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, (nsfaiman@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-1354-0431>)

Аннотация

Эффективность научного и педагогического труда в существенной степени зависит от экономических и социально-трудовых характеристик найма учёных и преподавателей. В рамках «парадигмы конкуренции» в сфере науки и высшего образования за рубежом, а с некоторых пор и в России, изменяются условия найма и оплаты труда работников: уходят в прошлое бессрочные трудовые договоры; теряют свою стабильность условия прохождения конкурса на замещение должности; в заработной плате существенная доля начинает приходиться на обуславливаемые меняющимися требованиями стимулирующие выплаты. Эта новая для данной социально-профессиональной группы реальность вызывает дискуссии в исследовательской среде: в то время как одни исследователи говорят о применимости понятий «прекаризация» и «неустойчивость» к занятости научно-педагогических кадров, другие считают такие утверждения преждевременными и избыточными. В статье на основе эмпирических данных, полученных в ходе двухэтапного социологического исследования, включавшего в себя серию глубинных полуструктурированных интервью и массовый опрос преподавателей вузов и научных работников, представляющих разные отрасли знания и проживающих в различных регионах России, предпринята попытка соотнесения общепризнанных критериев неустойчивости занятости и различных аспектов условий труда и найма научно-педагогических кадров на предмет выявления признаков неустойчивости и оценки её выраженности. Полученные результаты говорят о том, что занятость в научно-педагогическом секторе рынка труда может характеризоваться как неустойчивая по большинству соответствующих критериев: это касается сроков и условий контракта, размера дохода, вовлеченности в множественную дополнительную занятость, участия в неформальных формах самозанятости, слабой социальной защищенности работников и т.д. С учётом преимущественно негативного влияния, оказываемого неустойчивостью занятости на качество труда работников творческих профессий, необходим поиск оптимума между созданием конкурентной среды и стимулированием достижений и нормальным воспроизводством научных и педагогических кадров.

Ключевые слова: наука, образование, научные сотрудники, преподаватели вузов, неустойчивая занятость, прекаризация труда, условия труда и найма научно-педагогических работников

Для цитирования: Александрова О.А., Файман Н.С. Критерии неустойчивой занятости научно-педагогических кадров // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 70–85. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85

RAR (Research Article)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85

EDN: [MSGDST](#)

Criteria for precariousness of employment of academic staff

Olga A. Aleksandrova^{1,2}, Natalia S. Faiman³

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia (1a762rab@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>)

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia (nsfaiman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1354-0431>)

Abstract

The effectiveness of scientific and pedagogical activity largely depends on the economic and social and labor characteristics of hiring scientists and teachers. As part of the "competition paradigm" in the field of science and higher education abroad, and for some time now in Russia, the conditions for hiring and remunerating workers are changing: termless employment contracts are becoming a thing of the past; the conditions for passing the competition for a position are losing their stability; in wages, a significant share begins to fall on incentive payments which depend on changing requirements. This new reality for this socio-professional group causes discussions in the research environment: while some researchers talk about the applicability of the concepts of "precarization" and "instability" to the employment of scientific and pedagogical personnel, others consider such statements to be premature and redundant. On the basis of empirical data obtained in the course of a two-stage sociological study, which included a series of in-depth semi-structured interviews and a mass survey of university lecturers and researchers from scientific centers, representing different branches of knowledge and living in different regions of Russia, an attempt was made to correlate the generally recognized criteria for the precariousness of employment and various aspects of working conditions and hiring of scientific and pedagogical personnel in order to identify signs of instability in employment and assess its severity. The obtained results suggest that employment in the scientific and pedagogical sector of the labor market can be characterized as unstable according to most of the relevant criteria: this concerns the terms and conditions of the contract, the amount of income, involvement in multiple additional employment, participation in informal forms of self-employment, poor social protection of workers etc. Taking into account the predominantly negative impact exerted by the instability of employment on the quality of work of workers

in creative professions, it is necessary to search for the optimum between creating a competitive environment and stimulating achievements and normal reproduction of scientific and pedagogical personnel.

Keywords: science, education, researchers, university lecturers, precarious employment, working conditions and hiring of scientific and pedagogical workers

For citation: Aleksandrova O.A., Faiman N.S. Criteria for precariousness of employment of academic staff. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 70–85. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_6_70_85

Введение

Объективное знание как научный результат – не самостоятельный, изолированный продукт генерации идей «чистого разума». Это – результирующая ряда взаимосвязанных факторов, в числе которых немаловажную роль играют экономические и социально-трудовые характеристики найма самих исследователей. Карьерные перспективы, оплата труда, его характер, продолжительность и условия важны как при выборе сферы профессиональной деятельности и траекторий развития в ней, так и при принятии решения о сохранении в профессии. То же касается и преподавателей вузов, которые к тому же нередко сочетают педагогическую и научную деятельность, совмещая работу в научном учреждении и вузе либо занимаясь наукой непосредственно в университете.

Для стимулирования научной продуктивности и педагогического труда, повышения рейтингов высших учебных заведений, органы управления образовательными и научными системами большинства развитых стран реформировали академические контракты с позиции «парадигмы конкуренции»: контракты всё чаще становятся временными, стимулирующая часть зависит от всё возрастающего количества условий, а карьерные перспективы оказываются для большинства всё более туманными.

Аналогичные реформы в виде внедрения т.н. «эффективного контракта», явного или латентного (через изменение условий прохождения конкурса на замещение должности) перехода к преимущественно срочным трудовым договорам проводятся и в России. Правомерны ли термины «прекаризация» и «неустойчивость»¹ в отноше-

¹ Изменения в характере занятости находят отражение во множестве частных и обобщающих дефиниций, последние становятся предметом научных дискуссий. Так, например, в представленном в [1] обзоре со ссылкой на [2] указывается, что под неустойчивой занятостью «понимаются неопределённость условий труда, слабая защищённость от прекращения трудовых отношений, отсутствие или затруднённый доступ к механизмам социальной защиты, отсутствие или ограничение прав на рабочем месте». Полагая такую трактовку «достаточно расширительной», авторы [1] указывают на то, что «возможен ещё один подход, который ... связан с понятием «прекарная занятость»», которую они определяют как «специфический вид трудовой деятельности в условиях неопределённости социально-экономического положения работника, выражающийся в полной или частичной неоформленности трудовых отношений, в нестабильной оплате труда, в отсутствии полностью или частично социаль-

нии занятости научно-педагогических кадров, как то утверждают критики подобных реформ?

Академические профессии, будь то научные сотрудники или преподаватели вузов, часто относят к ряду традиционных профессий. Утверждения о неустойчивости условий их труда, как и тезисы о прекаризации, вызывают определённую критику в части преждевременности и избыточности подобных оценок [3, 4]. Однако публикуется всё больше результатов эмпирических исследований и анализа вторичных данных, свидетельствующих о неустойчивости занятости в этом секторе рынка труда [5, 6, 7, 8, 9].

С целью внести вклад в эту дискуссию обратимся к имеющимся общепризнанным критериям неустойчивости занятости и попытаемся оценить степень соответствия им условий труда научно-педагогических кадров. Таким образом, объектом исследования выступает характер занятости работников науки и высшей школы, а его целью – выявление признаков и оценка выраженности неустойчивости занятости этой профессиональной группы. Гипотеза состоит в том, что существенная часть общих признаков и форм неустойчивости занятости реализуется в сфере науки и высшего образования, что позволяет судить о ней как о неустойчивой и прекарной.

Методология исследования²

Анализируемая эмпирическая основа – проведённое авторами двухэтапное полевое социологическое исследование, качественное и количественное. Первый – разведывательный – этап включал сбор и анализ качественного материальных гарантий и в неустойчивости жизненных ориентаций и неуверенности в своём будущем». Сравнение этих определений приводит к выводу о том, что выбор той или иной дефиниции или, напротив, их отождествление (как это делают авторы [2]) обусловлены исследовательскими задачами, требующими или не требующими различия «нюансов». В рамках настоящей статьи эти понятия используются как синонимичные (в отдельных случаях одновременно используются оба термина – с целью дополнительной акцентуации на негативных, не имевших ранее отношения к этой группе работников аспектах занятости, поскольку «прекарность» имеет более явную негативную коннотацию с движением в сторону зависимости, несправности и т.п.).

² Исследование «Факторы и последствия неустойчивой занятости научно-педагогических работников» проведено аспиранткой ИСЭПН ФНИСЦ РАН Н.С. Файман под научным руководством О.А. Александровой и представлено в виде научно-квалификационной работы осенью 2020 г.

ла на основе глубинных полуструктурированных интервью с работниками науки и высшего образования (N=30). Период исследования 2018–2019 гг. По его итогам исследовательские гипотезы и задачи были скорректированы, и на втором – количественном – этапе был проведен онлайн-опрос работников науки и высшей школы (N=650) в период с августа по октябрь 2020 г. Формирование выборочной совокупности, ввиду сопутствующих исследованию пандемических обстоятельств, происходило по методу невероятностной выборки, при этом выборка репрезентирует генеральную совокупность по половозрастному критерию, а также должностной структуре³. Изъяны выборочной совокупности были скомпенсированы статистическим «перевзвешиванием». Анкета включала 82 закрытых и открытых вопроса. Эмпирическим объектом исследования являлись работники как сферы науки, так и высшего образования. Учитывая, что работники могут быть заняты одновременно в этих двух областях, респондентов попросили самостоятельно определить их основное место работы, и на этом основании проводилась де-маркация между подгруппами.

Результаты исследования

Существует наиболее используемая классификация признаков неустойчивой занятости, разработанная в рамках Международной организации труда (МОТ) [10]. Однако подходы к изучению неустойчивости труда настолько многообразны, что это осложняет построение исследовательской рамки [11]. Командой учёных во главе с В.Н. Бобковым в 2016 году был проведён экспертный опрос среди исследователей прекариата и неустойчивости занятости с целью уточнения применимости этих критериев к российскому рынку труда и оценки значимости каждого из них [12]. Это стало основой для обобщённых критериев неустойчивости занятости.

Так, в отличие от методики МОТ, опрошенные эксперты не стали относить к искомым критериям дистанционную занятость, самозанятость и занятость в личном подсобном хозяйстве, при этом они отметили высокую значимость занятости по устной договорённости, в вынужденных условиях трудовых отношений, неформальную занятость, занятость в результате мошеннических действий, многосторонние отношения найма, а также фиктивную самозанятость и скрытые отношения найма. По срокам контракта к неустойчивым условиям были отнесены сезонный труд,

³ Образование в цифрах 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 2019. 96 с.

временная занятость, период испытательного срока, подённый труд и случайный труд.

Аналогично исследованию, проведенному под руководством В.Н. Бобкова, наша методика опроса базировалась на выявлении как осознаваемых, так и неосознаваемых признаков неустойчивости занятости. Последние важны тем, что дают ложное ощущение стабильности экономического положения индивида.

Ниже представлены данные, позволяющие оценить, насколько те или иные признаки неустойчивости присущи условиям труда российских учёных и преподавателей.

Сроки контракта

Занятость на условиях срочных трудовых договоров. В научно-педагогическом сегменте рынка труда распространены срочные трудовые контракты или вариативные условия конкурса на замещение должностей при формально бессрочном договоре.

В среднем, по двум типам организаций бессрочный трудовой договор заключен с 26,2% респондентов, при этом 29,6% имеют максимально возможный срок договора – 5 лет. Срочный трудовой договор, таким образом, стал наиболее распространённой формой закрепления трудовых отношений, при этом в вузах она встречается значительно чаще, чем в научных организациях (рисунок 1). Так, бессрочный трудовой договор имеют 51% опрошенных сотрудников научных учреждений и только 14,9% преподавателей вузов. Наиболее распространёнными трудовыми контрактами в вузах являются пятилетние и однолетние, частота их заключения 29,1% и 22% соответственно.

Позитивные оценки перехода на срочные трудовые контракты связаны, в основном, с их положительным влиянием на профессиональное развитие (мнение 21% респондентов в целом по выборке), и рост производительности труда (25%). Однако доминирующим среди научно-педагогических кадров является негативное восприятие срочных трудовых контрактов. Отмечается, что это снижает социальный престиж профессии («скорее, снижает» 27,4%, «снижает» 36,5%) и социальную защищённость работников (суммарно 90%).

Временная занятость. Временный труд научно-педагогических кадров можно отследить по данным, касающимся дополнительной занятости. Согласно данным опроса, проведённого авторами, в 26% случаев работа вне рамок основной занятости совершается на основе временных гражданско-правовых договоров.

Занятость в период испытательного срока как таковая в этом сегменте не существует, одна-

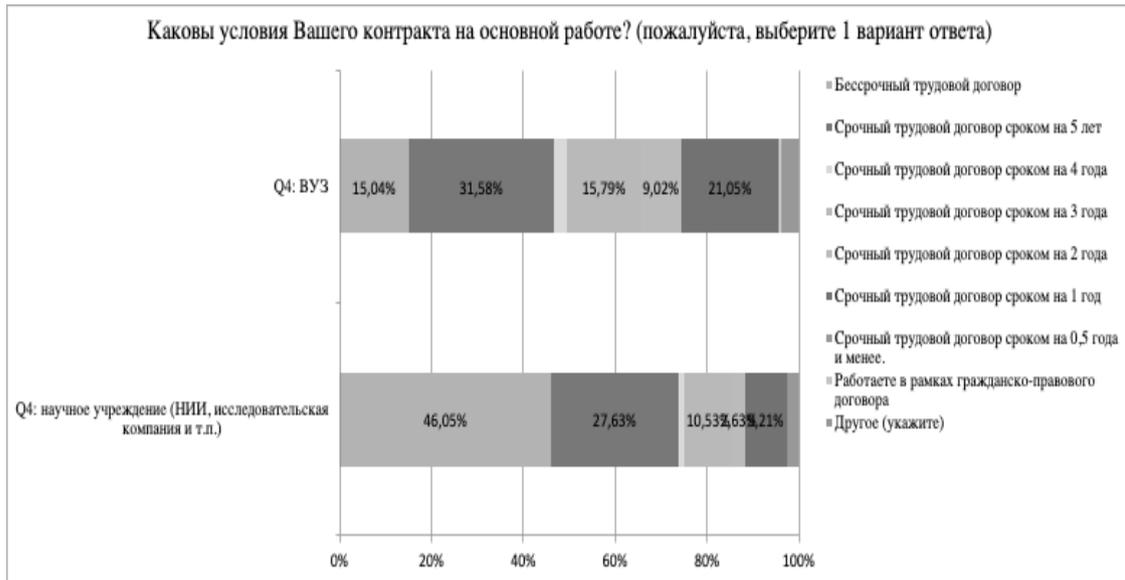

Рисунок 1. Сроки трудового договора на основной работе, % от числа опрошенных
 Figure 1. Terms of the Employment Contract at the Main Job, % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

ко респондентами отмечался в рамках ответов на открытые вопросы большой объём бесплатной работы, которую они делают для того, чтобы быть допущенными к каким-либо оплачиваемым формам труда.

Природа трудового взаимоотношения

Занятость на основе устной договорённости

Работа, отмечаемая респондентами как основная и, соответственно, имеющая в своей основе формальный трудовой договор, является единственной лишь у 13% научно-педагогических работников. В случае же дополнительных работ 23% представляют собой занятость на основе устной договорённости⁴.

Неформальная занятость и скрытые отношения найма

Учитывая деликатность вопроса о формальной стороне дополнительной занятости, поскольку она может быть связана с нелегитимными или неэтичными практиками, информация относительно

⁴ Как того требует методика МОТ, наличие признаков неустойчивости анализировалось применительно к основному месту работы. Дополнительная занятость, тем более множественная, реализуемая при весьма существенной нагрузке на основной работе, заметном нарушении баланса труда и отдыха, и мотивированная нехваткой дохода – один из признаков того, что основная работа находится в области неустойчивой занятости. Представленная здесь и ниже информация о природе трудовых отношений в сфере дополнительной занятости (распространённость гражданско-правовых договоров или вообще отсутствие формальных договоров) призвана показать определённую ненадежность того способа, который работники используют с целью компенсации неустойчивости занятости на основном месте работы.

вовлечённости респондентов в теньные отношения была получена косвенно – на основе анализа видов их дополнительной занятости (рисунок 2).

В неформальные практики, такие, как частное консультирование по написанию диссертаций, выпускных квалификационных работ и иных аттестационных трудов вовлечено суммарно чуть более 7% респондентов. Может быть связано с неформальным наймом и консультирование по коммерческим проектам (8% респондентов), так как оно не всегда предполагает наличие какого-либо формализованного контракта. Репетиторство, выводимое из теньной деятельности путём введения налога на профессиональный доход, по-прежнему остаётся одной из наиболее популярных и преимущественно неформальных практик (13% вовлечённых научно-педагогических кадров).

Полученные нами результаты корреспондируют с данными, представленными в публикациях, затрагивающих аспекты теньного академического предпринимательства, а также внедрения нелегитимных практик в академическую жизнь [13]. По мнению их авторов, практики теньного академического предпринимательства базируются на горизонтальных связях, знакомствах, доверительных отношениях и особой этике, которая негласно сформировалась и функционирует на базе сложившихся официальных правил, иными словами, продуцируется их «псевдоинституционализация».

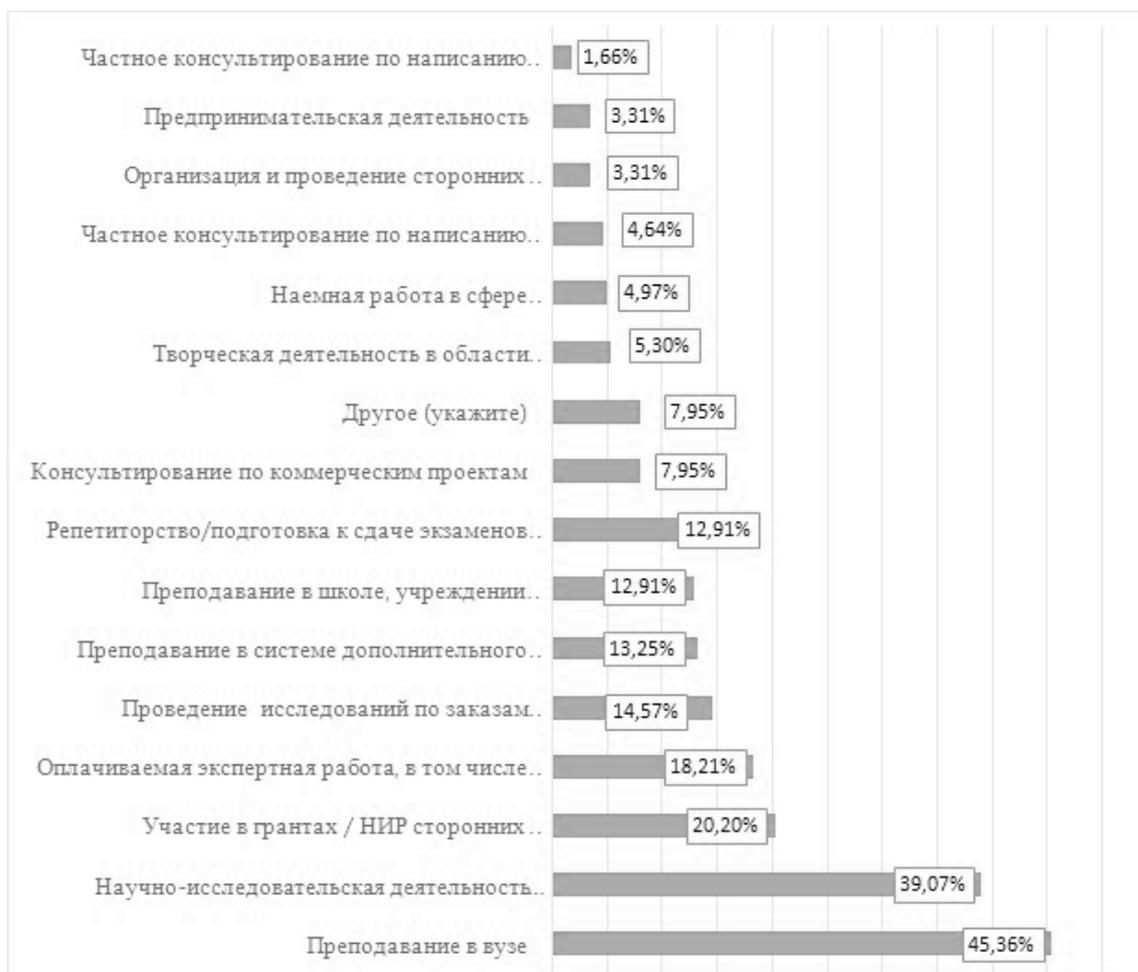

Рисунок 2. Виды дополнительной занятости у научных и педагогических работников, в % от числа опрошенных

Figure 2. Types of Additional Employment of Scientific and Pedagogical Workers, as a Percentage of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

Таким образом, теневое академическое предпринимательство выступает способом обхода всех правил – и стабилизирующих, и дестабилизирующих социально-трудовые отношения, и само по себе является как приспособительным механизмом, так и разрушительным по отношению к общим правилам научной этики.

Вынужденный характер трудовых отношений

Вынужденный характер трудовых отношений в сфере науки, как правило, не реализуется в явной форме. «Вынужденность» проявляется в контексте выявленного нами явления – «ловушке академического найма». Так, научные работники в возрасте до 35 лет отнесены к категории молодых учёных. Они дополнительно защищаются социально, в том числе от найма на часть ставки, а их труд дополнительно стимулируется. После 35

лет молодой учёный имеет достаточную квалификацию для работы в академической сфере, однако его опыт, связанный с занятиями узкопрофильными научными проблемами, не позволяет рассчитывать на серьёзные перспективы в сегментах рынка труда, не связанных с наукой. Повидимому, с этим связано то, что именно в этой и близкой к ней возрастных группах обнаруживается наибольшая неуверенность респондентов в продолжении своей академической карьеры, чаще присутствуют намерения покинуть сферу науки и образования. В то же время, в старших возрастных группах уже наблюдается большая неуверенность в своих возможностях успешно адаптироваться на рынке труда, сомнения в реализации вне академической сферы, а не только нежелание уходить из профессии (данные по выборке в целом представлены на рисунках 3 и 4).

Рисунок 3. Установки в отношении смены профессии и перехода в другие секторы рынка труда, % от числа опрошенных

Figure 3. Attitudes toward Changing Careers and Moving to other Sectors of the Labor Market, % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

Рисунок 4. Причины отказа от перехода в иные секторы экономики, не связанные с наукой / образованием, % от числа опрошенных

Figure 4. Reasons for not Going to Other Sectors of the Economy, not Related to Science / Education, % of the Number Of Respondents

Источник: авторское исследование.

На наш взгляд, это происходит из-за того, что в силу различных задач и характера деятельности, квалификация и компетенции, востребованные современным российским рынком труда, не требуются в академической сфере, и наоборот.

Подобное явление констатируется и немецкими исследователями [14], но возраст «точки невозврата» там чуть выше в силу особенностей как научно-образовательной системы Германии, так и социально-трудовых отношений. Квалификация и навыки академической сферы с трудом конвертируемы в иные секторы экономики, и после 40 лет этот переход оказывается очень затруднителен или даже невозможен. Соответственно, научно-педагогический работник вынужден мириться с прекарным характером трудовых взаимоотношений в академической сфере и искать возможности увеличить свой доход.

Занятость на условиях гражданско-правовых договоров

Данная характеристика прекарности трудовых отношений не является спецификой занятости научно-педагогических кадров применительно к их основной работе. Согласно результатам нашего исследования, занятых на подобной основе – не более 2 %.

Многосторонние отношения найма

В отношении этой специфики найма применительно к научно-педагогическим работникам наше исследование не располагает данными, однако нет информации по использованию в академической сфере «заемного» труда.

Фиктивная занятость

В академической сфере существует проблема фиктивной занятости в разных формах. Оценить её масштаб в ходе массового опроса нам не удалось, однако само наличие такой проблемы было выявлено в рамках проведённого ранее качественного социологического исследования методом интервью [15]. В частности, некоторые респонденты сообщали о наличии целых лабораторий, в которых сотрудники преклонного возраста, в основном, старше 80 лет, будучи уже не в состоянии заниматься активной научной деятельностью, имитируют её, перелицовывая отчеты предыдущих лет. Также фиктивная занятость может иметь и иные причины, например, связанные с совмещением участия в государственном или корпоративном управлении, необходимостью включения в исследовательскую группу экспертов определённого статуса и прочие.

Дистанционная занятость

Дистанционная занятость является неоднозначным критерием неустойчивости. Данный вид занятости предполагает физическое отсутствие работника на рабочем месте во время испол-

нения им своих трудовых обязанностей. Однако применительно к представителям творческих профессий, учёным, мыслительный процесс, творческий акт у которых не может прекращаться «по звонку» и, соответственно, работа традиционно продолжалась и по окончании формального рабочего дня, понятие рабочего места давно вышло за рамки классического представления о нём, ещё до появления программ «Zoom», «Skype», «Google-Meet», «Google-документы» и иных, позволяющих удалённо организовать командную или индивидуальную работу. И само по себе изменение локализации рабочего места – перенос его в домашние или какие-то иные условия не повлекло за собой расшатывания социально-трудовых гарантий и неустойчивость условий найма и перспектив сохранения работы.

Согласно данным нашего исследования, на настоящий момент работники науки и образования преимущественно не воспринимают дистанционную занятость как угрозу стабильности найма. Большинство из них разделяют технологический оптимизм: в целом по выборке 46 % респондентов полагают, что дистанционная занятость, скорее, расширит возможности для их занятости, и 24 % – существенно расширит. Надо отметить, что преподаватели в большей степени опасаются воздействия на их трудовое будущее дистанционного найма, нежели учёные (рисунок 5). Это может быть связано с ожиданием замены «живых» лекций записями, а также расширения профессиональной конкуренции за счёт привлечения для работы в дистанционном формате преподавателей из других регионов и из-за границы. Правы ли респонденты в своих опасениях, способны ли дистанционные формы, активное включение цифровых технологий в образовательный процесс и организацию труда учёных, привести к масштабной технологической безработице или более очевидной прекаризации, покажет время.

Самозанятость

Общее число самозанятых в 2022 году, по данным Федеральной налоговой службы, составило 5,4 млн человек, причём цифры говорят о серьёзной динамике роста их численности: на целых 40 % с начала года⁵. К видам занятий, с которых уплачивается налог на профессиональный доход, относятся также и имеющие отношение к творческим профессиям, нередко встречающимся в академической среде: репетиторы и т.д. В настоящий момент официальная статистика не позволяет оценить масштабы совмещения самозанятости с академической карьерой, а также замены академической карьеры самозанятостью и т.п. Одна-

⁵ Количество самозанятых с начала года выросло на 40 % до 5,4 млн // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/russia/855499> (дата обращения: 20.08.2022).

Рисунок 5. Представления о влиянии цифровых технологий на стабильность занятости, % от числа опрошенных

Figure 5. Perceptions of the impact of digital technology on employment stability, % of the number of respondents

Источник: авторское исследование.

ко можно предположить, что ввиду отмеченной респондентами потребности в дополнительных доходах и большей диверсификации финансовых и карьерных рисков, а также в самореализации, преподаватели и научные сотрудники находятся в общем тренде и регистрируются как самозанятые или же являются де-факто таковыми, реализуя свою деятельность без регистрации.

Самозанятость актуализирует проблему скрытых форм найма. Дело в том, что налог на профессиональный доход существенно ниже, чем сумма налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и обязательных отчислений в государственные внебюджетные фонды (Пенсионный и т.д.), и потому работодатели могут прибегать к сокрытию реальных отношений найма через данный налоговый режим, хотя это прямо запрещается законом. Именно скрытые отношения найма являются самостоятельной формой нестабильности найма наряду с самозанятостью. В условиях, когда динамика роста численности самозанятых существенная, у работодателей есть явные экономические стимулы «просить» работников перейти в другой статус занятости, а специфика труда в сфере научных исследований такова, что подобный «переход» может выглядеть вполне естественным, можно предположить, что среди тех, кто обеспечивает рост самозанятых, есть и столкнувшиеся с подобной ситуацией учёные.

Недостаточность и неустойчивость заработка

Недостаточность заработка. На то, что труд учёного и преподавателя обеспечивает недоста-

точный для нормальной жизни доход, указывают два обнаружившихся в ходе исследования факта. Во-первых, выяснилось, что лишь четверть опрошенных довольны своим материальным положением (23 % полагает себя «вполне обеспеченными, имеющими всё необходимое для достойной жизни», ещё 2 % живут в полном достатке и вообще не ограничены в средствах). В то же время, почти половина респондентов, хотя и справляется с текущими расходами, тем не менее ощущает себя не вполне обеспеченными; ещё каждый пятый, хотя и не бедствует, но уже не может оплачивать всё, что необходимо, 6 % «едва сводят концы с концами» и ещё 1 % «живут практически в нищете». Во-вторых, опрос показал, что массово реализуемую дополнительную занятость (43 % респондентов постоянно имеют одну или несколько дополнительных работ, каждый пятый подрабатывает время от времени и ещё столько же сочетают постоянную дополнительную занятость и временные приработки), да ещё и не на одной работе (треть респондентов имеет 2 дополнительные работы, каждый пятый – 3), респонденты объясняют, прежде всего, недостаточностью дохода на основной работе.

Неустойчивость заработка. Одним из признаков прекарности труда является нестабильность дохода, не позволяющая работнику поддерживать образ и стиль жизни, считающиеся стандартными для данной социально-профессиональной группы [16]. Но для самооощения важен и уровень жизни относительно других

профессиональных групп аналогичной квалификации. Очевидно, что научно-педагогические работники могут сопоставлять уровень своих доходов с доходами в иных секторах экономики. Недостаточность оплаты труда, отмечаемая респондентами наиболее часто, выражается в крайне низких, по сравнению с наблюдаемыми на рынке труда в целом, зарплатных ожиданиях. Именно отклонение от средних по рынку зарплат и неустойчивость условий оплаты труда является одним из характерных признаков прекаризации.

Научные сотрудники и преподаватели высшей школы, как правило, склонны сравнивать свои доходы и их динамику не со статистическими средними по стране, а с доходами наиболее успешной и образованной части населения, которыми, по существу, они имели бы все шансы являться или являются. По данным HR-компании «Антал», конкуренция за работника во внеакадемических сегментах несопоставима: 81% работников российских и иностранных компаний Москвы и Санкт-Петербурга отметили, что им поступало за последний год одно и более предложение о трудоустройстве. При этом смена места работы часто выступает методом карьерного роста (45% респондентов отметили расширение сферы ответственности как доминирующий мотив), средством повышения заработной платы (44%). За исследуемый 2018 год был выявлен рост заработной платы у подавляющего большинства работников, причём лишь около трети отметили незначительный рост в диапазоне от 1% до 5%, рост доходов на 6–10% – у 32%, на 11–20% – у 20% работников, и на более чем 20% – также около 20%⁶.

Практически в этот же период лишь у 60% опрошенных нами преподавателей вузов и сотрудников учреждений науки доходы выросли, однако у 40% – сократились или остались неизменными (рисунок 6), что существенно отличает картину в секторе науки и в высшей школе от других отраслей экономики. При этом более заметный рост заработных плат наблюдался в научных учреждениях. В то же время, надо иметь в виду очень низкую базу, с которой в образовании и науке шёл рост зарплат. Заметим, что данные других исследований также выявляют нисходящую динамику реальных зарплат вузовских преподавателей и научных сотрудников. Так, реальная заработная плата сократилась в среднем с 38 тыс. руб. в 2013 году до 32 тыс. руб. в 2017 году⁷.

⁶ Исследование рынка труда и обзор заработных плат. Россия, 2018 // Антал. URL: https://antalrussia.ru/upload/medialibrary/d54/antal_issledovanie-rynka-truda-i-obzor-zarplat-2018_rus_2.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

⁷ Мониторинг экономики образования, 2017 // НИУ-ВШЭ. URL: <https://memo.hse.ru/ind2017> (дата обращения: 10.05.2021).

Сопоставим оплату труда работников в сфере науки и высшего образования и в иных секторах экономики, где используется высококвалифицированный труд. Даже в такой сфере, как продажи, заработная плата специалиста в области цифрового маркетинга колеблется в пределах от 90 до 130 тыс. руб., менеджера – в пределах 125–200 тыс. руб., директора по маркетингу – от 350 тыс. руб. (среднее минимальное значение) до 750 тыс. руб. (среднее максимальное значение). Анализ уровня заработных плат в других секторах, например, IT, реклама, логистика, консалтинг, говорит об аналогичных или более высоких значениях. И только в сфере производства и сельского хозяйства заработные платы менеджмента среднего звена варьируют между средними минимальными на уровне 70 тыс. руб. и средними максимальными порядка 130 тыс. руб. Обращаясь же к уровню оплаты труда опрошенных нами работников сферы науки и образования, можно заметить, что лишь у 17% размер зарплаты на основной работе выше 100 тыс. руб. Получаемые на основной работе доходы находятся преимущественно в интервале от 25 до 50 тыс. руб. (30% респондентов) и от 50 до 100 тыс. руб. (32%). На уровне чуть выше прожиточного минимума трудоспособного населения (15–25 тыс. рублей) доход от основной работы получает 17% научно-педагогических работников.

Сравним полученные данные с ориентирами, установленными в Указе Президента России № 597 от 7 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», предусматривавшем повышение уровня оплаты труда научных сотрудников до 200% от средней заработной платы по региону. Согласно данным Росстата, в 2018 году это соответствовало 100,1 тыс. руб., что явно выше размера зарплаты основной массы опрошенных нами респондентов. При этом попытка выполнить поставленную в «майских указах» задачу в условиях недостаточного бюджетного финансирования нередко приводила к сокращению штатной численности организаций: так, общая численность ставок в научных учреждениях сократилась на 8,3%, наиболее масштабные сокращения произошли в Пензенской области (на 43%), Республике Алтай (на 46%) и Камчатском крае (64%).

Согласно данным отчёта «О результатах деятельности ФГБУ «Российская академия наук» и об использовании закрепленного за ним федерального имущества», за 2019 год средняя заработная плата сотрудников институтов, ранее подведомственных РАН, составляет 93653 руб., основного персонала (исследователи) – 107806 руб., административно-управленческого персонала 550657 руб. Причины расхождения данных

Рисунок 6. Динамика изменения доходов на основном месте работы у сотрудников научных учреждений и преподавателей вузов в 2017–2020 гг., % от числа опрошенных

Figure 6. Dynamics of Change in Income at the Main Place of Work Among Employees of Scientific Institutions and University Professors in 2017-2020, % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

опроса и официальной статистики, судя по информации, полученной нами в рамках экспертного опроса и из публикаций в изданиях научного сообщества, имеют бюрократическую природу с её традицией подгонки показателей под заданный результат (так, в качестве приема, позволяющего учреждениям выйти на нужный размер средней заработной платы, применяется формальный перевод сотрудников на часть ставки). Таким образом, по отношению к рыночному сегменту, в зарплатном и карьерном отношении академическая профессия не может предложить наилучших перспектив.

Нестабильность размера заработка. Неустойчивость условий труда научно-педагогических работников выражается и в нестабильности размера оплаты труда, связанной с высокой долей вариабельной стимулирующей части (рисунок 7). Среднее значение распределения ответов на вопрос «Какую приблизительно долю (в %) в зарплате на Вашей основной работе составляет постоянный гарантированный оклад (без учёта стимулирующих надбавок, премий и т.п.)?» составило 51 %, медиана – 50 %, мода – 30 % при стандартном отклонении 27,3, что говорит как о заметной доле зарплаты, приходящейся на нестабильные по размеру стимулирующие выплаты, так и о высокой вариации полученных данных.

При этом система распределения стимулирующих выплат оценивается респондентами неоднозначно (рисунок 8). Больше всего нареканий

вызывает непрозрачность назначения надбавок, а, следовательно, у заметной части научно-педагогических работников имеются сомнения в справедливости этой процедуры. Сами правила назначения надбавок более-менее понятны 60 % респондентов, что представляется не вполне достаточным применительно к столь чувствительному вопросу как выраженная в денежной форме оценка трудового вклада. То же касается и явно недостаточной доли респондентов, уверенных в строгом соблюдении правил назначения надбавок.

Низкий уровень уверенности в сохранении занятости

Уровень опасений относительно потери работы или стабильности её условий у научно-педагогических работников довольно высокий. Среднее значение распределения ответов на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что сможете сохранить свое основное место работы в перспективе ближайших 5 лет?», в рамках которого респондентам предлагалась десятибалльная шкала, составило 5,9 балла. При этом средневзвешенное значение уверенности в стабильности основного места работы у преподавателей вузов – 5,4, в то время как у работников научных организаций – 7,1. С учётом того, что показатели стремления уйти из научно-образовательной сферы и уверенности в успехе в иной сфере деятельности сравнительно низки, опасения потери работы у научно-педагогических кадров существенно выше, чем у работников иных секторов рынка труда.

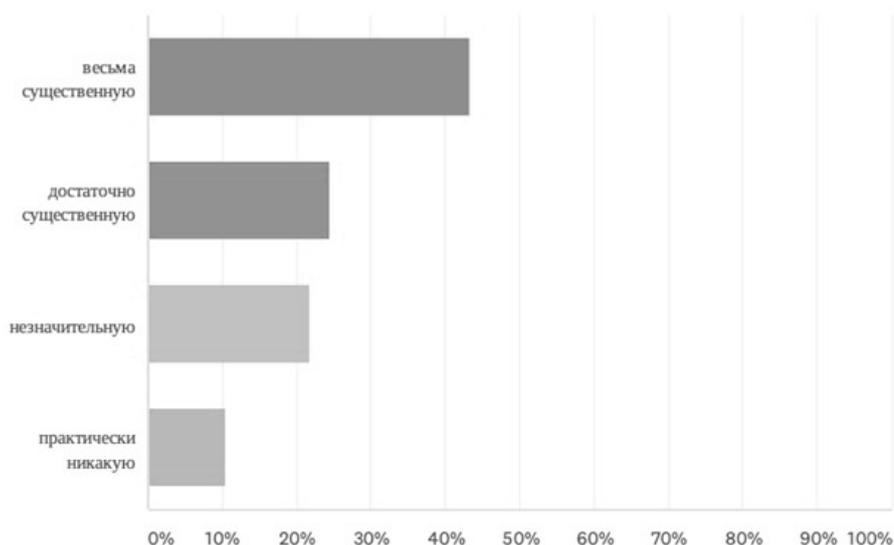

Рисунок 7. Роль стимулирующих выплат в доходе на основной работе, в % от числа опрошенных
 Figure 7. The Role of Incentive Payments in Income at the Main Job, as % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

Рисунок 8. Представления респондентов о прозрачности, понятности и соблюдении правил назначения стимулирующих выплат, в % от числа опрошенных

Figure 8. Respondents' Perceptions of Transparency, Clarity, and Compliance with the Rules for Assigning Incentive Payments, as a Percentage of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

Перспективы сохранения рабочего места абсолютным большинством респондентов увязываются, прежде всего, со стабильностью деятельности организации, что, по-видимому, связано с недавней волной «оптимизации» сети образовательных и научных учреждений (рисунок 9). Более 70 % опрошенных указали на «очень серьёзное» или «весьма серьёзное» влияние индивидуальных показателей публикационной активности. Примечательно, что этот фактор опередил такой, казалось бы, очевидный фактор стабильности рабочего места как качество выполнения своей непосредственной работы (серьёзное влияние этого фактора отметила лишь пятая часть опрошенных, ещё порядка 40 % оценили его влияние как весьма серьёзное). Последним по важности фактором оказалось наличие непосредственного продукта научной деятельности – зарегистрированных результатов интеллектуальной деятельности (РИДов), патентов и т.п., что говорит как об отсутствии традиции подобной фиксации результатов научной деятельности (прежде всего, РИДов), так

и о первоочерёдности корпоративно-сохранительного мотива в целом.

В среднем большинство научно-педагогических работников уверены в стабильности сроков своих трудовых договоров при следующем продлении. Однако среди обладателей срочных трудовых договоров наиболее уверены в лучших условиях продления контрактов сотрудники научных учреждений (рисунок 10).

Снижение социальной защищённости

Хотя большая часть опрошенных в ходе нашего исследования научно-педагогических работников рассчитывают на сохранение своего рабочего места в ближайшие 5 лет и прогнозируют продление контрактов, тем не менее они однозначно увязывают переход к преимущественно срочным трудовым договорам со снижением социальной защищённости представителей своей социально-профессиональной группы: лишь менее 10 % респондентов выбрали вариант ответа «не снижает». Подобные оценки могут свидетельствовать не только об актуальной ситуации, но и о

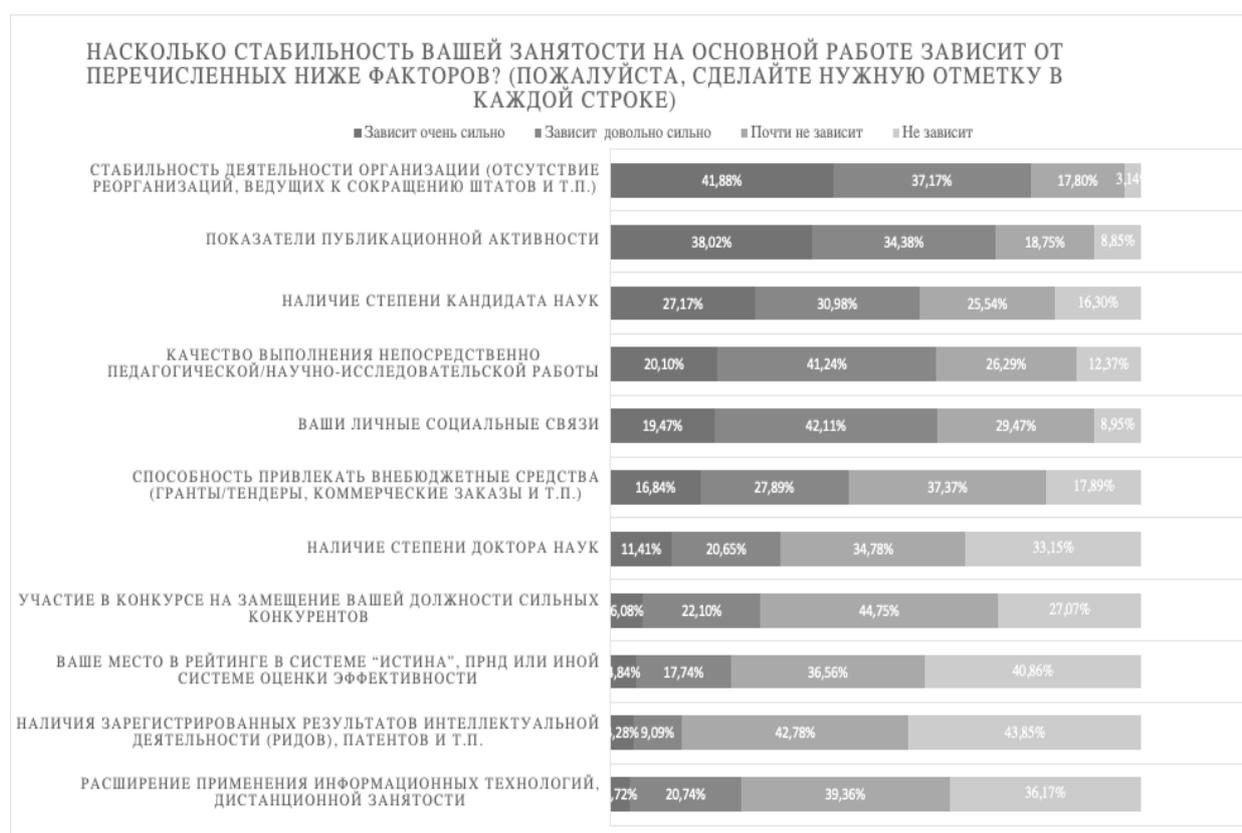

Рисунок 9. Представления о ключевых факторах стабильности занятости на основной работе, в % от числа опрошенных

Figure 9. Perceptions of the Key Factors of Employment Stability in the Main Job, as a Percentage of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

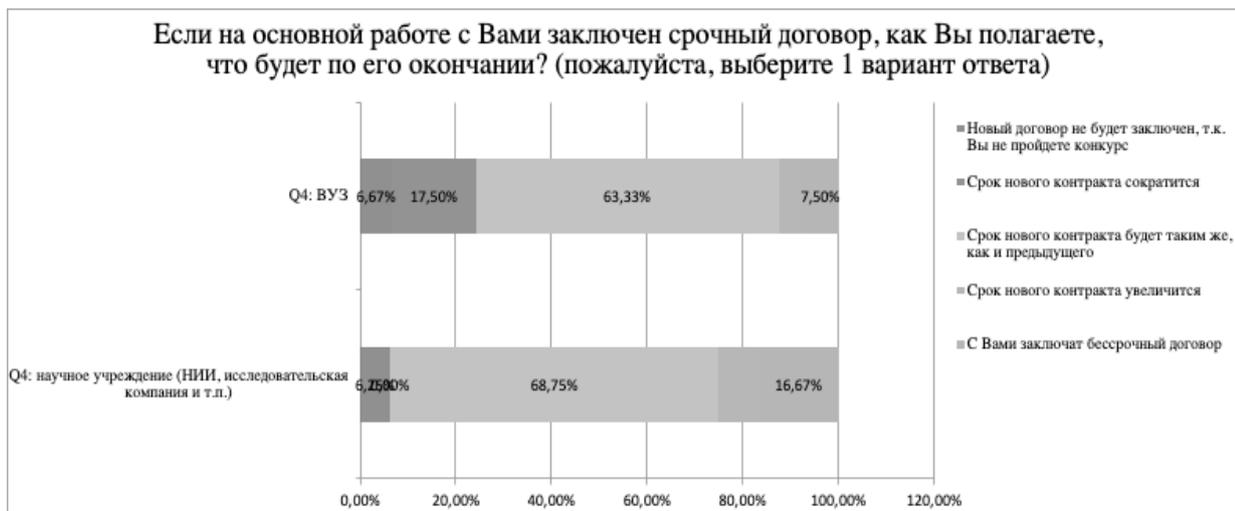

Рисунок 10. Представления респондентов о перспективах продления с ними срочных договоров, % от числа опрошенных

Figure 10. Respondents' Perceptions of the Prospects of Extending Fixed-Term Contracts with Them, % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

тревоге за будущее, в том числе пенсионное обеспечение. Отметим, что представление о том, что ограниченность трудовых отношений во времени без гарантий их продления ведёт к снижению социальной защищённости (а также и к снижению престижа профессии), у большинства респондентов не компенсируется предположением о позитивном влиянии таких перемен на профессиональное развитие и производительность труда (рисунок 11).

Важно заметить, что аналогичные результаты были получены и в Германии. Немецкие исследователи оценили влияние введения – в контексте глобального тренда прекаризации труда – временных трудовых контрактов в сфере науки и образования на трудовые отношения и производительность труда научных сотрудников [14]. По мнению исследователей, победа догмы о постоянной конкуренции за рабочее место как стимуле научной продуктивности негативно сказывается как на карьерных перспективах самих учёных, так и на долгосрочном планировании научных организаций, возможности нанимать персонал и привлекать новых талантливых аспирантов. Ситуация, в которой научно-педагогический работник остаётся один на один с присущими временному трудоустройству рисками, приводит к повышенной тревожности, депрессиям, переутомлению, а в конечном итоге – к снижению эффективности научной деятельности.

Аналогичные проблемы, ведущие к ускоренному профессиональному выгоранию и снижению

качества труда учёных и преподавателей, обнаружены и в ходе нашего исследования: занятость на нескольких работах (в первую очередь, ради заработка, но также и в качестве подстраховки от связанных со срочными контрактами неожиданностей) приводит к тому, что три четверти научно-педагогических работников постоянно перерабатывают (делают работу по вечерам, в выходные, во время отпуска) и, как следствие, многие из них недосыпают, жертвуют семейными обязанностями, а также вынуждены более формально, менее творчески относиться к своей работе [17].

Исследователи из Германии также подтверждают, что после 40 лет переход учёных из научной сферы во внеакадемическую затруднён: с одной стороны, они слишком квалифицированы для более простых профессий, а с другой – у них нет востребованных рынком компетенций для занятости, не имеющей отношения к науке. Обращается также внимание на то, что срочные контракты, призванные, как предполагается, ограничить в научной среде явления nepoтизма и стимулировать конкуренцию, негативно влияют на процесс формирования научных коллективов и исследовательских команд; обесмысливают трудовые усилия в качестве трудовых инвестиций, поскольку это не обеспечивает стабильности занятости. «Постоянный испытательный срок» в форме срочного контракта создает прямую зависимость научного работника от начальства и снижает степень академических свобод. Нередко учёные между временными контрактами вынуж-

Рисунок 11. Представления научно-педагогических работников о влиянии перехода на преимущественно срочные трудовые договора, % от числа опрошенных

Figure 11. Perceptions of Teaching Staff about the Impact of the Transition to Predominantly Fixed-Term Employment Contracts, % of the Number of Respondents

Источник: авторское исследование.

дены получать пособие по безработице, что напрямую уравнивает академическую профессию и прекариат.

Заключение

Сопоставление общих критериев неустойчивости занятости с выявленными эмпирическими проявлениями неустойчивости говорит о том, что по большинству исследуемых критериев научно-педагогический сектор рынка труда характеризуется нестабильностью: непредсказуемостью и нестабильностью размера дохода, сроков и условий контракта, том числе их временным характером, отсутствием уверенности в стабильности найма в будущем, наличием неформальных форм самозанятости, занятости на основе устной договорённости, большим объёмом вовлечения в дополнительную занятость, слабой социальной защищённостью работников и т.д.

Подобная ситуация создает риски физического и морально-психологического истощения

научно-педагогических кадров и, как следствие, снижение продуктивности и творческого начала в их работе. Кроме того, складывающиеся условия труда не способствуют привлечению в эту важнейшую сферу молодых кадров, напротив, ведут к оттоку из неё части работников. Полученные результаты делают необходимыми дальнейшие исследования с целью выработки оптимальных рекомендаций, в числе которых может быть построение более устойчивых моделей найма научно-педагогических кадров, унификации системы учёта и поощрения их научных и карьерных достижений для формирования более предсказуемых и защищённых условий труда, повышения качества занятости данной социально-профессиональной группы. При этом, как представляется, наибольшая трудность будет связана с нахождением оптимума между созданием конкурентной среды и стимулированием достижений, и обеспечением системы научно-образовательного кадрового воспроизводства.

Список литературы

1. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир». 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6
2. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / К. Абрахам, О.А. Александрова, М.В. Антонов [и др.]. М.: РеалПринт. 2017. 560 с. ISBN 978-5-9908607-3-5, EDN ZTYRPL
3. Волкова Г.Л. Характер занятости научных кадров высшей квалификации // Наука, технологии, инновации: экспресс-информация. 2019. № 135. С. 1–2. EDN DCMGHB
4. Воробьева И.В. Российские учёные в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 131–142. DOI 10.22394/2304-3369-2021-1-131-142, EDN LEDDAS
5. Долженко Р.А., Лобова С.В. Взаимосвязь прекаризации занятости и трудовой мобильности научно-педагогических работников региональных вузов: постановка проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 2 (114). С. 83–96. DOI 10.15826/umpra.2018.02.019, EDN XOTLTF
6. Камарова Т.А. «Цифровая прекаризация» научно-педагогических работников в условиях социально-экономической турбулентности // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 72–83. DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(3).72-83, EDN WCZLKY
7. Латына Т.А. Нестандартная занятость научно-педагогических работников российских ВУЗОВ // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 4. С. 75–81. DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(4).75-81, EDN UXPNAS
8. Черных Н.В. Элементы неустойчивой занятости в труде научных и педагогических работников // LexRussica (Русский закон). 2021. № 10(179). С. 36–46. DOI 10.17803/1729-5920.2021.179.10.036-046, EDN UDEBJC
9. Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Теневое академическое предпринимательство в России: анализ трудовых практик и жизненных стратегий // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 5. С. 79–85. DOI 10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85, EDN QPNSDE
10. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO, 2012. ISBN 978-92-2-126223-7; 978-92-2-126224-4 (web pdf).
11. Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 103–113. URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250009618-2-1> (дата обращения: 07.07.2022). DOI 10.31857/S013216250009618-2, EDN JMTEMJ
12. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учётом особенностей российского рынка труда / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, Н.В. Локтюхина, М. Риччери // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 672–683. DOI 10.17059/2017-3-3, EDN ZHOARV
13. Лукьянова А.Л. Самозанятость, вторичная занятость и неравенство трудовых доходов в России (2000–2014 гг.) // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 1. С. 101–124. DOI 10.17323/1726-3247-2022-1-101-124, EDN TAVDNG
14. Bahr A, Eichhorn K., Kubon S. # IchBinHanna: Prekäre Wissenschaft in Deutschland. Verlag: Suhrkamp. 2022, 144 p. ISBN 978-3-518-02975-6
15. Темнова Л.В., Файман Н.С. Профессиональные деформации в социологических профессиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 7–19. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-1-7-19, EDN YXENQD
16. Шкартан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // СОЦИС. 2015. № 12 (380). С. 99–110. EDN VGMFUZ
17. Александрова О.А., Файман Н.С. Неустойчивая занятость работников науки и образования: масштабы, причины, последствия // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 66–74. DOI 10.37930/1990-9780-2022-1-71-66-74, EDN VKEFDS

Информация об авторах:

Александрова Ольга Аркадьевна – д. э. н., заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Россия, Москва; профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва (E-mail: a762rab@mail.ru), (Author ID: 257224), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>), (Researcher ID: B-1306-2017).

Файман Наталия Сергеевна – соискатель, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (E-mail: nsfaiman@gmail.com), (elibrary Author ID: 48140032), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1354-0431>), (ResearcherID: GQB-4686-2022).

Заявленный вклад авторов:

Александрова О.А. – концепция и дизайн исследования, редактирование текста статьи.

Файман Н.С. – концепция и дизайн исследования, сбор и обработка данных, подготовка текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку, – Ольга Аркадьевна Александрова

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 27.01.2023.

References

1. Toshchenko J.T. (ed). Precarious employment: origins, criteria, features. Moscow: Publishing house "Ves Mir"; 2021:400. ISBN 978-5-7777-0852-6 (In Russ.)
2. Abraham K., Aleksandrova O.A., Antonov M.V. et al. Employment instability: international and Russian contexts. Moscow: Publishing house RealPrint; 2017:560. ISBN 978-5-9908607-3-5, EDN ZTYPL (In Russ.)
3. Volkova G.L. The nature of the employment of highly qualified scientific personnel. Nauka, Tehnologii, Innovacii: Jekpress-informacija. 2019;(135):1-2. EDN DCMGHB (In Russ.)
4. Vorobieva I.V. Russian scientists in conditions of precarious employment. Voprosy Upravlenija = Management Issues. 2021;(1):131-142. DOI 10.22394/2304-3369-2021-1-131-142, EDN LEDDAS (In Russ.)
5. Dolzhenko R.A., Lobova S.V. Relationship between precarization of employment and labor mobility of scientific and pedagogical workers of regional universities: problem statement. Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz = University Management: Practice and Analysis. 2018;2(114):83-96. DOI 10.15826/umpa.2018.02.019, EDN XOTLTF (In Russ.)
6. Kamarova T.A. "Digital precarization" of scientific and pedagogical workers in the conditions of socio-economic turbulence. Vestnik OmGU. Serija: Jekonomika = Herald of Omsk University. Series "Economics". 2020;(3):72-83. DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(3).72-83, EDN WCZLKY (In Russ.)
7. Lapina T.A. Non-standard employment of scientific and pedagogical workers of Russian universities. Vestnik OmGU. Serija: Jekonomika = Herald of Omsk University. Series "Economics". 2020;(4):75-81. DOI 10.24147/1812-3988.2020.18(4).75-81, EDN UXPNAS (In Russ.)
8. Chernykh N.V. Elements of unstable employment in the work of scientific and pedagogical workers. LexRussica (Russkij zakon) = LexRussica. 2021;(10):36-46. DOI 10.17803/1729-5920.2021.179.10.036-046, EDN UDEBJC (In Russ.)
9. Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. Shadow academic entrepreneurship in Russia: an analysis of labor practices and life strategies. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2020;(5):79-85. DOI 10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85, EDN QPNSDE (In Russ.)
10. From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. - Geneva: ILO, 2012. ISBN 978-92-2-126223-7; 978-92-2-126224-4 (web pdf).
11. Popov A.V., Soloveva T.S. Employment Precarization: Discussion on the Essence and Ways of Measuring. Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2020. Available from: <http://ras.jes.su/socis/s013216250009618-2-1>. DOI 10.31857/S013216250009618-2, EDN JMTEMJ (In Russ.)
12. Bobkov V.N., Kvachev V.G., Loktyukhina N.V. et al. Criteria, probability and degree of employment instability, taking into account the peculiarities of the Russian labor market. Jekonomika Regiona = Economy of Regions. 2017;13(5):672-683. DOI 10.17059/2017-3-3, EDN ZHOARV (In Russ.)
13. Lukyanova A.L. Self-employment, secondary employment and labor income inequality in Russia (2000-2014). Jekonomicheskaja Sociologija = Economic Sociology. 2022;(2):101-124. DOI 10.17323/1726-3247-2022-1-101-124 (In Russ.)
14. Bahr A., Eichhorn K., Kubon S. # IchBinHanna. Prekäre Wissenschaft in Deutschland. Verlag: Suhrkamp; 2022:144. ISBN 978-3-518-02975-6.
15. Temnova L.V., Faiman N.S. Professional deformations in socio-economic professions. Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Serija: Sociologija. = RUDN Journal of Sociology. 2019;19(1):7-19. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-1-7-19, EDN YXEHQD (In Russ.)
16. Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. Precariat: theory and empirical analysis (based on polls in Russia, 1994-2013). Moscow: Publishing house SOCIS. 2015;(12):99-110. EDN VGFMFUZ (In Russ.)
17. Aleksandrova O.A., Faiman N.S. Precarious employment of science and education workers: scale, causes, consequences. Jekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia. 2022;(1):66-74. DOI 10.37930/1990-9780-2022-1-71-66-74, EDN VKEFDS (In Russ.)

Information about the authors:

Olga A. Aleksandrova – Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Science, Russia, Moscow; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

(E-mail: a762rab@mail.ru), (Author ID: 257224), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>), (ResearcherID: B-1306-2017).

Nataliia S. Faiman – applicant for an academic degree, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Scientific Sociological Center of the Russian Academy of Science, Russia, Moscow

(E-mail: nsfaiman@gmail.com), (Author ID: 48140032), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1354-0431>), (ResearcherID: GQB-4686-2022).

Authors' declared contribution:

Aleksandrova O. A. – concept and design of the study, editing the text of the article;

Faiman N. S. – concept and design of the study, data collection and processing, preparation of the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Olga A. Aleksandrova.

The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 27.01.2023.

Научная статья
УДК 331.2+338.001.36, 332.14
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_7_86_98
EDN: [PUYTPK](#)

Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 1)

Арсений Леонидович Синица

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (sinitsa@econ.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>)

Аннотация

События прошлого года показали всю важность и правильность курса на развитие системы подготовки кадров в рамках развития всех уровней отечественной системы образования. Дополнительное образование, которое не является обязательным, играет особую роль в её структуре, потому что позволяет более полно раскрыть потенциал ребёнка и сделать его развитие более гармоничным. На основе данных Росстата мы показываем, что заработная плата педагогических работников продолжает оставаться достаточно низкой. В фокусе нашего внимания находятся педагоги дополнительного образования, которые работают в образовательных организациях в муниципальной собственности, являющихся основой системы дополнительного образования. Указы Президента РФ, принятые в 2012 г., позволили поднять оплату труда в дополнительном образовании, но заработная плата педагогов продолжает оставаться значительно ниже средней по региону заработной платы и данная проблема далека от решения. При этом наблюдаются значительные межрегиональные различия, которые вызваны в первую очередь экономическими причинами. В более экономически развитых регионах или в регионах со специализацией на добыче углеводородов положение педагогических работников лучше. В аграрных регионах со слабой обрабатывающей промышленностью заработная плата педагогических работников ниже. Планы по модернизации дополнительного образования и повышения его вклада в социально-экономическое развитие страны в настоящий момент находятся под угрозой из-за достаточно низкой оплаты труда педагогов, что не соответствует общественной значимости их труда и при наличии политической воли может быть устранено в разумные сроки.

Ключевые слова: система образования, дополнительное образование, заработная плата, педагогические работники, регионы России, экономическая специализация региона, региональная политика

Для цитирования: Синица А.Л. Межрегиональная дифференциация оплаты труда педагогических работников дополнительного образования (часть 1) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 86–98. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_7_86_98

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_7_86_98
EDN: [PUYTPK](#)

Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 1)

Arsenii L. Sinitsa

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, sinitsa@econ.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>

Abstract

The events of the last year have shown the importance and correctness of the course for the development of the training system in the development of all levels of the national education system. Extracurricular education, which is not compulsory, plays a special role in its structure, because it allows you to more fully reveal the potential of the child and make his development more harmonious. On the basis of Rosstat data we show that educators' salaries continue to be rather low. The focus of our attention is on educators of extracurricular education who work in municipal educational institutions. These institutions are the backbone of the extracurricular education system. The Presidential decrees of 2012 made it possible to raise salaries in extracurricular education, but educators' salaries continue to be well below the regional average and the problem is far from being resolved. At the same time, there are significant inter-regional differences, which are caused primarily by economic reasons. In the more economically developed regions or in the regions with specialization in hydrocarbon extraction the state of educators is better. In agrarian regions with weak manufacturing industry, their salaries are lower. Plans to modernize extracurricular education and increase its contribution to the socio-economic development of the country are currently threatened by the rather low pay of educators, which does not correspond to the social importance of their work and can be eliminated in a reasonable time if the political will is present.

Keywords: education system, extracurricular education, salary, educators, regions of Russia, economic specialization of the region, regional policy

For citation: Sinitsa A.L. Interregional Differentiation of Remuneration of Educators in Extracurricular Education (Part 1). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 86–98. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_7_86_98

Введение

Объект исследования: государственная политика в сфере образования. **Предмет исследования:** заработная плата педагогических работников дополнительного образования. **Цель исследования:** анализ динамики заработной платы педагогов дополнительного образования по стране в целом и в регионах России с учётом их экономической специализации и уровня экономического развития. **Гипотеза исследования:** педагоги дополнительного образования имеют одну из самых низких заработных плат в системе образования. При этом наблюдаемые межрегиональные различия достаточно велики, чтобы можно было поставить вопрос о влиянии уровня экономического развития и экономической специализации регионов на её динамику.

Ещё до революции отмечалось, что чем более качественным является школьное образование, тем шире тот объём интересов, который школа удовлетворить в одиночку не в состоянии [1, с. 7]. Современная жизнь подтверждает эту мысль. Это обуславливает развитие системы дополнительного образования и её интеграцию с системой общего образования. Тем не менее место и роль дополнительного образования, если оно осуществляется в школе, не всегда воспринимается правильно, поэтому необходимы отдельные специализированные учреждения.

Дополнительное образование является персонализированной компонентой общей и профессиональной подготовки детей, необходимой для того, чтобы включить их в полноценную жизнь общества и обеспечить разностороннее развитие. В связи с этим развитие системы качественного и доступного дополнительного образования детей является одним из приоритетов образовательной политики любой развитой страны.

Дополнительное образование позволяет сформировать условия для создания единого образовательного пространства; создать условия для получения детьми дополнительных знаний; сформировать нравственные качества обучающихся, повысить их творческую и социальную активность; создать условия для освоения обучающимися духовных и культурных ценностей; компенсировать недостатки общего образования. Важной особенностью дополнительного образования является то, что ребёнок и его родители могут сами выбирать, каким видом деятельности заниматься и даже низкие результаты далеко не всегда являются причиной для прекращения занятий. Это означает, что дополнительное образование важно как для индивида, так и для общества в целом, поэтому государство должно принимать меры, направленные на развитие про-

грамм дополнительного образования и вовлечение в них детей.

Для развития системы дополнительного образования за последние годы в этой сфере были приняты несколько концептуальных документов. Наиболее важным является Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей». Её целью является облегчение перехода к постиндустриальному информационному обществу и обеспечение права человека на развитие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит самоопределение личности. В документе основной упор делается на задаче «проектирования пространства персонального образования для самореализации личности». Также значительный акцент делается на вариативности этой формы образования и её универсальности, то есть доступности для ребёнка или подростка, находящегося на любом уровне системы образования. Таким образом, государство рассматривает дополнительное образование как инструмент профилактики социальных рисков, повышения стабильности общества и раскрытия творческого потенциала детей, который позволит дать ответ на ряд вызовов для российской системы образования (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 792-р «О государственной программе Российской Федерации “Развитие образования” на 2013–2020 годы»).

Наиболее важными проблемами являются значительные межрегиональные и межмуниципальные различия по доступности дополнительного образования, слабая инфраструктура, низкая заработная плата педагогических работников. Конкретные мероприятия по реализации Концепции указаны в распоряжении Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 729-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции развития дополнительного образования детей на 2015–2020 годы». Базой для разработки Концепции послужил Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В нём одним из целевых индикаторов является увеличение к 2020 году числа детей в возрасте 5–18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 70–75 %, при условии, что 50 % из них должны обучаться за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета. При этом, согласно Паспорту национального приоритетного проекта «Доступное дополнительное образование для

детей» («Дополнительное образование для каждого ребёнка»), утверждённому 30 ноября 2016 г. на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам, планируется увеличение доли детей, охваченных дополнительными общеразвивающими программами технической и естественнонаучной направленности с 6% в 2016 г. до 25% в 2025 г., что заметно выделяет Россию на общемировом фоне.

В последние годы в развитие инфраструктуры и обновление образовательных программ были вложены значительные ресурсы. Например, создана всероссийская сеть детских технопарков «Кванториум» и сеть центров инновационного творчества молодёжи, в которых обучаются дети, имеющие склонность к техническим наукам, активно развиваются «города профессий», создан единый национальный портал дополнительного образования детей (<http://dop.edu.ru/federal>). Это свидетельствует о том, что руководство страны стало больше уделять внимания профессиональной ориентации детей. Свой вклад вносят и коммерческие организации, которые создают франчайзинговые сети в дополнительном образовании. Наиболее известными являются Чемпионика, Лига роботов, ROBBO CLUB и другие. Тем не менее заработная плата в сфере дополнительного образования продолжает оставаться невысокой, что говорит о низком уровне жизни педагогических работников и членов их семей.

Обзор литературы

В литературе можно выделить два подхода к дополнительному образованию. В рамках первого оно понимается как репетиторство (теневое образование) [2–7]. Ряд исследователей рассматривает его не как дополнительное образование, а как часть системы образования [8–10]. Они основываются на определении, согласно которому дополнительное образование (*supplementary education*) – это «обучение учебным дисциплинам, которое осуществляется за плату и происходит вне стандартных школьных часов» [11, р. 1]. Следовательно, оно считается дополнительным, так как осуществляется во внеурочное время, но в рамках образовательной программы. Однако для стимулирования спроса на него учителя могут снижать качество обязательного образования [12–13].

Второй подход более широкий, например, см. [14]. В таком случае речь идёт о другом аспекте дополнительного образования. Этот подход, с нашей точки зрения, является более правильным, так как включает в себя гораздо больше видов деятельности как в рамках государственных и муниципальных программ, так и в рамках программ, разраба-

тываемых местными сообществами. В этом случае дополнительное образование (*extracurricular education*) определяется как «формальные и неформальные возможности обучения и обогащения развития, предоставляемые учащимся вне школы и за пределами обычного учебного дня или года» [15, р. 329]. Такое определение пересекается с определением, предложенным отечественными исследователями. Они считают, что «дополнительное образование детей – это совокупность познавательной, исполнительской, творческой и коммуникативной деятельности, лежащей за пределами государственного образовательного стандарта» [16, с. 7]. Ключевое отличие от первого подхода заключается в отсутствии прямой связи с образовательной школьной программой.

В России исследования ведутся в рамках обоих теоретических подходов. Рассматриваются такие демографические, экономические и социальные факторы получения дополнительного образования как пол, возраст, образовательный уровень родителей, размер населённого пункта, доходы семьи и прочие [17–22].

В отечественных исследованиях показано, что у более образованных родителей дети чаще участвуют во внеклассных занятиях и различных видах деятельности, что подтверждается зарубежными данными [23–24]. Это связано с тем, что родители с более высоким уровнем образования (особенно матери) нацелены именно на результат дополнительного образования, и чаще отдают детей в специализированные образовательные организации дополнительного образования, а не просто довольствуются тем, что дети чем-то заняты, что важно для родителей с более низким уровнем образования и что также подтверждается зарубежным опытом [25]. В целом активность детей в сельской местности ниже, чем в городской. При этом в сельской местности больше детей посещают дополнительное образование на бесплатной основе, что связано не только с более низкой платежеспособностью населения, но и с неразвитостью инфраструктуры, транспортными барьерами, нехваткой профессиональных кадров и недопониманием со стороны родителей важности дополнительного образования для развития детей. Финансовая обеспеченность также является важным фактором, повышающим вероятность участия во внешкольной деятельности, что соответствует зарубежным данным [26]. В первую очередь это касается иностранных языков, профессионального спорта и дополнительных занятий по школьным предметам. Тем не менее данные закономерности существуют не всегда и обзор противоположных примеров на китайском опыте представлен в [14]. Отечественные иссле-

дования подтверждают, что занятия в системе дополнительного образования положительно влияют на социальное самочувствие и поведение, отношения с учителями и сверстниками, успеваемость в школе и рискованное поведение. Однако зарубежные исследования демонстрируют более противоречивые результаты. С одной стороны, они подтверждают отечественные исследования [14; 27–29], с другой стороны, говорят о том, что связь не столь очевидна, а иногда и вовсе может отсутствовать [30].

Несмотря на наличие литературы по широкому кругу вопросов развития системы дополнительного образования для детей, такой аспект как заработная плата педагогов дополнительного образования рассмотрен крайне слабо. Незначительные упоминания в некоторых статьях [31–32] и отсутствие отдельной работы не позволяет оценить, как менялась оплата труда педагогических работников на протяжении последних лет и оценить результаты государственной политики.

Предмет и метод исследования

Мы рассматриваем динамику показателей, характеризующих заработную плату педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годах. Они не упоминаются в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (далее – Указ Президента России № 597), который был нацелен на повышение оплаты труда в системе образования и системе здравоохранения. Соответствующее распоряжение было сделано в Указе Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей» (далее – Указ Президента России № 761), где повышение их заработной платы до уровня оплаты труда школьных учителей является одной из множества других мер, направленных на поддержание системы дополнительного образования. В нём заработная плата педагогических работников дополнительного образования сравнивается с заработной платой педагогических работников общего образования, которая, в свою очередь, в соответствии с Указом Президента № 597 должна составлять 100 % от средней заработной платы по региону. В связи с этим в качестве целевого ориентира для сравнения мы рассматриваем как среднюю заработную плату по региону, так и заработную плату школьных учителей.

Для обеспечения сопоставимости данных за 2013–2014 годы с данными за 2015–2020 годы используется показатель заработной платы по полному кругу организаций, то есть мы показываем, какой была бы динамика отношения зар-

ботных плат при использовании такой средней заработной платы, которая существовала на момент принятия «майских» указов. Использование новой методики¹ не позволяет сравнивать между собой эти периоды времени, потому что с 2015 г. для расчёта показателей, представленных в «майских» указах, используется показатель «среднемесячная начисленная заработная плата наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц». Так, за счёт включения в расчёт большого числа лиц с более низкой заработной платой средние по региону заработные платы снизились. Как следствие это привело к повышению показателей, приведённых в президентских указах, но не за счёт реального повышения заработной платы и уровня жизни педагогических работников, а в силу технических процедур. В результате показатели достигнуты без заметного увеличения расходов на систему образования. Однако отметим, что новая методика более корректна с методологической точки зрения, поскольку включает доходы индивидуальных предпринимателей и самозанятых.

Также мы показываем, что заработная плата педагогов очень сильно зависит от формы собственности образовательной организации, в которой они работают. Муниципальные организации составляют основу системы дополнительного образования, но педагогические работники в них получают гораздо меньше по сравнению с педагогами, которые работают в организациях, находящихся в федеральной и региональной собственности, что является общей проблемой для нижних уровней российской системы образования [33]. В небольшом числе регионов из-за отсутствия организаций дополнительного образования в муниципальной собственности для расчётов используются данные организаций в региональной собственности.

Также, мы пытаемся оценить размер региональной дифференциации заработной платы педагогических работников дополнительного образования. Для этого рассматриваются показатели, описывающие её отношение к средней по региону

¹ Приказ Росстата от 16.09.2015 г. № 427 «Об утверждении Методики расчёта среднемесячной начисленной заработной платы наёмных работников организаций, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности)», приказ Росстата от 14.04.2016 г. № 188 «Об утверждении Методики расчёта среднемесячной начисленной заработной платы наёмных работников организаций, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности)», приказ Росстата от 13.04.2017 № 239 «О внесении изменений в Методику расчёта среднемесячной начисленной заработной платы наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности)», утверждённую приказом Росстата от 14.04.2016 г. № 188».

заработной плате в 2013 и 2020 годах и прирост за весь рассматриваемый период.

Связь между экономическим развитием и заработной платой не всегда прямая, поэтому необходимо рассматривать уровень экономического развития региона. Для этого используется классификация регионов, представленная в [34, с. 37].

Заработная плата педагогических работников дополнительного образования на фоне других уровней системы образования

В рамках рассматриваемого периода в организациях системы начального и среднего про-

фессионального образования (по каждой форме собственности по отдельности) заработная плата педагогических работников и мастеров была ниже по сравнению с педагогами дополнительного образования (см. таблицу 1). Большинство этих организаций находится в собственности регионов России, а значит, в целом (по всем формам собственности) заработная плата в них была выше в сравнении с системой дополнительного образования.

Изначально педагогические работники дополнительного образования по всем формам собственности в целом имели наиболее низкую заработную плату, что связано с нахождением большинства организаций в муниципальной собственности.

Таблица 1

Динамика заработной платы педагогических работников в 2013–2020 годах по уровням системы образования (в руб.)

Table 1

Dynamics of Salaries of Pedagogical Employees in 2013–2020 by Levels of the Education System (in Rub.)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Федеральная собственность								
Дошкольное образование	25032	27640	29824	32291	35372	43072	46348	43399
Общее образование	41502	54965	56524	58436	60351	67191	70574	70690
Дополнительное образование	28621	33149	34402	37078	40975	45716	49640	49280
Начальное и среднее профессиональное образование	25108	28167	28873	30974	33324	38383	41410	42442
Высшее образование	40285	46942	50481	54788	63549	82261	89623	89090
Региональная собственность								
Дошкольное образование	36080	35706	35920	39690	42471	45291	47713	49358
Общее образование	43361	45462	48775	50396	54462	63224	66517	66960
Дополнительное образование	28841	31308	32708	34851	41921	47020	52108	52335
Начальное и среднее профессиональное образование	25184	27637	28670	29656	32024	36213	38747	40520
Высшее образование	47610	57234	60352	64944	75411	91424	99266	102192
Муниципальная собственность								
Дошкольное образование	22132	24993	25929	26649	28103	30708	32996	33180
Общее образование	26010	28299	28881	29365	30357	32584	35006	36532
Дополнительное образование	20059	24096	25616	26629	30446	34083	36223	36434
Начальное и среднее профессиональное образование	19215	20569	20752	22680	23973	26845	27583	24658
Высшее образование	19957	28199	28386	30095	27631	48820	40958	43302
По всем формам в целом								
Дошкольное образование	23363	25592	26553	27476	29027	31670	33985	34271
Общее образование	29038	31535	32638	33338	34921	38419	41116	42531
Дополнительное образование	21593	25324	26846	27989	32263	35954	38509	38832
Начальное и среднее профессиональное образование	25144	27691	28684	29848	32212	36536	39147	40807
Высшее образование	40428	47188	50703	55028	63831	82486	89851	89422

Источник: составлено автором на основе итогов федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Дата обращения: 25.02.2022)

Прирост к 2020 г. заработной платы в системе дополнительного образования был наибольшим по всей системе образования за исключением высшего образования и составил 79,8%. В организациях в муниципальной и региональной собственности он был близок: 81,6% и 81,5%, соответственно. В организациях, находящихся в федеральной собственности, он был более равномерным, но составил всего 72,2%. Из-за пандемии COVID-19 в 2020 г. прирост по сравнению с предыдущим годом был наиболее низким за весь рассматриваемый период, а в организациях в федеральной собственности вообще было отмечено снижение заработной платы.

В 2020 г. педагогические работники дополнительного образования получали по всем формам собственности в целом наиболее низкую заработную плату за исключением педагогических работников дошкольного образования, чьё положение с 2015 г. стало более тяжёлым. При этом по каждой форме собственности по отдельности их заработная плата превосходила заработную плату в дошкольном и начальном и среднем профессиональном образовании.

Одной из целей эффективности государственной политики является доведение заработной платы в дополнительном образовании до заработной платы в общем образовании. В организациях в федеральной собственности отношение зарплат

ных плат за весь рассматриваемый период практически не изменилось и было наиболее низким: 69,0% в 2013 г. и 69,7% в 2020 г. Можно утверждать, что в обозримом будущем цель Указа № 761 в них достигнута не будет. В организациях в региональной собственности наблюдалась положительная динамика отношения заработной платы (с 66,5% до 78,2%). Несмотря на рост отношения можно предполагать, что без значительного увеличения финансирования целевой показатель достигнут не будет. В 2013 г. отношение заработной платы в организациях в муниципальной собственности составляло 77,1%, а в 2020 г. – 99,7%, из чего следует, что цель Указа № 761 была достигнута. При этом в 2017–2019 годах отношение превышало 100%. По всем формам собственности на протяжении трёх последних лет темпы прироста заработной платы снижались, но за весь период отношение увеличилось с 74,4% до 91,3%, то есть при благоприятной динамике цель Указа № 761 была не достигнута.

Динамика отношения заработной платы педагогических работников дополнительного образования в 2013–2020 годах к средней заработной плате по региону

В 2013 г. высокоразвитые регионы делились на две полярные группы (рисунок 1). Из-за очень вы-

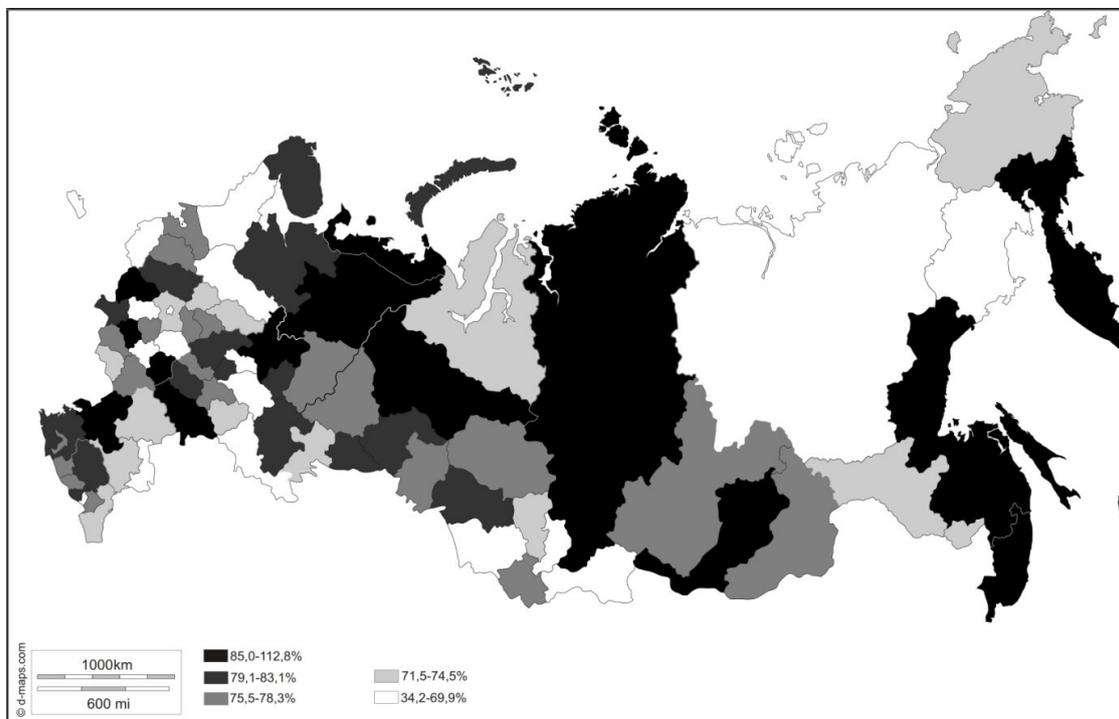

Рисунок 1. Отношение заработной платы педагогических работников дополнительного образования к средней по региону заработной плате в 2013 г.

Picture 1. Ratio of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education to Average Regional Wages in 2013

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

соких средних заработных плат по региону наиболее низким отношение было в финансовых центрах: в Москве – 34,2% и в Санкт-Петербурге – 41,3%. С отношением в размере 61,5% Республика Саха (Якутия) замыкала тройку аутсайдеров. И если близость Москвы отрицательно влияла на Московскую область, то во всех регионах, ориентированных на добычу углеводородов (за исключением Ямало-Ненецкого АО), отношение было выше среднего и наиболее высоким.

В четырёх из шести развитых регионах с диверсифицированной экономикой (столицы федеральных округов), за счёт благоприятного экономического положения отношение было выше среднего или высоким. В двух оставшихся регионах отношение заработных плат было ниже среднего или низким. В регионах с ориентацией на обрабатывающую промышленность оно было несколько ниже по сравнению с субъектами РФ с диверсифицированной экономикой. Во всех регионах с ориентацией на добывающую промышленность (за исключением трёх) отношение было выше среднего.

В большинстве менее развитых регионов номинальная заработная плата была самой низкой не только для дополнительного образования, но и по экономике в целом. Среди них не было ни одного субъекта РФ с высоким и выше среднего

отношением, а преобладали регионы из групп со средним и ниже среднего отношением. Как и в прочих случаях более экономически развитые территории имели в целом более высокое отношение. Специализация регионов (на добыче полезных ископаемых или на сельском хозяйстве) не оказывала заметного влияния на размер отношения заработных плат.

Рассматривая регионы со средним уровнем экономического развития, отметим, что они формируют наиболее крупную группу, хотя и разнородную по размеру отношения заработной платы педагогических работников к средней по региону заработной плате. Будучи промышленно-аграрными или аграрно-промышленными эти субъекты РФ имели схожий уровень экономического развития, а динамика отношения в них определялась в первую очередь размером средней заработной платы. Сельскохозяйственные регионы обычно менее финансово обеспеченные по сравнению с промышленными, поэтому в регионах с более высокой долей обрабатывающей промышленности в ВРП положение педагогов было лучше.

Для оценки результатов реализуемой политики следует рассмотреть прирост заработной платы педагогических работников дополнительного образования к 2020 г. (рисунок 2). Необходимость выполнения указов Президента РФ привела к рос-

Рисунок 2. Прирост заработной платы педагогических работников дополнительного образования за 2013–2020 годы

Picture 2. Increase in Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education in 2013–2020

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

ту заработной платы педагогических работников, причём её прирост по стране (81,6%) был выше по сравнению с приростом средней заработной платы (63,7%). Однако многие регионы с более благоприятным стартом ухудшили свои позиции. Выделим несколько причин для этого. Во-первых, в таких регионах мог быть более быстрый рост средней заработной платы по региону. Во-вторых, в них могла наблюдаться нехватка финансовых ресурсов. Наконец, из-за более высокого изначального отношения у региональных властей могло быть чувство ложного спокойствия в отношении возможностей достижения целевых показателей.

Среди высокоразвитых регионов наиболее высоким прирост заработной платы педагогов был в субъектах, в которых отношение заработных плат изначально было наиболее низким: в Москве он составил 284,5%, а в Санкт-Петербурге – 255,8%. Единственным исключением является Сахалинская область, в которой высокий прирост наблюдался на фоне изначально высокого отношения. За некоторым исключением развитые регионы тоже подчинялись этой закономерности. Аутсайдерами являлись Ленинградская и Новгородская области.

Прирост заработной платы в менее развитых регионах был наиболее равномерным и в целом соблюдалась рассматриваемая закономерность.

Однако на этом фоне большинство регионов Кавказа показали наиболее низкие результаты. В целом в отношении среднеразвитых регионов обнаружена обратная зависимость также действовала.

Очевидно, что работа по достижению целей президентских указов проводилась, но регионы продемонстрировали очень высокую степень неоднородности по приросту заработной платы педагогических работников. Его разброс составил от 23,2% в Ненецком АО до 284,5% в Санкт-Петербурге, а коэффициент вариации – 45,7%. Следовательно, к 2020 г. регионы пришли с очень разными результатами (рисунок 3).

В группе регионов с наиболее низким отношением заработных плат остался лишь город Москва. Число регионов с наиболее высоким отношением немного увеличилось, то есть высокоразвитые регионы улучшили своё положение.

В то же время развитые регионы показали больший разброс. В субъектах с диверсифицированной экономикой отношение было на среднем, выше среднего и высоком уровнях. За рассматриваемый период они немного улучшили свои позиции. Развитые регионы с ориентацией на обрабатывающую промышленность за исключением Омской области также имели средние, выше среднего и высокие отношения заработных плат.

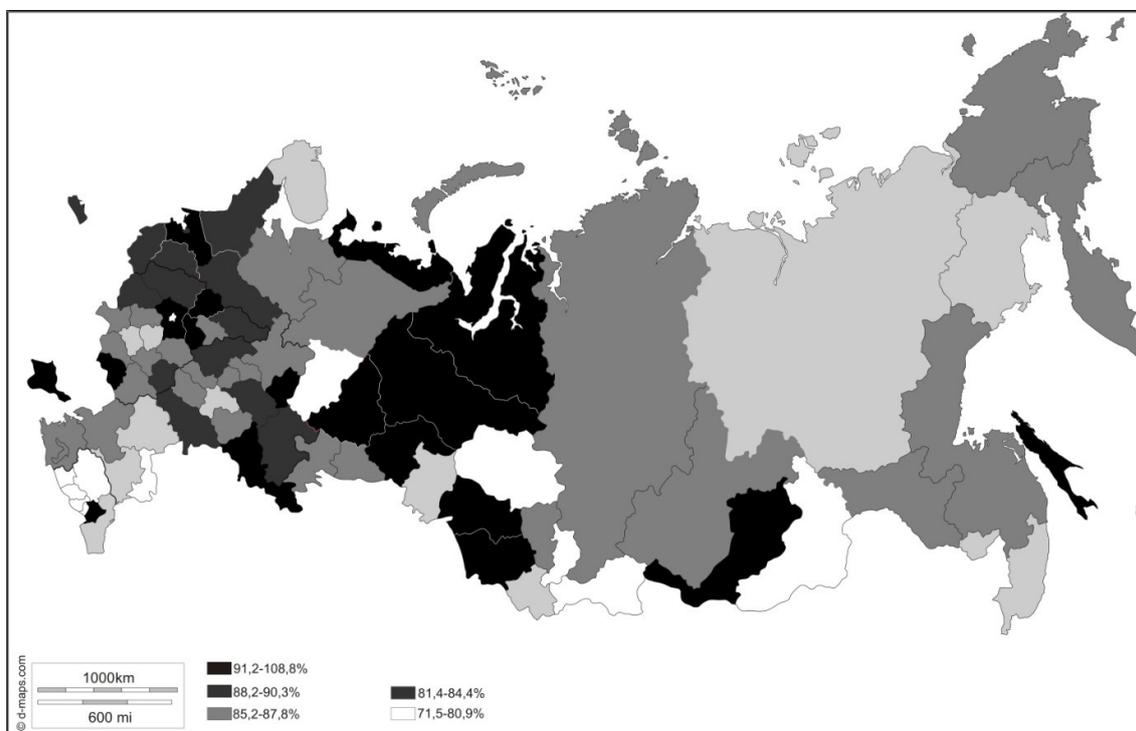

Рисунок 3. Отношение заработной платы педагогических работников дополнительного образования к средней по региону заработной плате в 2020 г.

Picture 3. Ratio of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education to Average Regional Wages in 2020

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Регионы с ориентацией на добывающую промышленность продемонстрировали наибольшую неоднородность и наихудшие результаты среди всех развитых регионов.

Менее развитые регионы как и в 2013 г. находились среди субъектов со средним, ниже среднего и низким отношением заработных плат. При этом группа регионов с наиболее низким отношением увеличилась, а регионы Северного Кавказа по сравнению с 2013 г. значительно ухудшили своё положение. Можно предположить, что это связано, в первую очередь, с нехваткой финансовых ресурсов и, вероятно, низкой концентрацией властей на решении проблем социального развития. Чеченская Республика, за состоянием дел в которой пристально следят федеральные власти и обеспечивают ей достаточное финансирование, являлась единственным регионом, который находился в группе с наиболее высоким отношением.

Среднеразвитые регионы концентрируются вокруг средних значений отношений заработных плат. Эта группа отличается большей однородностью. Как и в 2013 г. более развитые и диверсифицированные субъекты РФ смогли обеспечить более высокое отношение. Несмотря на схожесть экономической специализации и уровня экономического развития эта группа регионов требует

дополнительного изучения. Такую работу могли бы провести местные исследователи, которые лучше знают особенности регионов и имеют доступ к региональной статистике.

Наконец, чтобы устранить годовые колебания, рассмотрим усреднённые значения отношений заработной платы педагогов дополнительного образования к средней заработной плате по региону в целом за 2013–2020 годы (рисунок 4).

За весь рассматриваемый период среди высоко развитых регионов наихудшие результаты показали Москва и Санкт-Петербург. Отношение в них было самым низким по стране, что связано с высокой средней заработной платой. Эта же причина была основной и для Республики Саха (Якутия) и Ямало-Ненецкого АО. В прочих регионах отношение было выше среднего и высоким.

В развитых регионах с диверсифицированной экономикой отношения заработных плат было выше среднего и высокие. В субъектах РФ, которые не являются столичными для федеральных округов, они были заметно ниже. В то же время регионы с ориентацией на добывающую промышленность показали высокие результаты, гораздо выше по сравнению с регионами с ориентацией на обрабатывающую промышленность и среди них не было субъектов РФ с низким отношением.

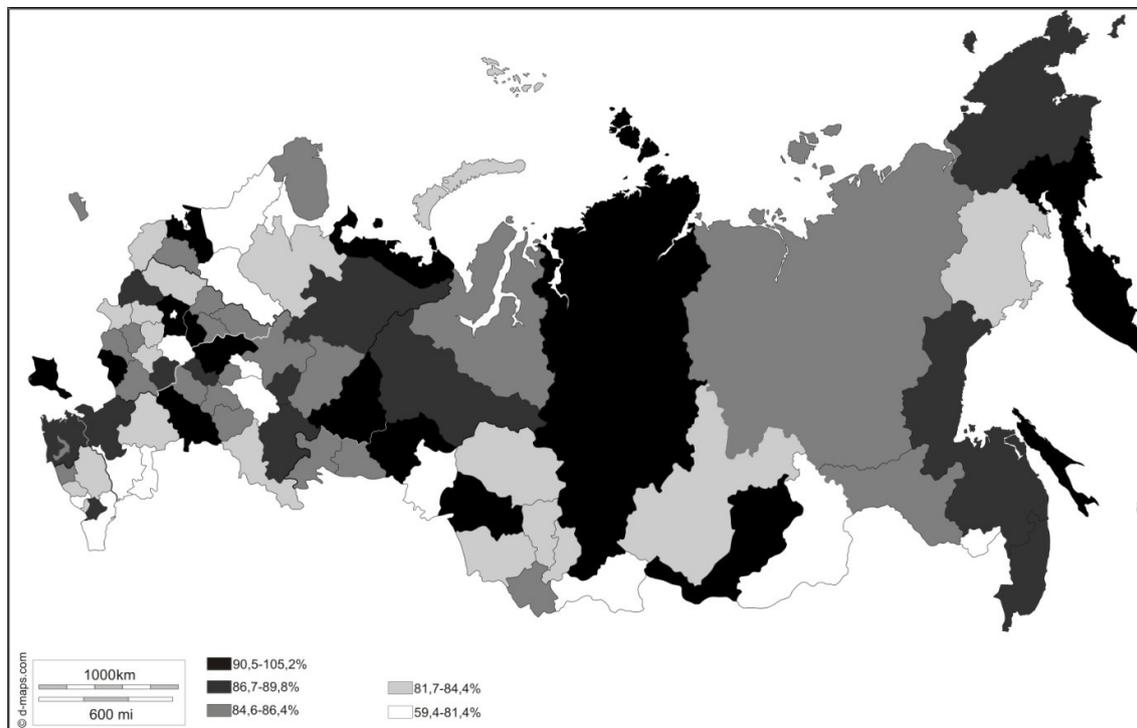

Рисунок 4. Отношение заработной платы педагогических работников дополнительного образования к средней по региону заработной плате за 2013–2020 годы

Picture 4. Ratio of Salaries of Pedagogical Employees of Extracurricular Education to Average Regional Wages in 2013–2020

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Ни один из менее развитых регионов не вошел в группу с высоким отношением заработных плат и только два из них имели отношение выше среднего. Более половины менее развитых регионов имели отношения ниже среднего и низкое, что вызвано неудовлетворительным финансовым состоянием этих регионов.

Среднеразвитые регионы концентрировались вокруг средних значений рассматриваемого отношения. Несмотря на то, что географические закономерности для этих регионов выделить сложно, можно утверждать, что в сельскохозяйственных регионах недостаточность финансовых средств не позволяла платить высокую заработную плату педагогам дополнительного образования.

Заключение

Дополнительное образование является важной частью образовательной политики, поскольку отвлекает детей от улиц, помогает глубже раскрыть потенциал ребёнка и является одним из элементов системы профориентации и подготовки кадров высокой квалификации по широкому перечню направлений. Однако в настоящее время общественная значимость труда педагогов дополнительного образования недооценивается, поскольку их заработная плата низкая. Наибольшие проблемы наблюдаются на муниципальном уровне, где и происходит основное взаимодействие системы образования с детьми и их родителями.

За 2013–2020 годы заработная плата педагогов дополнительного образования росла быстрее средней заработной платы и можно утверждать, что указы Президента РФ положительно повлияли (по крайней мере, формально) на их заработную плату. Однако мы считаем, что для государства данная категория педагогов не является приоритетной при распределении бюджетных средств, потому что заработная плата выше на любом другом уровне системы образования за исключением дошкольного образования. Несомненно, это влияет на численность и квалификацию педагогических кадров и затрудняет привлечение работников в систему. Вероятно, такое положение дел связано с необязательным характером дополнительного образования, хотя не исключена и банальная недооценка важности дополнительного образования для формирования личности и будущего работника. В любом случае проблема повышения заработной платы педагогов дополнительного образования является актуальной и важной для развития общества и экономики, особенно в новых условиях.

Ситуация осложняется высокой степенью дифференциации регионов России по социаль-

но-экономическим показателям и уровню экономического развития, что означает их разные финансовые возможности. В работе показано наличие достаточно заметной прямой связи между заработной платой педагогов и уровнем экономического развития. Как на начало, так и на конец периода в высокоразвитых регионах рассмотренное отношение заработных плат педагогов дополнительного образования и средних по региону заработных плат было значительно выше среднего. Финансовые центры являются исключением, но лишь из-за очень высоких средних заработных плат по региону в целом. Развитые регионы в среднем тоже показали хорошую динамику и рассмотренное отношение заработных плат было выше среднего. Однако глубокую озабоченность вызывает очень низкая заработная плата в ряде ведущих регионов с опорой на обрабатывающую промышленность. Менее развитые регионы с высокой долей сельского населения показали наихудшую динамику. Рассмотренное отношение в них было низким на протяжении всего периода и можно говорить, что разрыв между ними и наиболее развитыми регионами увеличился, поскольку они стали концентрироваться в группе регионов с наиболее низкими показателями даже несмотря на общий рост отношения заработных плат.

Если говорить об экономической специализации, то в регионах, ориентированных на добычу полезных ископаемых, положение педагогических работников было наиболее благоприятным. В сельскохозяйственных регионах, наоборот, педагоги сталкивались с наибольшими сложностями. Регионы с развитой обрабатывающей промышленностью являются противоречивой группой и требуют дополнительного изучения, хотя очевидно, что в целом ситуация в них лучше по сравнению с сельскохозяйственными регионами.

Главной причиной низких заработных плат является слабость экономик большинства регионов, так как низкие налоговые поступления существенно ограничивают финансовые возможности региональных властей. Решение проблемы повышения заработной платы педагогических работников дополнительного образования лежит в первую очередь в плоскости сбалансированного поступательного развития регионов, диверсификации видов их экономической деятельности, модернизации институтов и основных фондов. Однако политическая воля. Осознание важности дополнительного образования для развития региона и желание властей решать имеющиеся проблемы социального сектора не менее важны.

Список литературы

1. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его организация, значение и техника. М.: Книгоиздательство «Наука», 1916. 327 с.
2. Bray M. Researching shadow education: methodological challenges and directions // *Asia Pacific Education Review*. 2010. Vol. 11, no. 1. P. 3–13. DOI 10.1007/s12564-009-9056-6
3. Bray M., Kwo O. Behind the façade of fee-free education: shadow education and its implications for social justice // *Oxford Review of Education*. 2013. Vol. 39, no. 4. P. 480–497. DOI 10.1080/03054985.2013.821852
4. Dang H.A. The determinants and impact of private tutoring classes in Vietnam // *Economics of Education Review*. 2007. Vol. 26, no. 6. P. 684–699. DOI 10.1016/j.econedurev.2007.10.003
5. Manzon M., Areepattamannil S. Shadow educations: mapping the global discourse // *Asia Pacific Journal of Education*. 2014. Vol. 34, no. 4. P. 389–402. DOI 10.1080/02188791.2014.969194
6. Smyth E. The more, the better? Intensity of involvement in private tuition and examination performance // *Educational Research and Evaluation*. 2008. Vol. 14, no. 5. P. 465–476. DOI 10.1080/13803610802246395
7. Stevenson, D.L., Baker D.P. Shadow education and allocation in formal schooling: transition to university in Japan // *American Journal of Sociology*. 1992. Vol. 97, no. 6. P. 1639–1657. DOI 10.1086/229942
8. Liu J., Bray M. Determinants of demand for private supplementary tutoring in China: findings from a national survey // *Education Economics*. 2017. Vol. 25, no. 2. P. 205–218. DOI 10.1080/09645292.2016.1182623
9. Luan X., Eacott S., Vass G. Supplementary no more: a relational analysis of supplementary education in China // *Journal of Educational Administration and History*. 2020. Vol. 52, no. 4. P. 373–384. DOI 10.1080/00220620.2020.1726302
10. Zhang W. The demand for shadow education in China: mainstream teachers and power relations // *Asia Pacific Journal of Education*. 2014. Vol. 34, no. 4. P. 436–454. DOI 10.1080/02188791.2014.960798
11. Bray M., Lykins C. Shadow education: private supplementary tutoring and its implications for policy makers in Asia. Hong Kong: Comparative Education Research Centre (CERC) in collaboration with Asian Development Bank (ADB), 2012. xi+ 98 p.
12. Dawson W. Private tutoring and mass schooling in East Asia: reflections of inequality in Japan, South Korea, and Cambodia // *Asia Pacific Education Review*. 2010. Vol. 11, no. 1. P. 14–24. DOI 10.1007/s12564-009-9058-4
13. Kobakhidze M.N. Corruption risks of private tutoring: case of Georgia // *Asia Pacific Journal of Education*. 2014. Vol. 34, no. 4. P. 455–475. DOI 10.1080/2f02188791.2014.963506
14. Wang J., Li B. Supplementary education, student development and education equity: evidence from primary schools in Beijing, China // *Education Economics*. 2018. Vol. 26, no. 5. P. 459–487. DOI 10.1080/09645292.2018.1460653
15. Gordon E.W. The idea of supplementary education // *Supplementary education: The hidden curriculum of high academic achievement* / E.W. Gordon, B.L. Bridglall, and A. S. Meroe (eds.). Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005. P. 320–334.
16. Мартиросян Б.П., Горский В.А. Инновации в дополнительном образовании // *Дополнительное образование*. 2003. №4. С. 7–17.
17. Бурдяк А.Я. Дополнительные занятия по школьным предметам: мотивация и распространённость // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. №2. С. 96–112. DOI 10.14515/monitoring.2015.2.08, EDN TTIFUX
18. Иванюшина В.А., Александров Д.А. Социализация через неформальное образование: внеклассная деятельность российских школьников // *Вопросы образования*. 2014. №3. С. 174–196. DOI 10.17323/1814-9545-2014-3-174-196, EDN SXHKDN
19. Косарецкий С.Г., Куприянов Б.В., Филиппова Д.С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // *Вопросы образования*. 2016. №1. С. 168–190. DOI 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190, EDN VSARUX
20. Логинов Д.М., Елисева М.А. Дополнительное образование в Москве: стратегия потребления услуг // *SPERO*. 2012. №17. С.113–120.
21. Собкин В.С., Калашикова Е.А. Ученик основной школы: отношение к дополнительному образованию // *Вопросы психологии*. 2013. №4. С. 16–26, EDN TMCMDB
22. Собкин В.С., Калашикова Е.А. Отношение к дополнительному образованию учащихся основной и старшей школы: социально-психологические аспекты // *Национальный психологический журнал*. 2018. Т. 11. №1. С. 63–76. DOI 10.11621/npj.2018.0106, EDN XNRPTN
23. Bartko W.T., Eccles J.S. Adolescent participation in structured and unstructured activities: a person-oriented analysis // *Journal of Youth and Adolescence*. 2003. Vol. 32, no. 4. P. 233–241. DOI 10.1023/A:1023056425648
24. Lareau A., Weininger E.B., Conley D. What money doesn't buy: class resources and children's participation in organized extra-curricular activities // *Social Forces*. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 479–503. DOI 10.1093/sf/sov071
25. Sjödin D., Roman C. Family practices among Swedish parents: extracurricular activities and social class // *European Societies*. 2018. Vol. 20, no. 5. P. 764–784. DOI 10.1080/14616696.2018.1473622
26. Bennett P., Lutz A., Jayaram L. Beyond the schoolyard: the role of parenting logics, financial resources, and social institutions in the social class gap in structured activity participation // *Sociology of Education*. 2012. Vol. 85, no. 2. P. 131–157. DOI 10.1177/0038040711431585
27. Crispin L.M., Nikolaou D., Fang Z. Extracurricular participation and risky behaviours during high school // *Applied Economics*. 2016. Vol. 49, no. 34. P. 3359–3371. DOI 10.1080/00036846.2016.1259752
28. Darling N., Caldwell L.L., Smith R. Participation in school-based extracurricular activities and adolescent adjustment // *Journal of Leisure Research*. 2005. Vol. 37, no. 1. P. 51–76. DOI 10.1080/00222216.2005.11950040
29. Rees D.I., Sabia J.J. Sports participation and academic performance: evidence from the National Longitudinal Study of Adolescent Health // *Economics of Education Review*. 2010. Vol. 29, no. 5. P. 751–759. DOI 10.1016/j.econedurev.2010.04.008
30. Steinmann I., Strietholt R., Caro D. Participation in extracurricular activities and student achievement: evidence from German all-day schools // *School Effectiveness and School Improvement*. 2018. Vol. 30, no. 2. P. 155–176. DOI 10.1080/09243453.2018.1540435
31. Аракелова А.О. Детские школы искусств Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития

- // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–1. С. 196–210. EDN YKHPA
32. Целищева Е.Ф. Проблемы перехода на эффективный трудовой контракт в муниципальных образовательных учреждениях культуры // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 1 (235). С. 56–64. EDN TМEMOD
33. Сеница А.Л. Влияние формы собственности образовательной организации на заработную плату педагогических работников // Экономическая наука современной России. 2019. № 2. С. 103–115. DOI 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-103-115, EDN FFIEUT
34. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2014. 48 с.

Информация об авторе:

Арсений Леонидович Сеница – к.э.н., научный сотрудник лаборатории экономического образования, экономический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (E-mail sinita@econ.msu.ru), (elibrary Author_id 574240), (ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>), (ResearcherID E-6607-2017)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 01.02.2023.

References

1. Medynskiy E.N. Extracurricular education, its organization, meaning, and technique. Moscow: Nauka, 1916. 327 p. (In Russ.)
2. Bray M. Researching shadow education: Methodological challenges and directions. *Asia Pacific Education Review*. 2010;11(1):3-13. DOI 10.1007/s12564-009-9056-6
3. Bray M., Kwo O. Behind the façade of fee-free education: Shadow education and its implications for social justice. *Oxford Review of Education*. 2013;39(4):480-497. DOI 10.1080/03054985.2013.821852
4. Dang H.A. The determinants and impact of private tutoring classes in Vietnam. *Economics of Education Review*. 2007;26(6):684-699. DOI 10.1016/j.econedurev.2007.10.003
5. Manzon M., Areepattamannil S. Shadow educations: Mapping the global discourse. *Asia Pacific Journal of Education*. 2014;34(4):389-402. DOI 10.1080/02188791.2014.969194
6. Smyth E. The more, the better? Intensity of involvement in private tuition and examination performance. *Educational Research and Evaluation*. 2008;14(5):465-476. DOI 10.1080/13803610802246395
7. Stevenson, D.L., Baker D.P. Shadow education and allocation in formal schooling: Transition to university in Japan. *American Journal of Sociology*. 1992;97(6):1639-1657. DOI 10.1086/229942
8. Liu J., Bray M. Determinants of demand for private supplementary tutoring in China: Findings from a national survey. *Educational Economics*. 2017;25(2):205-218. DOI 10.1080/09645292.2016.1182623
9. Luan X., Eacott S., Vass G. Supplementary no more: A relational analysis of supplementary education in China. *Journal of Educational Administration and History*. 2020;52(4):373-384. DOI 10.1080/00220620.2020.1726302
10. Zhang W. The demand for shadow education in China: Mainstream teachers and power relations. *Asia Pacific Journal of Education*. 2014;34(4):436-454. DOI 10.1080/02188791.2014.960798
11. Bray M., Lykins C. Shadow education: private supplementary tutoring and its implications for policy makers in Asia. Hong Kong: Comparative Education Research Centre (CERC) in collaboration with Asian Development Bank (ADB), 2012. xi+ 98 p.
12. Dawson W. Private tutoring and mass schooling in East Asia: Reflections of inequality in Japan, South Korea, and Cambodia. *Asia Pacific Education Review*. 2010;11(1):14-24. DOI 10.1007/s12564-009-9058-4
13. Kobakhidze M.N. Corruption risks of private tutoring: Case of Georgia. *Asia Pacific Journal of Education*. 2014;34(4):455-475. DOI 10.1080/2f02188791.2014.963506
14. Wang J., Li B. Supplementary education, student development and education equity: Evidence from primary schools in Beijing, China. *Education Economics*. 2018;26(5): 459-487. DOI 10.1080/09645292.2018.1460653
15. Gordon E.W. The idea of supplementary education. In: *Supplementary education: The hidden curriculum of high academic achievement*. E.W. Gordon, B.L. Bridglall, and A. S. Meroe (eds.). Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005. P. 320–334.
16. Martirosyan B.P., Gorskiy V.A. Innovations in supplementary education. *Dopolnitel'noe obrazovanie*. 2003;(4):7-17. (In Russ.)
17. Burdyak A.Ya. Supplementary classes in school subjects: Motivation and incidence. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2015;(2): 96-112. DOI 10.14515/monitoring.2015.2.08, EDN TTIFUX (In Russ.)
18. Ivanyushina V.A., Aleksandrov D.A. Socialization through informal education: Extracurricular activities of Russian school students. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow. 2014;(3):174-196. DOI 10.17323/1814-9545-2014-3-174-196, EDN SXHKDN (In Russ.)
19. Kosaretskiy S.G., Kupriyanov B.V., Filippova D.S. Specific features of children involvement in supplementary education depending on cultural, educational and financial status of families and place of living. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow. 2016;(1):168-190. DOI 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190, EDN VSARUX (In Russ.)
20. Loginov D.M., Eliseeva M.A. Supplementary education for children in Moscow: Consumption strategies. *SPERO*. 2012;(17):113-120. (In Russ.)
21. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Middle school student: Attitude to supplementary education. *Voprosy psikhologii*. 2013;(4):16-26, EDN TMCMD (In Russ.)
22. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Attitude to supplementary education in students of the secondary and high school: Social and psychological aspects. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2018;11(1):63-76. DOI 10.11621/npj.2018.0106, EDN XNRPTN (In Russ.)

23. Bartko W.T., Eccles J.S. Adolescent participation in structured and unstructured activities: a person-oriented analysis. *Journal of Youth and Adolescence*. 2003;32(4):233-241. DOI 10.1023/A:1023056425648
24. Lareau A., Weinger E.B., Conley D. What money doesn't buy: Class resources and children's participation in organized extracurricular activities. *Social Forces*. 2015;9(2): 479-503. DOI 10.1093/sf/sov071
25. Sjödin D., Roman C. Family practices among Swedish parents: Extracurricular activities and social class. *European Societies*. 2018;20(5):764-784. DOI 10.1080/14616696.2018.1473622
26. Bennett P., Lutz A., Jayaram L. Beyond the schoolyard: The role of parenting logics, financial resources, and social institutions in the social class gap in structured activity participation. *Sociology of Education*. 2012;85(2):131-157. DOI 10.1177/0038040711431585
27. Crispin L.M., Nikolaou D., Fang Z. Extracurricular participation and risky behaviours during high school. *Applied Economics*. 2016;49(34):3359-3371. DOI 10.1080/00036846.2016.1259752
28. Darling N., Caldwell L.L., Smith R. Participation in school-based extracurricular activities and adolescent adjustment. *Journal of Leisure Research*. 2005;37(1):51-76. DOI 10.1080/00222216.2005.11950040
29. Rees D.I., Sabia J.J. Sports participation and academic performance: Evidence from the National Longitudinal Study of Adolescent Health. *Economics of Education Review*. 2010; 29(5):751-759. DOI 10.1016/j.econedurev.2010.04.008
30. Steinmann I., Strietholt R., Caro D. Participation in extracurricular activities and student achievement: Evidence from German all-day schools. *School Effectiveness and School Improvement*. 2018;30(2):155-176. DOI 10.1080/09243453.2018.1540435
31. Arakelova A.O. Children's schools of arts in the Russian Federation: Modern status and prospects of development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2017;(41-1):196-210. EDN YKHIP (In Russ.)
32. Tselishcheva E.F. Problems of transfer to effective work contract in municipal non-profit organizations of cultural establishments. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2015;(1):56-64. EDN TMEMOD (In Russ.)
33. Sinitsa A.L. The influence of the ownership form on the educational organization on the salary of pedagogical employees. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*. 2019;(2):103-115. DOI 10.33293/1609-1442-2019-2(85)-103-115 EDN FFIEUT (In Russ.)
34. Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. Types of Russian regions: Stability and shifts in 2003–2013. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2014. 48 p. (In Russ.)

Information about the author:

Arsenii L. Sinitsa – Candidate of Economics, researcher of the Laboratory for Economic Education, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

(E-mail sinitsa@econ.msu.ru), (elibrary Author_id 574240), (ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>),

(ResearcherID E-6607-2017)

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 01.02.2023.

Научная статья
УДК 331.5, 330.59
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
EDN: [RAUMOJ](#)

Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств

Елена Валерьевна Одинцова

Институт экономики РАН, Москва, Россия, (odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление качества занятости работников и обуславливаемого им уровня жизни их домохозяйств с учётом трудового потенциала работников. Исследование, объектом которого выступают наёмные работники организаций, базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, которые были дополнены данными официальной статистики. Выявлено, что уровень образования и оценки (состояние) здоровья, характеризующие трудовой потенциал работников, влияют на качество их занятости, определяемое наличием и концентрацией проявлений неустойчивой (прекарной) занятости и профессионально-квалификационными характеристиками работников, и через него – на уровень жизни домохозяйств работников, определяя устойчивость (неустойчивость) материального положения по денежным доходам. Установлено, что влияние уровня образования на качество занятости более выражено, чем влияние здоровья, рассматриваемого через субъективные оценки работников. Показано, что реализация трудового потенциала работников (уровень образования) может сопровождаться его недоиспользованием, что несёт риски его растрачивания и угрозы развитию человеческого потенциала. В основном, это характерно для работников в менее квалифицированной занятости, имеющих среднее профессиональное образование и выше, – они не реализовали свой потенциал, и качество их занятости ниже, чем могло бы быть при их уровне образования. Показано, что с повышением уровня образования снижаются риски нарастания проявлений неустойчивой занятости и возрастают шансы на более квалифицированную занятость. Обеспеченное, с учётом реализации трудового потенциала, качество занятости работников отражается в уровне жизни их домохозяйств. «Доступность» устойчивого материального положения домохозяйств по денежным доходам, как показало исследование, выше для работников с устойчивой занятостью, которая нарастает по мере повышения профессионально-квалификационных характеристик.

Ключевые слова: наёмные работники, трудовой потенциал, уровень образования, здоровье, качество занятости, неустойчивая (прекарная) занятость, профессионально-квалификационные группы, уровень жизни, устойчивое материальное положение, денежные доходы

Для цитирования: *Одинцова Е.В. Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 99–111. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111*

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
EDN: [RAUMOJ](#)

Realization of the Labor Potential of Employees in the Quality of their Employment and the Standard of Living of Households

Elena V. Odintsova

Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia, (odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Abstract

The article presents the results of a study aimed at identifying the quality of employment of employees and the standard of living of their households conditioned by it, taking into account the labor potential of employees. The study, the object of which are employees of organizations, is based on data from The Russia Longitudinal Monitoring Survey - Higher School of Economics, which were supplemented by official statistics. It is revealed that the level of education and assessment (state) of health, characterizing the labor potential of employees, affect the quality of their employment, determined by the presence and concentration of manifestations of precarious employment and professional and qualification characteristics of employees, and through it – on the standard of living of employees' households, determining the stability (instability) of the financial position on monetary income. It is established that the influence of the level of education on the quality of employment is more pronounced than the influence of health, considered through subjective assessments of employees. It is shown that the realization of the labor potential of employees (level of education) may be accompanied by its underutilization, which carries the risks of its waste and threats to the development of human potential. Basically, this is typical for employees in less qualified employment who have secondary vocational education and higher education - they have not realized their potential, and the quality of their employment is lower than it could be with their level of education. It is shown that with an increase in the level of education, the risks of increasing manifestations of precarious employment decrease and the chances of more qualified employment increase. Provided, taking into account the realization of labor potential, the quality of employment of employees is reflected in the standard of living of their households. The "accessibility" of a stable financial situation of households in terms of monetary income, as the study showed, is higher for employees with stable employment, which increases with increasing professional and qualification characteristics.

Keywords: employees, labor potential, level of education, health, quality of employment, precarious employment, professional qualification groups, standard of living, stable financial situation, monetary income

For citation: *Odintsova E.V. Realization of the Labor Potential of Employees in the Quality of their Employment and the Standard of Living of Households. Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2023. Vol. 19. No 1. P. 99–111. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111*

Введение

Цель исследования заключалась в рассмотрении качества занятости работников и уровня жизни их домохозяйств в зависимости от трудового потенциала работников (образования и здоровья). Объектом исследования являлись наёмные работники организаций, наиболее массово представленные в структуре российских занятых.¹ Предмет исследования – качество занятости работников, обусловленное наличием и концентрацией проявлений неустойчивой (прекарной) занятости и профессионально-квалификационными характеристиками работников, и уровень жизни домохозяйств работников, оцениваемый через устойчивость (неустойчивость) материального положения на основе уровня душевых денежных доходов.

Охватываемые в рамках статьи проблемы относятся к числу активно развиваемых сегментов современного исследовательского поля, в которых реализуются научные разработки. Трудовой потенциал, представляющий собой важную составляющую человеческого потенциала [1], – содержательно комплексная категория, включающая систему качественных и количественных характеристик, формализуемых исследователями с учётом уровня его рассмотрения и формирования (работник, предприятие, общество, регион, страна) [1–5; и др.]. Трудовой потенциал (эффективность его формирования и использования (реализации) оказывает влияние на функционирование его «носителя»: например, на социально-экономическое развитие региона и страны – при его рассмотрении на макроуровне [1]. В данном исследовании трудовой потенциал рассматривается на уровне работника – как «фактор» формирования качества занятости работника и, как следствие, уровня жизни его домохозяйства.

Проблематика качества занятости прорабатывается исследователями в направлении методологических и инструментальных основ его идентификации (например, концепции качества занятости),² измерения качества занятости и из-

учения особенностей его динамики в различных (стандартных и нестандартных (нетипичных) формах занятости и социально-демографических группах занятых, проработки вопросов его регулирования и пр. (напр., [6–14]). Проблематика качества занятости включает важный аспект, концентрирующий усилия зарубежных и российских исследователей, – неустойчивая (прекарная, прекаризованная) занятость [15–24; и др.], связанная с ущемлением (утратой) экономических и социальных прав работников и свидетельствующая о снижении качества занятости работников и обуславливающая риски эрозии других аспектов уровня и качества жизни работников и их домохозяйств [15; 17].

В работах, посвящённых исследованию уровня жизни [25–40; и др.], прорабатываются разные сферы его формирования (проявления) (денежные доходы, расходы, потребление, жилищная обеспеченность и пр.) (например, [25–27]). Исследования уровня жизни расширяют и углубляют представления об особенностях его формирования в разных «границах» при его переходе от бедности до высокой обеспеченности (например, [25; 30–32]), для социально-демографических групп (например, [33–36]), под воздействием различных факторов (меры социальной поддержки и пр. (например, [28; 37–40]) и др.

Необходимость продолжения исследований заявленной проблематики актуализируется с учётом необходимости выработки мер государственной политики для ответа на новые вызовы развития нашей страны в условиях противодействия угрозам её суверенитета и существования.

В данной работе качество занятости и уровень жизни исследовались с применением оригинального инструментария их измерения, исходя из предположения о повышении качества занятости работников и, как следствие, устойчивости материального положения их домохозяйств с повышением уровня образования работников и улучшением состояния их здоровья, характеризующих трудовой потенциал работников.

Теоретико-методологические основания и данные исследования

В данном исследовании трудовой потенциал работников рассматривается через следующие две характеристики (компоненты): 1) образование, рассматриваемое по уровням (а) нет профессионального образования, б) среднее професси-

publications/Measuring_quality_of_employment.pdf (дата обращения: 01.02.2023); Quality of employment conditions and employment relations in Europe / Eurofound. 2013. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1367en.pdf (дата обращения: 01.02.2023); и др.

¹ Составляют 80,6 % (2021 г.) в структуре занятого населения в возрасте 15 лет и старше по месту основной работы и статусу. – См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2021 год // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 26.01.2023).

² См.: Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version / International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/integration/documents/publication/wcms_229374.pdf (дата обращения: 04.02.2023); Job quality // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/statistics/job-quality.htm> (дата обращения: 04.02.2023); European Working Conditions Survey // Eurofound: [сайт]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/data/european-working-conditions-survey> (дата обращения: 01.02.2023); Measuring Quality of Employment. Country Pilot Reports / UNECE. 2010. URL: <https://unece.org/DAM/stats/>

ональное образование, в) высшее образование, учёная степень) и 2) здоровье, рассматриваемое через субъективные оценки работников (а) хорошее и очень хорошее, б) среднее, в) плохое и очень плохое).

Оценивание качества занятости проводилось на основе его идентификации в парадигме «устойчивой» – «неустойчивой» занятости. Для этого применялась ранее разработанная и верифицированная с участием автора система индикаторов неустойчивой занятости [15; 17]. Она позволяет с учётом выявления наличия и определения концентрации индикаторов неустойчивой занятости идентифицировать группы занятых по качеству их занятости. Система индикаторов учитывает объективные (через оценки форм и условий занятости) и субъективные (через самооценки занятых) проявления неустойчивой занятости и дифференцирована на ключевые и не ключевые индикаторы с учётом их приоритетности для характеристики данного явления [17].

В данном исследовании для оценивания качества занятости по найму применялись индикаторы, основанные на объективных проявлениях неустойчивой занятости,³ и на основе выявления их концентрации идентифицировались три группы работников, различающиеся по качеству их занятости (таблица 1).

Качество занятости, помимо выявления индикаторов неустойчивой занятости, также оценивалось с учётом его обусловленности профессионально-квалификационными характеристиками работников. Для этого были выделены (на основе принадлежности работников к профессиональной группе (группе занятий) по Общероссийскому классификатору занятий⁴ (ОКЗ) следующие профессионально-квалификационные группы работников, различающиеся по уровню квалификации, требуемой для выполнения трудовых функций на рабочих местах, на которых заняты работники: Группа 1 – работники с первым (наименьшим) уровнем квалификации;⁵ Группа 2 –

работники со вторым уровнем квалификации;⁶ Группа 3 – работники с третьим уровнем квалификации;⁷ Группа 4 – работники с четвертым (высшим) уровнем квалификации.⁸ При переходе от группы 1 к группе 4 повышается требуемый для работы уровень квалификации, соответствующий определённому уровню образования (на первом уровне квалификации – это основное общее и среднее общее образование, на четвертом уровне квалификации – высшее образование и учёная степень),⁹ также меняется характер труда (преимущественно физический/умственный). Такая дифференциация работников на группы позволит проследить, как реализуется имеющийся потенциал (уровень образования) работников в занятости.

Материальное положение домохозяйств работников оценивалось на основе уровня душевых денежных доходов домохозяйств с выявлением его устойчивости (неустойчивости) в сравнении со стандартами денежных доходов. Устойчивое материальное положение домохозяйств работников определялось при уровне душевых денежных доходов не менее 3,1 ПМ. Данная граница доходов, верифицированная в предыдущих исследованиях [17; 34; и др.], соответствует нижней границе средних стандартов душевых денежных доходов. Устойчивое материальное положение включает среднюю (3,1-11 ПМ) и высокую (11 ПМ и более) обеспеченность доходами. Неустойчивое положение, которое определялось при уровне душевых денежных доходов менее 3,1 ПМ, фиксирует менее благополучную ситуацию в домохозяйствах по доходам – бедность (менее 1 ПМ), низкую (1-2 ПМ) и ниже среднего (2-3,1 ПМ) обеспеченность [25].

Для проведения количественных оцениваний в соответствии с целью исследования были востребованы данные Российского мониторинга

⁶ В данную группу на основе ОКЗ включены работники, относящиеся к числу служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учётом и обслуживанием; работниками сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей.

⁷ В данную группу на основе ОКЗ включены работники, относящиеся к числу специалистов среднего уровня квалификации; военнослужащих неофицерского состава.

⁸ В данную группу на основе ОКЗ включены работники, относящиеся к числу руководителей; специалистов высшего уровня квалификации; офицеров действительной военной службы.

⁹ См.: Общероссийский классификатор занятий: «ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введён в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) (ред. от 18.02.2021). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=177953-0&req=doc&rnd=DbWQcA&base=LAW&n=386337#CnS2UwSwTN6zap5t> (дата обращения: 26.01.2023).

³ Для субъективных индикаторов неустойчивой занятости был выявлен более низкий уровень приоритетности по сравнению с объективными индикаторами (в частности, среди них не выявлено ключевых индикаторов), а также выявлена целесообразность учитывать их для оценивания при наличии объективных проявлений неустойчивой занятости [17].

⁴ ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введён в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) (ред. от 18.02.2021). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=177953-0&req=doc&rnd=DbWQcA&base=LAW&n=386337#CnS2UwSwTN6zap5t> (дата обращения: 26.01.2023).

⁵ В данную группу на основе ОКЗ включены работники, относящиеся к числу неквалифицированных рабочих, военнослужащих рядового состава.

Таблица 1

Группировка работников, занятых по найму в организациях, по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости

Table 1

Grouping of Employees of Organizations by the Presence and Concentration of Indicators of Precarious Employment

Группа по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости (НЗ)		Характеристика группы
Группа I	Неустойчиво занятые	Имеются три – пять ключевых индикаторов НЗ и один и более из не ключевых индикаторов НЗ (С наиболее высокой концентрацией НЗ). Имеются один - два ключевых индикатора и один и более из не ключевых индикаторов НЗ (С высокой концентрацией НЗ). Имеются один - два ключевых индикатора НЗ (С умеренной концентрацией НЗ).
Группа II	Переходная группа	Имеются один и более из не ключевых индикаторов НЗ.*
Группа III	Устойчиво занятые	Отсутствуют индикаторы НЗ.

Индикаторы НЗ [17]:
 1. *Ключевые индикаторы:* 1.1. Занятость на основе устной договорённости без оформления документов; 1.2. Уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств (менее 3,9 ПМтр**); 1.3. Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; 1.4. Отсутствие оплачиваемого отпуска; 1.5. Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы;
 2. *Не ключевые индикаторы:* 2.1. Занятость на основе договора гражданско-правового характера; 2.2. Занятость на основе трудового договора (служебного контракта) на определённый срок (1 год и менее); 2.3. Задолженность по заработной плате; 2.4. Неофициальная (частично или полностью) заработная плата; 2.5. Отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы).

Источник: составлено автором.

* Из числа не ключевых индикаторов при проведении оценивания не учитывались индикаторы №2.1 и №2.2, т.к. их выявление затрудняет отсутствие необходимых данных в эмпирической базе, на которую опиралось исследование. По данным Росстата, на таких условиях занято менее 4 % работников. – См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2021 год // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 26.01.2023).

** ПМтр – прожиточный минимум трудоспособного населения.

Уровень заработной платы менее 3,9 ПМтр не позволяет домохозяйству работника выйти на нижнюю границу средних стандартов душевых денежных доходов (для среднестатистической семьи, при пропорциональной нагрузке на одного работающего и учёте экономии на совместном потреблении).

При определении уровня заработной платы работников учитывался прожиточный минимум трудоспособного населения за 2021 г., величина которого рассчитана на основе потребительской корзины [25].

экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹⁰ (далее – РМЭЗ), массивы по видам и домохозяйствам. На основе репрезентативных данных 30 волны (2021 г.) РМЭЗ была сформирована выборка (всего – 4 824 чел.), включающая занятых по найму в организациях (учи-

тывалась основная для работников занятость) в возрасте 15 лет и старше, для которых были получены количественные оценки согласно выработанной методологии.

Результаты исследования

Реализация в качестве занятости трудового потенциала работников, согласно полученным оценкам, зависит от его рассматриваемых характеристик (компонент) – уровня образования и оценки (состояния) здоровья (таблицы 2 и 3).

Выявлено, что качество занятости работников в разной степени характеризуется проявлениями

¹⁰ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Таблица 2

Распределение наёмных работников организаций с разным качеством занятости по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости в зависимости от уровня образования и оценки здоровья, 2021 г., %

Table 2

Distribution of Employees of Organizations with Different Quality of Employment by the Presence and Concentration of Indicators of Precarious Employment, Depending on the Level of Education and Health Assessment, 2021, %

		Уровень образования		
		Нет профессионального образования	Среднее профессиональное образование	Высшее образование, учёная степень
Группа I: Неустойчиво занятые*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	17,7	14,8	17,1
	Среднее	18,8	14,2	14,9
	Плохое и очень плохое	1,0	0,6	0,9
Группа II: Переходная группа*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	13,7	13,7	29,0
	Среднее	10,1	8,5	23,0
	Плохое и очень плохое	0,8	0,0	1,2
Группа III: Устойчиво занятые*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	9,8	9,8	36,7
	Среднее	6,4	6,7	29,7
	Плохое и очень плохое	0,0	0,3	0,6

Источник: оценка автора на основе данных 30 волны РМЭЗ.

* В % от численности группы.

её неустойчивости в зависимости от образования и здоровья работников (таблица 2). Так, доля работников без профессионального образования и со средним профессиональным образованием снижается по мере повышения качества занятости: от суммарно 37,5 % и 29,6 % среди неустойчиво занятых работников (Группа I) до 16,2 % и 16,8 % среди устойчиво занятых (Группа III). Напротив, представленность работников с образованием не ниже высшего растёт по мере повышения качества занятости: среди неустойчиво занятых (Группа I) их суммарная доля составляет 32,9 %, а среди устойчиво занятых (Группа III) она увеличивается до 67,0 %. Среди неустойчиво занятых (Группа I) также меньше доля работников, которые оценивают своё здоровье как хорошее или очень хорошее, – 49,6 % при 56,3 % в группе устойчиво занятых (Группа III), а доля работников с плохим или очень плохим здоровьем, напротив, выше – суммарно 2,5 % при 0,9 % для устойчиво занятых (Группа III).

Качество занятости, обусловленное профессионально-квалификационными характеристиками работников, как показали полученные оценки, ожидаемо различается в зависимости от уровня образования работников (таблица 3). При повышении уровня образования, требуемого для

имеющейся занятости, т.е. при переходе от группы 1 к группе 4, закономерно снижается представленность работников без профессионального образования (с 71,1 % до 4,3 % суммарно) и, напротив, повышается представленность работников с образованием не ниже высшего (с 7,5 % до 77,6 % суммарно).

Представленность работников со средним профессиональным образованием растёт по мере перехода от группы 1 (21,4 % суммарно) до группы 3, в которой она достигает максимума (38,7 % суммарно), т.к. именно занятость на рабочих местах, отнесённых к третьему квалификационному уровню (группа 3 работников), требует данного уровня образования. При переходе к группе 4 доля работников с таким уровнем образования ожидаемо снижается (до 18,1 % суммарно), т.к. для занятий, включённых в эту группу, требуется уже высшее образование и учёная степень.¹¹

Данные таблицы 3 также позволяют сделать вывод, что часть работников при реализации тру-

¹¹ См.: Общероссийский классификатор занятий: «ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введён в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст) (ред. от 18.02.2021). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=177953-0&req=doc&nd=DbWQcA&base=LAW&n=386337#CnS2UwSwTN6zap5t> (дата обращения: 26.01.2023).

Таблица 3

Распределение наёмных работников организаций разных профессионально-квалификационных групп в зависимости от уровня образования и оценки здоровья, 2021 г., %

Table 3

Distribution of Employees of Organizations of Different Professional Qualification Groups Depending on the Level of Education and Health Assessment, 2021, %

		Уровень образования		
		Нет профессионального образования	Среднее профессиональное образование	Высшее образование, учёная степень
Группа 1: работники с первым (наименьшим) уровнем квалификации*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	32,6	8,1	3,6
	Среднее	36,3	12,5	3,9
	Плохое и очень плохое	2,2	0,8	0,0
Группа 2: работники со вторым уровнем квалификации*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	25,8	15,3	9,1
	Среднее	26,3	13,9	7,3
	Плохое и очень плохое	1,5	0,4	0,4
Группа 3: работники с третьим уровнем квалификации*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	7,9	20,2	26,1
	Среднее	7,6	17,6	18,8
	Плохое и очень плохое	0,2	0,9	0,7
Группа 4: работники с четвёртым (высшим) уровнем квалификации*				
Оценка здоровья	Хорошее и очень хорошее	2,2	9,3	37,8
	Среднее	2,1	8,3	37,2
	Плохое и очень плохое	0,0	0,5	2,6

Источник: оценка автора на основе данных 30 волны РМЭЗ.

* В % от численности группы.

дового потенциала повысили/понижили качество своей занятости относительно возможного при том или ином уровне образования. Так, например, среди работников с третьим уровнем квалификации (группа 3) 38,7% имеют уровень образования (среднее профессиональное), который соответствует требуемому для имеющейся занятости. Остальные работники реализовали свой потенциал с понижением качества занятости (45,6%, имеют высшее образование или учёную степень, которые «избыточны» для текущей занятости, требующей среднего профессионального образования) или с повышением качества занятости (15,7%, не имеют профессионального образования, но заняты на рабочих местах, требующих среднего профессионального образования).

Среди работников с четвёртым уровнем квалификации (группа 4) большинство (77,6%) реализовали свой потенциал в соответствии с имеющимся уровнем образования (имеют образование не ниже высшего и заняты на рабочих местах, требующих соответствующего уровня образования), остальные (22,4%) реализовали потенциал с повышением качества занятости (не имеют выс-

шего образования, но заняты на высококвалифицированных рабочих местах).

При первом и втором уровне квалификации (группы 1 и 2) около 30–50% работников реализовали имеющийся потенциал (среднее профессиональное образование и выше) с понижением качества занятости – они заняты на рабочих местах, для которых данный уровень образования является «избыточным».

Работники, для которых выявлено, что они реализовали свой потенциал с понижением качества занятости относительно возможного при имеющемся уровне образования (уровень их образования «избыточен» для имеющейся занятости), по сути, не реализовали свой трудовой потенциал. По тем или иным причинам (качество полученного образования, наличие и качество рабочих мест в месте проживания работников, выбор места работы с учётом различных (семейных и т.д.) обстоятельств и пр.), он оказался не востребован. Работники, у которых уровень образования (1) соответствует требуемому для имеющейся занятости или (2) он «недостаточен», реализовали свой трудовой потенциал, при этом

вторые (благодаря опыту работы и др.) смогли реализовать его в занятости с более высоким качеством, чем предполагал их уровень образования.

Представленность в профессионально-квалификационных группах работников с разными оценками здоровья различается (таблица 3). Доля работников с хорошим или очень хорошим здоровьем при переходе от группы 1 до группы 3 увеличивается с 44,3% до 54,2% суммарно, в группе 4 их доля хотя и немного ниже (49,3% суммарно), но превышает отмеченную для группы 1. Более низкие показатели для группы 1, куда в частности включаются неквалифицированные рабочие, по сравнению с другими группами, могут объясняться занятостью преимущественно физическим трудом, что может сказываться на состоянии здоровья работников. Характер труда также может объяснять снижение доли имеющих «полярные» оценки здоровья (плохое или очень плохое) при переходе к группам с более квалифицированной занятостью. При этом при образовании не ниже высшего доля работников, имеющих плохое или очень плохое здоровье, повышается при переходе от группы 1 к группе 4, в которой она достигает максимального значения (2,6%), что может объясняться меньшей значимостью данной характеристики трудового потенциала работников для занятости преимущественно умственным трудом.

Рассмотрение качества занятости в изучаемых аспектах выявило, что в менее квалифицированных группах работников выше риски неустойчивой занятости, и, напротив, при повышении уровня квалификации возрастают шансы устойчивой

занятости (таблица 4). Так, в структуре групп работников по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости при переходе от группы с устойчивой занятостью (группа III) к группе с неустойчивой занятостью (группа I) доля работников из двух нижних профессионально-квалификационных групп – с первым (наименьшим) и вторым уровнем квалификации – возрастает в 5 и 2 раза, соответственно. Для двух верхних профессионально-квалификационных групп наблюдается обратная ситуация – их доля возрастает при переходе от группы неустойчиво занятых (группа I) к группе устойчиво занятых (группа III). Для работников с четвертым (высшим) уровнем квалификации их доля в структуре групп неустойчиво (20,4%) и устойчиво (47,2%) занятых различается более чем в 2 раза.

Среди неустойчиво занятых работников (Группа I) 58,1% составляют работники с первым и вторым уровнем квалификации. Занятость данных работников характеризуется низким качеством в связи с наличием и концентрацией проявлений неустойчивой занятости и определяется невысокой квалификацией. Среди устойчиво занятых (Группа III) 71,9% составляют работники с третьим и четвертым уровнем квалификации – их занятость отличается высоким качеством в связи с отсутствием проявлений неустойчивой занятости и более высоким уровнем квалификации.

В целом, как показывают полученные данные, более высокий уровень образования повышает шансы работников реализовать свой потенциал в

Таблица 4

Распределение наёмных работников организаций с разным качеством занятости по наличию и концентрации индикаторов неустойчивой занятости по профессионально-квалификационным группам, 2021 г., %

Table 4

Distribution of Employees of Organizations with Different Quality of Employment by the Presence and Concentration of Indicators of Precarious Employment by Professional Qualification Groups, 2021, %

Профессионально-квалификационная группа	Неустойчиво занятые* (Группа I)	Переходная группа* (Группа II)	Устойчиво занятые* (Группа III)
Группа 1: работники с первым (наименьшим) уровнем квалификации	8,5	0,8	1,7
Группа 2: работники со вторым уровнем квалификации	49,6	43,8	26,4
Группа 3: работники с третьим уровнем квалификации	21,5	20,5	24,7
Группа 4: работники с четвертым (высшим) уровнем квалификации	20,4	34,9	47,2

Источник: оценка автора на основе данных 30 волны РМЭЗ.

* В % от численности группы.

более квалифицированной занятости с меньшими рисками неустойчивой занятости.

Рассмотрение, как качество занятости, в котором воплощён трудовой потенциал работников, отражается в материальном положении домохозяйств работников, выявило следующее. Доля неустойчиво занятых при разном уровне квалификации является большой независимо от материального положения домохозяйств работников (таблица 5), что свидетельствует и подтверждает в целом большую распространённость неустойчивой занятости в России [15; 41; и др.]. При этом среди работников с устойчивым материальным положением домохозяйств доля неустойчиво занятых меньше, чем среди работников с неустойчивым материальным положением их домохозяйств.

В полярных группах по материальному положению домохозяйств работников доля неус-

тойчиво занятых снижается по мере повышения уровня квалификации работников: с 84,2% до 64,7% для работников с устойчивым материальным положением домохозяйств и с 99,4% до 83,7% для работников с неустойчивым материальным положением домохозяйств. Доля устойчиво занятых, возрастающая по мере повышения уровня квалификации, напротив, выше в группе работников с устойчивым материальным положением домохозяйств – от 5,3% до 24,7% при 0,6-10,4% для работников с неустойчивым материальным положением их домохозяйств. Как показали полученные данные (таблицы 2–3), шансы реализовать трудовой потенциал в устойчивой и более квалифицированной занятости повышаются с ростом уровня образования работников и улучшения их здоровья.

Таблица 5

Распределение наёмных работников организаций с разным материальным положением их домохозяйств в зависимости от наличия и концентрации индикаторов неустойчивой занятости и профессионально-квалификационной группы, 2021 г., %

Table 5

Distribution of Employees of Organizations with Different Financial Status of Their Households, Depending on the Presence and Concentration of Indicators of Precarious Employment and Professional Qualification Group, 2021, %

		Неустойчиво занятые (Группа I)	Переходная группа (Группа II)	Устойчиво занятые (Группа III)
Устойчивое материальное положение домохозяйств работников (с душевыми денежными доходами 3,1 ПМ и более**)				
Профессионально-квалификационная группа	Группа 1: работники с первым (наименьшим) уровнем квалификации*	84,2	10,5	5,3
	Группа 2: работники со вторым уровнем квалификации*	73,6	13,2	13,2
	Группа 3: работники с третьим уровнем квалификации*	72,4	12,7	14,9
	Группа 4: работники с четвёртым (высшим) уровнем квалификации*	64,7	10,6	24,7
Неустойчивое материальное положение домохозяйств работников (с душевыми денежными доходами менее 3,1 ПМ**)				
Профессионально-квалификационная группа	Группа 1: работники с первым (наименьшим) уровнем квалификации*	99,4	0,0	0,6
	Группа 2: работники со вторым уровнем квалификации*	93,9	3,4	2,7
	Группа 3: работники с третьим уровнем квалификации*	91,0	3,3	5,7
	Группа 4: работники с четвёртым (высшим) уровнем квалификации*	83,7	5,9	10,4

Источник: оценка автора на основе данных 30 волны РМЭЗ.

* В % от численности группы.

** При определении уровня душевых денежных доходов учитывался прожиточный минимум в среднем на душу населения за 2021 г., величина которого рассчитана на основе потребительской корзины [25].

Выводы

Проведённое исследование показало, что уровень образования и оценки (состояние) здоровья как характеристики трудового потенциала работников влияют на качество их занятости и через него – на уровень жизни домохозяйств работников.

Выявлено, что с повышением уровня образования снижаются риски низкого качества занятости работников и нарастания проявлений в ней неустойчивой занятости (таблица 2), а также повышаются шансы на более квалифицированную занятость (таблица 3). При этом, как показали полученные данные, влияние уровня образования на качество занятости более выражено, чем влияние здоровья, рассматриваемого через субъективные оценки работников.

Реализовав свой потенциал в занятости с определёнными профессионально-квалификационными характеристиками, работники получают разные шансы на занятость без признаков её неустойчивости (таблица 4). Выявлено, что доля работников из двух нижних профессионально-квалификационных групп (такая занятость нередко сопряжена с недоиспользованием/растрачиванием потенциала работников) в 2–5 раз выше среди работников с низким качеством занятости (неустойчиво занятых) относительно находящихся на другом «полюсе» качества занятости (устойчиво занятых). Доля работников из верхней профессионально-квалификационной группы (среди которых доминируют работники с образованием не ниже высшего), напротив, среди устойчиво занятых более чем в 2 превышает их долю среди неустойчиво занятых.

Обеспеченное, с учётом реализации трудового потенциала, качество занятости работников отражается в уровне жизни их домохозяйств (таблица 5). Как показало исследование, шансы работников вывести домохозяйства в устойчивое материальное положение по денежным доходам (не менее 3,1 ПМ) выше при устойчивой занятости, и они возрастают по мере повышения профессионально-квалификационных характеристик. Среди работников из домохозяйств с неустойчивым материальным положением по денежным доходам (менее 3,1 ПМ) выше доля отличающихся концентрацией индикаторов неустойчивой занятости (в числе которых и не обеспечивающий устойчивого материального положения уровень заработной платы), которая нарастает по мере снижения профессионально-квалификационных характеристик. В группе работников с устойчивым материальным положением выше доля устойчиво занятых и она нарастает с повышением уровня квалификации работников.

В ходе исследования установлено, что реализация трудового потенциала (уровня образования) работников нередко сопряжена с его «недоиспользованием» (таблица 3): уровень образования работников «избыточен» относительно требуемого на занимаемых рабочих местах. В группах, различающихся по качеству занятости (в разных профессионально-квалификационных группах), доля таких работников может варьировать от около 30 % до около 50 % (в основном, это наблюдается в трёх нижних профессионально-квалификационных группах). Они, по сути, не реализовали свой потенциал, и качество их занятости ниже, чем могло бы быть при их уровне образования. Кроме того, для них существуют риски растрачивания накопленного потенциала в менее квалифицированной занятости.

Выявленная ситуация отражает имеющую место не только в России, но и в мире проблему – т.н. «квалификационной ямы» (skills mismatch – несоответствие квалификаций), не соответствия уровня квалификации выполняемой работе.¹² Данная проблема конкретизируется и в несоответствии профиля образования выполняемой работе [42]. Согласно данным Росстата, только у порядка 42–52 % занятых (2020 г.) с профессиональным (средним и высшим) образованием работа соответствует полученной специальности, остальные выполняют работу близкую (18–23 %) или не соответствующую (40–25 %) полученной специальности.¹³ Всё это свидетельствует о неэффективном распределении человеческого потенциала и угрозах его развитию.

Исследование также подтвердило, что неустойчивая (прекарная) занятость в целом является достаточно распространённой (таблица 5), отражая сложившуюся неблагоприятную ситуацию с качеством занятости в нашей стране [15–16; 41; и др.], как по уровню заработной платы, который не позволяет работникам обеспечить их домохозяйствам устойчивости материального положения, так и по другим проявлениям низкого качества занятости (неофициальное оформление занятости и др.). Неустойчивая занятость несёт риски для качества и уровня жизни работников и их домохозяйств, для развития трудовых ресурсов, снижая стимулы для развития трудового потенциала работников.

Обозначенные проблемы, зафиксированные по состоянию на 2021 г., в новых условиях раз-

¹² Массовая уникальность. Глобальный вызов в борьбе за таланты / BCG, 2019. 56 с.; Fixing the Global Skills Mismatch // BCG, 2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/fixing-global-skills-mismatch> (дата обращения: 03.02.2023); и др.

¹³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020 // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 03.02.2023).

вития нашей страны после 2022 г. могут только обостриться. Для снижения угроз формированию и развитию трудового потенциала, повышения эффективности его реализации, а также повышения качества занятости и уровня жизни работников и их домохозяйств необходимо:

- Расширение возможностей развития трудового потенциала работников (с учётом возраста, состояния здоровья, компетенций и пр.) через повышение уровня их образования и квалификации, получение дополнительного профессионального образования и переподготовки для более эффективной его реализации в сфере занятости [42];

- Развитие «инфраструктуры» приложения труда для более гармоничной реализации трудового потенциала работников – содействие созданию новых рабочих мест для реализации неиспользованного потенциала работников (не только в сфере наёмного труда, но и в индивидуальном предпринимательстве и самозанятости) [32];

- Снижение масштабов неустойчивой занятости, что потребует признания «на официальном уровне» данной проблемы, выработки комплекса мер государственной политики по её снижению и инструментария мониторинга эффективности

реализации данных мер, в основу которых могут быть положены уже разработанные индикаторы идентификации неустойчивой занятости [15; 17];

- Повышение эффективности дифференциации заработной платы работников через повышение роли в ней сложности труда, качества рабочей силы, что позволит снизить риски профессионально-квалификационного дисбаланса [42], а также риски низкого качества занятости в связи с не обеспечивающей устойчивого материального положения домохозяйств заработной платой;

- Повышение покупательной способности заработной платы и других доходов от занятости, душевых денежных доходов населения – в основу разработки и реализации соответствующего комплекса мер могут быть положены обоснованные социальные стандарты доходов, определяющие возрастающие нормативные границы моделей уровня жизни при переходе от бедности к высокой обеспеченности [41].

Необходимо продолжение исследований для получения более детальных данных о взаимосвязи качества занятости и уровня жизни с трудовым потенциалом работников (с расширением его характеристик (компонент).

Список литературы

1. Леонидова Г.В. Трудовой потенциал населения: методологические аспекты исследования // Вопросы территориального развития. 2013. № 7(7). С. 1–7.
2. Леонидова Г.В., Ивановская А.Л. Влияние качественных характеристик рабочих мест на уровень реализации трудового потенциала работников // Human Progress. 2021. Том 7. № 3. С. 11. DOI 10.34709/IM.173.11, EDN HZVBQBI
3. Соболева И., Маслова И., Белозерова С. Реализация трудового потенциала // Человек и труд. 2006. № 9. С. 17–21. EDN KUBRRJ.
4. Россошанская Е.А. Комплексная агент-ориентированная модель воспроизводства трудового потенциала муниципального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 124–137. DOI 10.15838/esc.2019.1.61.7, EDN YYGDKX
5. Егоршин А.П., Гуськова И.В., Троицкая А.А. Методика расчёта интегрального показателя трудового потенциала организации // Путеводитель предпринимателя. 2021. Том 14. № 2. С. 200–211. DOI 10.24182/2073-9885-2021-14-2-200-211, EDN OCCODI
6. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Влияние дестандартизации занятости на её качество: размышления по итогам академической дискуссии на VI Санкт-Петербургском международном форуме труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 3. С. 308–318. DOI 10.19181/Ispr.2022.18.3.3, EDN SOBQKM
7. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. Влияние уровня и качества занятости в поколенных группах на распределение трудоспособного населения по душевым денежным доходам // Социально-трудовые исследования. 2021. № 44(3). С. 8–20. DOI 10.34022/2658-3712-2021-44-3-8-20, EDN HAPWSF
8. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Павлова В.В. Официальная и неофициальная занятость в организациях: характеристики и влияние на уровень жизни домохозяйств // Труд и социальные отношения. 2021. Том 32. № 5. С. 16–29. DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-5-16-29, EDN NOBENA
9. Трудовое право: национальное и международное измерение. В 2 т. Т. 1: Общие проблемы современного трудового права / Под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М.: Норма. 2022. 608 с. ISBN 978-5-00156-211-5, DOI 10.12737/1842502
10. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости / Под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект, 2022. 256 с. ISBN 978-5-392-36600-2.
11. Черных Е.А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 3. С. 82–97. DOI 10.19181/Ispr.2020.16.3.7, EDN VTGOEM
12. New forms of employment / Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. 160 p. ISBN 978-92-897-1595-9. DOI 10.2806/688041

13. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects / International Labour Office. Geneva: ILO, 2016. 374 p. ISBN 978-92-2-130385-5.
14. Non-standard forms of employment: Recent trends and future prospects / Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 33 p. ISBN: 978-92-897-1631-4. DOI 10.2806/89003
15. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 342 с. ISBN: 978-5-406-00369-5.
16. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Low level and quality of life among economically active population: identification criteria and assessment of occurrence // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13, no. 5. P. 168-181. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.10, EDN KSSUSQ
17. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, Т.В. Иванова, Т.В. Чащина // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. №4. С. 502-520. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.4.7, EDN KWLGGN
18. От precarious занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1. DOI 10.55604/9785777708861
19. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6.
20. Кученкова А.В., Колосова Е.А. Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 288-305. DOI 10.14515/monitoring.2018.3.15, EDN XSWAUH
21. Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. 2018. №1 (93). С. 7-21. DOI 10.15838/ptd/2018.2.93.1, EDN YNUKHA
22. The Precarity Penalty: How Insecure Employment Disadvantages Workers and Their Families / W. Lewchuk, M. Lafleche, S. Procyk, Ch. Cook, D. Dyson, L. Goldring, K. Lior, A. Meisner, J. Shields, A. Tambureno, P. Viducis // Alternate Routes. 2016. Vol. 27. P. 87-108.
23. Eckelt M., Schmidt G. Learning to be precarious – The transition of young people from school into precarious work in Germany // Journal for Critical Education Policy Studies. 2015. Vol. 12, no. 3. P. 130-155.
24. Into the Vicious Cycle of Precarity: Labour Market, Precarious Work, Social Vulnerability and Youth: The case of Greece within the EU context / N. Papadakis, M. Drakaki, S. Saridaki, V. Dafermos // Advances in Social Sciences Research Journal. 2020. Vol. 7, No 12. P. 474-496. DOI 10.14738/assrj.712.9511
25. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России - 2021 год: [Монография]. Вып. 5(201) / В.Н. Бобков [и др.]; Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 114 с. ISBN 978-5-89697-398-0, DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022, EDN ANDDTL
26. Коваль П.К., Полбин А.В. Оценка потребительского поведения домохозяйств в РФ // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 98-117. DOI 10.32609/0042-8736-2022-3-98-117, EDN CFOMBM
27. Minchenko M.M., Nozdrina N.N. The dynamics of housing affordability for the population of Russia in 2008-2014 // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28, No. 2. P. 191-203. DOI: 10.1134/S1075700717020071
28. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3(31). С. 170-186. DOI 10.31737/2221-2264-2016-31-3-8, EDN WRKYZB
29. Mareeva S., Lezhnina Y. Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? // Studies of Transition States and Societies. 2019. Vol.11. No.2. P. 23-46.
30. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Л.Н. Овчарова, С.С. Бирюкова, Д.О. Попова, Е.Г. Варданян. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 35 с.
31. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир», 2014. 304 с. ISBN 978-5-7777-0575-4.
32. Средние классы в капиталистической России / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2019. 208 с. ISBN: 978-5-406-00366-4.
33. Гришина Е.Е. Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. 2018. № 3. С. 7-26. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-7-26, EDN YWNKGG
34. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // Мир новой экономики. 2021. №15 (2). С. 16-28. DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28, EDN RKHAKU
35. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends // Social Sciences: A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 53. No. 2. P. 22-41.
36. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 23-41. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8603, EDN ODXDAH
37. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на её масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. №12. С. 24-40. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40, EDN ALZPDV
38. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 3. С. 368-377. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.8, EDN ZPRAQA
39. Филиппова А.В., Колосницына М.Г. Оценка влияния детских пособий на бедность семей с детьми на основе многомерной пробит-модели // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 52. № 4. С. 62-90. EDN YPXQRV
40. Porova D., Navicke J. The probability of poverty for mothers after childbirth and divorce in Europe: The role of social stratification and tax-benefit policies // Social Science Research. 2019. Vol. 78. P. 57-70. DOI 10.1016/j.ssrresearch.2018.10.007
41. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Повышение качества занятости и привлекательности жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации // Труд и социальные отношения. 2022. Том 33. № 6. С. 5-17. DOI 10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17, EDN XTGIXV
42. Соболева И.В. Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Том 5. № 3. С. 989-1008. DOI 10.18334/ecsec.5.3.114898, EDN QJTPCB

Информация об авторе:

Елена Валерьевна Одинцова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Института экономики РАН.

(E-mail: odin_ev@mail.ru), (elibrary AuthorID: 999153), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>), (ResearchID: U-7061-2019).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

References

- Leonidova G.V. Trudovoi potentsial naseleniya: metodologicheskie aspekty issledovaniya. Voprosy territorial'nogo razvitiya = *Territorial development issues*. 2013;7(7):1-7. (In Russ.)
- Leonidova G., Ivanovskaya A. Impact of quality characteristics of workplaces on the level employment realization the potential of workers. *Human Progress*. 2021;7(3):11. DOI 10.34709/IM.173.11 (In Russ.)
- Soboleva I., Maslova I., Belozerova S. Realization of labor potential. *Chelovek i trud = Human and labor*. 2006;(9):17-21. (In Russ.)
- Rossoshanskaya E.A. Integrated agent-based model of labor potential reproduction of a municipal formation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(1):124-137. DOI 10.15838/esc.2019.1.61.7 (In Russ.)
- Yegorshin A.P., Guskova I.V., Troitskaya A.A. Method of calculating the integral indicator the labor potential of the organization. *Putevoditel' predprinimatel'ya = Entrepreneur's Guide*. 2021;14(2):200-211. DOI 10.24182/2073-9885-2021-14-2-200-211 (In Russ.)
- Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Impact of Employment De-Standardisation on its Quality: Reflections on Academic Discussion at the VI St. Petersburg International Labour Forum. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):308-318. DOI 10.19181/lspr.2022.18.3.3 (In Russ.)
- Bobkov V.N., Odintsova E.V., Bobkov N.V. The impact of the level and quality of employment in generational groups on the distribution of the working-age population by per capita income. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*. 2021;44(3):8-20. DOI 10.34022/2658-3712-2021-44-3-8-20 (In Russ.)
- Bobkov V.N., Odintsova E.V., Pavlova V.V. Official and unofficial employment in organizations: characteristics and impact on the living standard of households. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labour and Social Relations*. 2021;32(5): 16-29. DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-5-16-29 (In Russ.)
- Golovina S.Y., Lyutov N. L. (eds.) Trudovoe pravo: nacional'noe i mezhdunarodnoe izmerenie [Labor law: National and international dimension]. Moscow: Norma; 2022. Vol. 1: Obshchie problemy sovremennogo trudovogo prava [General problems of modern labor law]. 608 p. ISBN 978-5-00156-211-5. DOI 10.12737/1842502 (In Russ.)
- Lyutov N.L., Chernykh N.V. (eds.) Trudovye otnosheniya v usloviyah razvitiya nestandartnykh form zanyatosti: monografiya [Labor relations in the conditions of development of non-standard forms of employment: monograph]. Moscow: Prospect; 2022. 256 p. ISBN 978-5-392-36600-2 (In Russ.)
- Chernykh E.A. The Quality of Platform Employment: Unstable (Precarious) Forms, Regulatory Practices, Challenges for Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(3):82-97. DOI 10.19181/lspr.2020.16.3.7 (In Russ.)
- New forms of employment. Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2015. 160 p. ISBN 978-92-897-1595-9. DOI 10.2806/688041
- Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. International Labour Office. Geneva: ILO; 2016. 374 p. ISBN 978-92-2-130385-5.
- Non-standard forms of employment: Recent trends and future prospects. Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2018. 33 p. ISBN: 978-92-897-1631-4. DOI 10.2806/89003
- Bobkov V.N., ed. Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, ocenivanie i vektor sokrashcheniya [Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, evaluation and reduction]. 2nd ed., ster. Moscow: KNORUS; 2019. 342 p. ISBN: 978-5-406-00369-5. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Odintsova E.V. Low level and quality of life among economically active population: identification criteria and assessment of occurrence. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(5):168-181. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.10
- Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., Chashchina T.V. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502-520. DOI 10.19181/lspr.2022.18.4.7 (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., ed. Ot prekarnoj zanyatosti k prekarizacii zhizni [From precarious employment to precarization of life]. Moscow: Ves' mir Publishing House; 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1. DOI 10.55604/9785777708861 (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., ed. Prekarnaya zanyatost: istoki, kriterii, osobennosti [Precarious employment: origins, criteria, features]. Moscow: The Whole World Publishing House; 2021. 400 p. ISBN 978-5-7777-0852-6. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V., Kolosova E.A. Differentsiatsiya rabotnikov po kharakteru neustoichivosti ikh zanyatosti. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2018;(3):288-305. DOI 10.14515/monitoring.2018.3.15 (In Russ.)
- Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Precarious Employment as a Barrier to Effective Implementation of Employment Potential. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2018;1(93): 7-21. DOI 10.15838/ptd/2018.2.93.1 (In Russ.)
- Lewchuk W., Lafleche M., Procyk S., Cook Ch., Dyson D., Goldring L., Lior K., Meisner A., Shields J., Tambureno A., Viducis P. The Precarity Penalty: How Insecure Employment Disadvantages Workers and Their Families. *Alternate Routes*. 2016;(27):87-108.

23. Eckelt M., Schmidt G. Learning to be precarious – The transition of young people from school into precarious work in Germany. *Journal for Critical Education Policy Studies*. 2015;12(3):130-155.
24. Papadakis N., Drakaki M., Saridaki S., Dafermos V. Into the Vicious Cycle of Precarity: Labour Market, Precarious Work, Social Vulnerability and Youth: The case of Greece within the EU context. *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2020;7(12):474-496. DOI 10.14738/assrj.712.9511
25. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (eds.) Monitoring dohodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2021 god: [Monografiya]. [Monitoring of incomes and living standards of the population of Russia – 2021]. Vol. 5 (201). Moscow: FCTAS RAS. 2022. 114 p. ISBN 978-5-89697-398-0. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-398-0.2022 (In Russ.)
26. Koval P.K., Polbin A.V. Estimates of household's consumer behavior in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(3):98-117. DOI 10.32609/0042-8736-2022-3-98-117 (In Russ.)
27. Minchenko M.M., Nozdrina N.N. The dynamics of housing affordability for the population of Russia in 2008–2014. *Studies on Russian Economic Development*. 2017;28(2):191-203. DOI 10.1134/S1075700717020071
28. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of income inequality in contemporary Russia. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2016;3(31):170-186. DOI 10.31737/2221-2264-2016-31-3-8 (In Russ.)
29. Mareeva S., Lezhnina Y. Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? *Studies of Transition States and Societies*. 2019;11(2):23-46.
30. Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O., Vardanyan E.G. Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-h godov do nashih dnei [The level and profile of poverty in Russia: from the 1990s to the present day]. Moscow: HSE; 2014. 35 p. (In Russ.)
31. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) Bednost' i bednye v sovremennoj Rossii [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: The Whole World Publishing House; 2014. 304 p. ISBN 978-5-7777-0575-4. (In Russ.)
32. Bobkov V.N., ed. Srednie klassy v kapitalisticheskoy Rossii [Middle classes in the Capitalist Russia]. 2nd ed., ster. Moscow: KNORUS; 2019. 208 p. ISBN: 978-5-406-00366-4. (In Russ.)
33. Grishina E.E. Different Aspects of Poverty Among Families with Children. *EKO = ECO*. 2018;(3):7-26. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-7-26 (In Russ.)
34. Bobkov V.N., Odintsova E.V. The Material Well-being of Russians: Intergenerational Differentiation. *Mir novoi ekonomiki = The world of new economy*. 2021;15(2):16-28. DOI 10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28 (In Russ.)
35. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Social Sciences: A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2022;53(2):22-41.
36. Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. In-work poverty in Russia: how determinants have changed over the 20 years? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(4):23–41. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8603 (In Russ.)
37. Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Y. Chronic poverty: What affects its level and severity? *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(12):24-40. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40 (In Russ.)
38. Grishina E.E., Tsatsura E.A. The Influence of Social Protection on the Poverty in Russian Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):368-377. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.3.8 (In Russ.)
39. Philippova A., Kolosnitsyna M. Child benefits' impact on poverty: Multivariate probit estimates. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*. 2018;52(4):62-90. (In Russ.)
40. Popova D., Navicke J. The probability of poverty for mothers after childbirth and divorce in Europe: The role of social stratification and tax-benefit policies. *Social Science Research*. 2019;(78):57-70. DOI 10.1016/j.ssresearch.2018.10.007
41. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Improving the quality of employment and life appeal in the regions as a problem of economic security of the Russian Federation. *Trud i sotsial'nye otnosheniya = Labor and social relations*. 2022;33(6):5-17. DOI 10.20410/2073-7815-2022-33-6-5-17 (In Russ.)
42. Soboleva I.V. Professionalno-kvalifikatsionnyy disbalans kak vyzov ekonomicheskoy i sotsialnoy bezopasnosti. *Ekonomicheskaya bezopasnost = Economic security*. 2022;5(3):989-1008. DOI 10.18334/ecsec.5.3.114898 (In Russ.)

Information about the authors:

Elena V. Odintsova – PhD in Economics, Leading Researcher of the Sector of Socio-Economic Research of Quality and Standard of Living at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

(E-mail: odin_ev@mail.ru), (elibrary AuthorID: 999153), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>), (ResearchID: U-7061-2019).

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья
УДК 332.1
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_112_124
EDN: [TAXFPF](#)

Обоснование создания туристско-рекреационного кластера для развития трудового потенциала территории

Марина Викторовна Симонова

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия, (m.simonova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>)

Аннотация

В статье выполнен анализ трудового потенциала территории с точки зрения возможностей его развития в результате формирования туристско-рекреационного кластера в Прибрежной зоне р. Волга Безенчукского района Самарской области и прилегающих территорий. С этой целью были проведены исследования востребованности туристских услуг в муниципальном районе и в целом по Самарской области, состояния трудового потенциала муниципалитета в разрезе потребностей туристической отрасли, выполнена оценка возможностей развития трудового потенциала, положения Самарской области на рынке туристической инфраструктуры Приволжского федерального округа. Для оценки трудового потенциала и востребованности туристических услуг использовались официальные статистические данные, дополненные оперативными данными. Основные результаты исследования позволяют прогнозировать возможности развития туристско-рекреационного кластера территории, что служит стимулирующим фактором для создания рабочих мест, закрепления трудовых ресурсов, развития трудового потенциала. Перспективы развития обоснованы изменением тенденций в туристических приоритетах, снижением спроса на международный туризм, ростом внутреннего туризма. Безенчукский район является достаточно новым направлением для организованного туризма в Самарской области, обладающим уникальным природным потенциалом, Васильевские острова и Александровская пойма является традиционным местом стихийного туризма, связанного с рыболовством и палаточным отдыхом. Развитие туристического кластера требует организационных и управленческих решений как со стороны коммерческого сектора, так и со стороны государственных структур, формирования условий сотрудничества с участниками туристско-рекреационного кластера. Развитая система образования Самарской области, богатые исторические, природные и культурные традиции создают основу для проектирования концепции туристско-рекреационного кластера и развития трудового потенциала территории.

Ключевые слова: трудовой потенциал, трудовые ресурсы, маятниковая миграция, туристско-рекреационный кластер, туризм, развитие территории, туристические услуги

Благодарность: Исследование выполнено в рамках НИР № 26-21 (МК 2-21р) «Разработка мастер-плана и обосновывающих архитектурных концепций по инвестиционному проекту создания туристского кластера "Васильевские острова" на территории муниципального района Безенчукский Самарской области», в Самарском государственном экономическом университете

Для цитирования: Симонова М.В. Обоснование создания туристско-рекреационного кластера для развития трудового потенциала территории // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 112–124. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_112_124

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_112_124
EDN: [TAXFPF](#)

Justification for the Creation of a Tourist and Recreational Cluster for the Development of the Labor Potential of the Territory

Marina V. Simonova

Samara State University of Economics, Samara, Russia, (m.simonova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>)

Abstract

The article analyzes the labor potential of the territory from the point of view of the possibilities of its development as a result of the formation of a tourist and recreational cluster in the coastal zone of the river. Volga Bezenchuksky district of the Samara region and adjacent territories. For this purpose, studies were carried out on the demand for tourist services in the municipal district and in the Samara region as a whole, the state of the labor potential of the municipality in the context of the needs of the tourism industry, an assessment was made of the possibilities for developing labor potential, the position of the Samara region in the tourist infrastructure market of the Volga Federal District. To assess the labor potential and the demand for tourism services, official statistics were used, supplemented by operational data. The main results of the study make it possible to predict the possibilities for the development of the tourist and recreational cluster of the territory, which serves as a stimulating factor for creating jobs, securing labor resources, and developing labor potential. Development prospects are justified by changing trends in tourism priorities, a decrease in demand for international tourism, and an increase in domestic tourism. Bezenchuksky district is a fairly new direction for organized tourism in the Samara region, which has a unique natural potential, Vasilevsky Islands and Aleksandrovskaya floodplain is a traditional place for spontaneous tourism associated with fishing and camping. The development of the tourism cluster requires organizational and managerial decisions both on the part of the commercial sector and on the part of government agencies, the formation of conditions for cooperation with participants in the tourism and recreational cluster. The developed education system of the Samara region, rich historical, natural and cultural traditions create the basis for designing the concept of a tourist and recreational cluster and developing the labor potential of the territory.

Keywords: labor potential, labor resources, pendulum migration, tourist and recreational cluster, tourism, territory development, tourist services

Acknowledgments: The study was carried out as part of research work No. 26-21 (МК 2-21r) "Development of a master plan and substantiating architectural concepts for the investment project for the creation of the Vasilyevsky Islands tourist cluster in the Bezenchuksky municipal district of the Samara Region", at the Samara State University of Economics.

For citation: Simonova M. V. Justification for the Creation of a Tourist and Recreational Cluster for the Development of the Labor Potential of the Territory. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 112–124. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_9_112_124

Введение

Одним из драйверов социально-экономического развития территорий является развитие туризма в регионах Российской Федерации [1,2]. Трудовой потенциал имеет выраженную региональную специфику, обусловленную разницей природного, промышленного, культурного потенциала территорий, которые обуславливают направления и ключевые элементы социально-экономического развития и в то же время, задают тренды формирования элементов трудового потенциала [3]. Проектирование основных кластеров территории, создающих динамику региональной экономики, включает обязательный элемент анализа и обоснования человеческих и трудовых ресурсов региона [4]. Это взаимозависимый процесс, обусловленный совокупностью основных компонентов регионального планирования, в состав которых входят трудовые ресурсы и определение потребности в необходимом уровне трудового потенциала [5]. Изменение векторов развития туристической отрасли Российской Федерации, связанное сначала с пандемией, а затем с и масштабными санкциями, серьезно повлияло на туристическую отрасль, в которой происходят структурные изменения как туристических маршрутов, так и инвестиционных программ [6]. Это требует формирования сбалансированных стратегических проектов развития не только самой туристической отрасли, но и связанных с ней видов деятельности, образующих кластер [7].

Самарская область обладает значительным природным, историческим и культурным потенциалом для развития туризма. Человеческий потенциал региона обусловлен развитой системой образования и востребованностью в ключевых отраслях региона, в которых туристическая отрасль стала заметным и востребованным видом деятельности, обеспеченным профильными образовательными программами и достаточно мобильной коммерческой инфраструктурой. Туристический потенциал территории начал формироваться только в постсоветские годы в силу закрытости области в советский период и находится пока на стартовых позициях, охватывающих только самые заметные точки роста. Остаются в неразвитом состоянии многие уникальные места Самарской области, к которым относится и Безенчукский район, который является одним из

значимых муниципальных образований региона. В муниципальном районе проводится активная социально-экономическая политика, что позволяет повысить его инвестиционную привлекательность и эффективно реализовывать инвестиционные проекты. Расположение Безенчукского района в юго-западной части Самарской области на пологом берегу реки Волга способствует развитию логистической транспортной инфраструктуры и туристической привлекательности. На территории района расположено множество природных и исторических достопримечательностей: 7 особо охраняемых природных территорий регионального значения, в которую входят традиционные зоны отдыха жителей соседних крупных городских агломераций, это Васильевские острова, Александровская пойма, озеро Бобровое, Генковские лесополосы, Майтуганские солонцы, Урочище «Макарка», Сосновая роща. Особо охраняемая природная территория (ООПТ), памятник природы регионального значения «Васильевские острова» – архипелаг островов, омывается с обеих сторон рекой Волгой, это одно из красивейших мест Самарской луки с живописными ландшафтами, богатейшей флорой и фауной. Однако трудовой потенциал территории имеет тенденцию к снижению в силу несбалансированного состояния занятости, снижения численности населения малых населённых пунктов, ограниченности образовательных структур и недостатков в проведении культурно-просветительских мероприятий [8]. Обладая таким природным потенциалом, на территории района можно развивать популярные виды экологического и культурно-познавательного туризма, что послужит толчком для создания рабочих мест, сокращения оттока молодежи из малых населённых пунктов области, развития трудового потенциала [9]. Развитие туризма сопряжено с необходимостью согласования интересов разнородных заинтересованных сторон, организаций, групп населения, государственных и коммерческих структур, для чего можно предложить использование проектно-целевого подхода при создании и развитии нового вида деятельности на территории. На начальном этапе разработки проекта необходима разработка концепции, видения его основных параметров и возможностей развития, в соответствии с чем целью настоящего исследования стало обоснование создания

туристско-рекреационного кластера (ТРК) «Васильевские острова» для развития трудового потенциала в Прибрежной зоне сельского поселения (с.п.) Екатериновка Безенчукского района и прилегающих территорий ООПТ. Гипотезой исследования стало предположение, что обоснование концепции создания туристско-рекреационного кластера и позволит способствовать развитию трудового потенциала, для чего необходим анализ и обоснование исходных данных состояния трудового потенциала территории, востребованности туристических услуг в регионе, бенчмаркинг конкурентной среды. Объектом исследования стал трудовой потенциал зоны создания туристско-рекреационного кластера «Васильевские острова», предмет исследования – социально-трудовые отношения, возникающие в процессе создания туристско-рекреационного кластера и создающие предпосылки развития трудового потенциала территории. Актуальность создания туристского кластера (ТК) «Васильевские острова» на территории муниципального района Безенчукский Самарской области обосновывается потребностью в развитии трудового потенциала территории, необходимостью сокращения оттока молодежи из муниципального района, создания новых рабочих мест на основе культурно-исторических традиций, привлечения туристического потока в регион. Формирование концепции туристского кластера, включающей развитие трудового потенциала, является первым этапом исследования эффективности развития туристического кластера «Васильевские острова». Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящей работе проведено комплексное исследование и обоснование концепции создания туристско-рекреационного кластера на природной территории с использованием его природных и культурных ценностей, что будет являться основой для формирования трудового потенциала. Практическая значимость состоит в использовании результатов исследования при разработке стратегии развития Безенчукского района.

Методология

В ходе научного исследования предполагается применение человеко-ориентированного подхода к прогнозированию трудового потенциала на основе развития эколого- и социокультурных систем территориального планирования. Для этого в исследовании будет выполнен анализ численности и структуры населения и востребованности туристических услуг в зоне развития туристического кластера «Васильевские острова» для дальнейшей разработки среднесрочных и долгосрочных планов развития территории. Ана-

лиз трудового потенциала Безенчукского района Самарской области выполнен с учетом возможных структурных и качественных дисбалансов соответствия трудовых ресурсов целям и задачам развития туристического кластера «Васильевские острова». С учетом этого в ходе исследования должны будут выделены критерии и ориентиры создания рабочих мест туристического кластера, направления развития профессиональной подготовки для эффективного и сбалансированного кадрового обеспечения и развития трудового потенциала территории.

Использованные данные

Информационную базу исследования составили статистические и маркетинговые исследования на основе официальных данных и интернет-ресурсов, социологические опросы населения и основных стейкхолдеров, проведение стратегических сессий, экспедиций на территории кластера, а также рекомендации Агентства стратегических инициатив и Ассоциации самых красивых деревень России по созданию туристских кластеров на особо охраняемых природных территориях. В процессе формирования концепции туристско-рекреационного кластера в Прибрежной зоне с.п. Екатериновка Безенчукского района и прилегающих территорий ООПТ были проведены маркетинговые исследования востребованности туристских услуг, состояния трудового потенциала муниципалитета в разрезе потребностей туристической отрасли, положения Самарской области на рынке туристической инфраструктуры Приволжского федерального округа.

Оценка востребованности и обеспеченности туристических услуг была проведена на основании анализа официальных статистических и оперативных данных и позволяют оценить фактическую численность туристов, определить наиболее привлекательные для туристов места на территории региона.

Результаты исследования. Предпосылки создания туристско-рекреационного кластера

Безенчукский район расположен на юго-западе Самарской области на низменном пологом левом берегу реки Волга. Входит в состав Самарско-Тольяттинской агломерации, крупнейшей среди нестоличных агломераций России (> 2,7 млн человек)¹. На территории района расположены 7 ООПТ регионального значения. Население кластера около 2,4 тыс. человек. Ключевая локация

¹ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

территории кластера – ООПТ памятник природы регионального значения «Васильевские острова» (5 077,9 га) – архипелаг островов, омывается с обеих сторон р. Волгой, это одно из красивейших мест Самарской луки с живописными ландшафтами, богатейшей флорой и фауной. Концепция туристического кластера «Васильевские острова» должна обеспечивать баланс трудовых ресурсов местного населения, внешнего и внутреннего миграционного потока, природных, культурных и исторических компонентов. В прибрежных зонах ООПТ необходимо создание туристической и обеспечивающей инфраструктуры, комфортной как для местных жителей, так и для туристов. Это могут быть сезонные и всепогодные объекты для активного отдыха с экологической направленностью, рыбалки, охоты, историко-культурного туризма для увеличения туристического потока как регионального, так и межрегионального характера. Можно выделить следующие предпосылки создания туристического кластера на прибрежной территории Безенчукского района Самарской области:

- Транспортная доступность, обеспеченная всеми видами транспорта, удобная логистика, расположение в непосредственной близости от федеральных маршрутов как для автомобильного, так и для железнодорожного, авиационного и речного транспорта;
- Сочетание протяжённых природных зон отдыха в пойме реки Волга и близости крупной Самарско-Тольяттинской агломерации, наличие действующей туристической инфраструктуры и географического положения региона создают уникальную экосистему, привлекательную для инвестиций;
- Богатое историческое, культурное наследие с большим количеством сохранившихся архитектурных и археологических памятников;
- Действующая туристическая инфраструктура с высоким потенциалом развития при увеличении туристического потока.

Таким образом, можно констатировать наличие значимых предпосылок создания туристического кластера «Васильевские острова», имеющего потенциал развития в курортную зону регионального и межрегионального значения, что даст импульс роста трудового потенциала региона [10].

Оценка востребованности туристических услуг Самарской области и в зоне формирования туристического кластера «Васильевские острова»

Данные официальной статистики по динамике рынка туристических услуг дают несколько ограниченные возможности для анализа, однако они представляют собой необходимую базу под-

тверждённых показателей [11]. Приволжский федеральный округ по туристической привлекательности пока уступает другим регионам с давними туристическими традициями, но начинает уверенно конкурировать по туристическому потоку, который можно оценить по обеспеченности отелями, гостиницами, домами отдыха, турбазами и проч., которые в совокупности в статистической отчётности обозначены как коллективные средства размещения и показывает наличие инфраструктурных объектов временного проживания в регионе. Положение Самарской области по развитости туристической отрасли по сравнению с другими регионами в округе можно оценить, сопоставив число мест для размещения с их заполняемостью, количеством ночёвок и количеством человек (рисунок 1).

Самарская область занимает третье место среди других регионов Приволжского федерального округа по количеству мест размещения, но по величине разрыва между количеством мест и количеством ночёвок она находится на втором месте после Республики Татарстан, в остальных регионах наблюдается существенный разрыв в количестве мест и количестве ночёвок, имеется нереализованный инфраструктурный потенциал, позволяющий наращивать туристический поток. Наиболее активные темпы роста количества размещённых лиц со значительным отрывом от остальных регионов округа за последние 10 лет также наблюдается в Республике Татарстан, который в два-три раза опережает другие регионы округа (рисунок 2).

В большинстве регионов округа за 10 допандемийных лет практически не наблюдается тенденций к росту количества размещённых лиц при наличии мест для коллективного размещения, кроме Республики Татарстан, что свидетельствует о пассивной политике регионов в сфере внутреннего туризма. Такая ситуация не может удовлетворить растущие потребности населения в сфере туризма и ввод в действие дополнительных средств размещения не компенсирует отсутствие комплекса маркетинговых и управленческих действий.

Туристический поток в Самарской области почти в два раза превышает количество размещённых лиц в коллективных средствах размещения, что характеризует потенциальную ёмкость рынка туристической инфраструктуры региона, показывает достаточно высокую численность неорганизованных туристов и возможность роста заполняемости отелей при повышении качества сервиса (рисунок 3). Сочетание маркетингового продвижения туристических возможностей региона с разработкой целевых программ и проектов частно-государственного финансирования

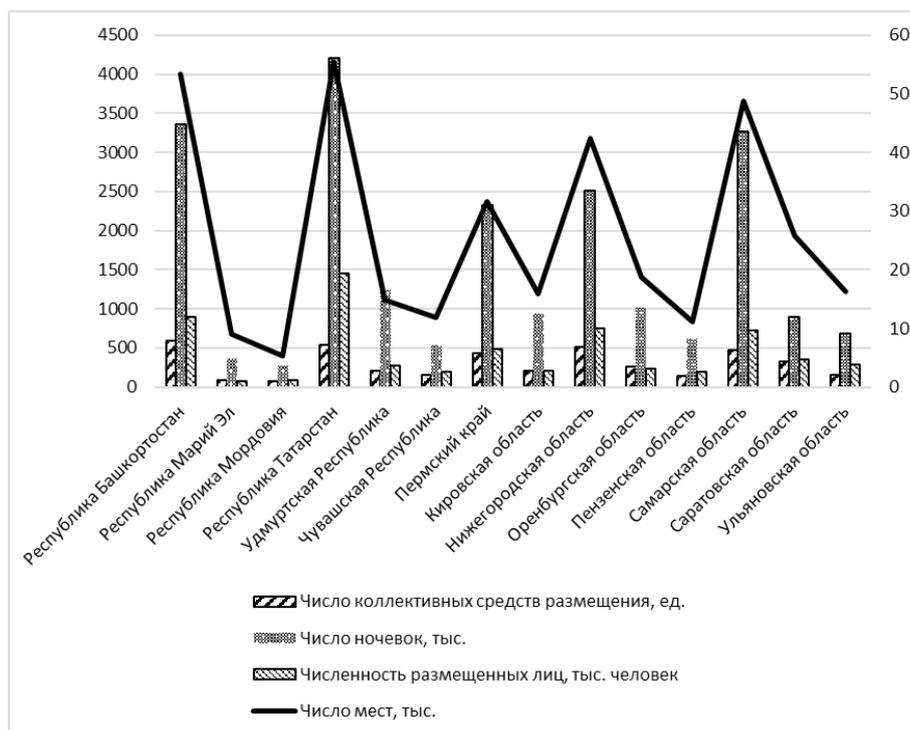

Рисунок 1. Заполняемость коллективных средств размещения в Приволжском федеральном округе в 2021 г.

Figure 1. Occupancy Rate of Collective Accommodation Facilities in the Volga Federal District in 2021

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

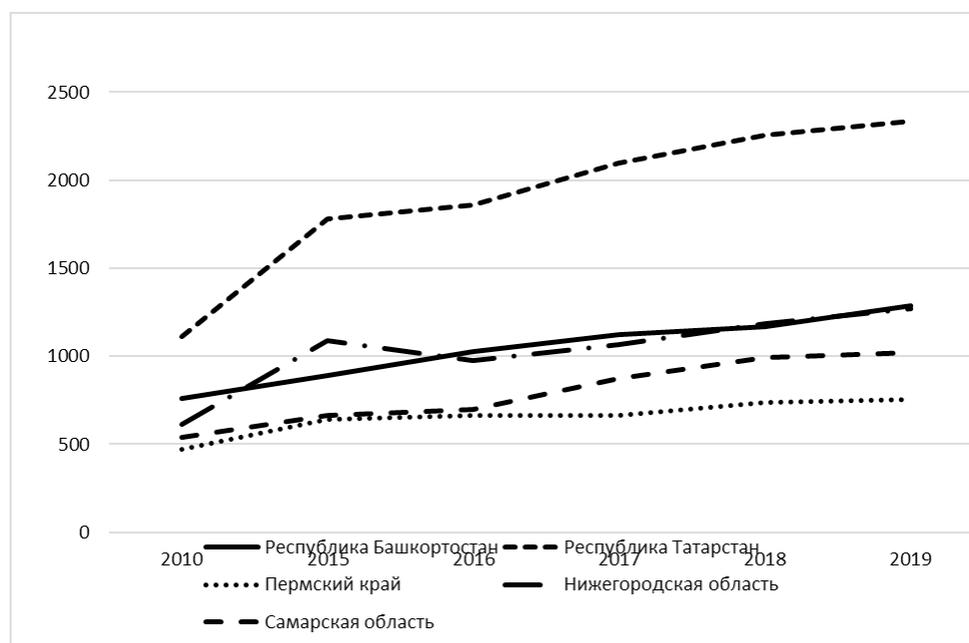

Рисунок 2. Динамика количества размещённых лиц в коллективных средствах размещения в пяти лидирующих регионах в Приволжском федеральном округе, человек

Figure 2. Dynamics of the Number of Persons Accommodated in Collective Accommodation Facilities in the Five Leading Regions in the Volga Federal District, Persons

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

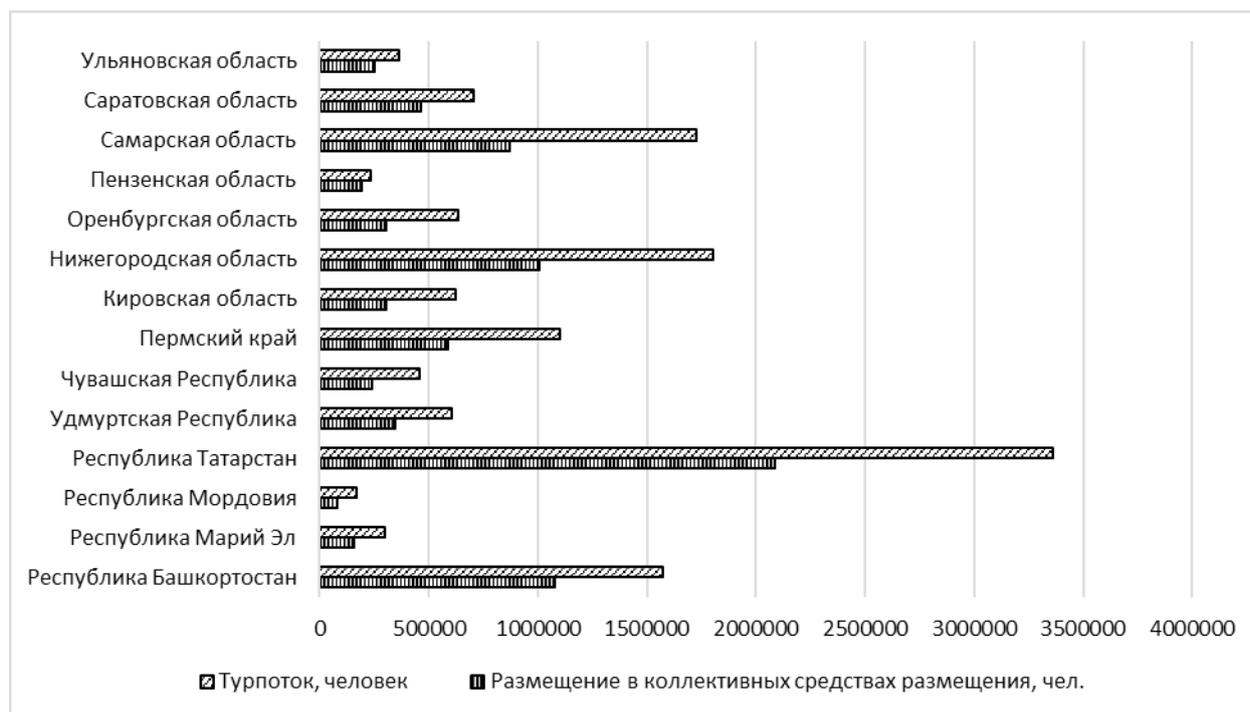

Рисунок 3. Сравнение численности размещённых лиц в коллективных средствах размещения и турпотока в Приволжском федеральном округе, человек, январь-октябрь 2022 год, человек
 Figure 3. Comparison of the Number of People Accommodated in Collective Accommodation Facilities and the Tourist Flow in the Volga Federal District, People, January-October 2022, People

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения 27.11.2022 г.).

позволит максимально реализовать позиционирование Самарской области как туристического региона с уникальными природными богатствами, развитой промышленностью и богатым культурно-историческим наследием. Количество коллективных средств размещения в зоне туристического кластера «Васильевские острова» и прилегающие к ним районы показывают недостаточную развитость этой сферы (рисунок 4). Оценка структуры коллективных средств размещения и количества размещённых лиц в них показывает две противоположные тенденции в целом по Безенчукскому району и по селу Екатериновка, как основному поселению кластера.

Если в целом в Безенчукском районе наблюдается рост как количества мест размещения, так и число мест в них, то в с. Екатериновка при сокращении числа коллективных мест размещения происходит рост количества мест в средствах размещения, то есть происходит укрупнение отелей и турбаз. Особенностью расположения туркластера «Васильевские острова» является достаточно высокая востребованность местности как дачного поселения, многие горожане имеют здесь дополнительные к городским квартирам места

проживания, которые используются только в летний сезон или периодически в течение всего года (рисунок 5). Экспертные оценки турпотока имеют диапазон количественных оценок, который на диаграмме показан в виде параметров «от» и «до».

Маятниковая миграция характеризуется периодическими перемещениями людей без изменения постоянного места жительства, однако по продолжительности такое временное проживание может продолжаться до полугода [12]. Такое распределение показывает высокую востребованность зоны туристического кластера как места для продолжительного отдыха и летнего пребывания, в отличие от размещения на турбазах, в которых продолжительность проживания редко длится больше недели. Покупка дома с участком не является приоритетным направлением для многих горожан в силу высокой стоимости такого рода собственности и налагаемой гражданской ответственности за собственность. Предложения для продолжительного пребывания на территории туркластера отсутствуют и представляют собой маркетинговую и инвестиционную нишу для восполнения спроса.

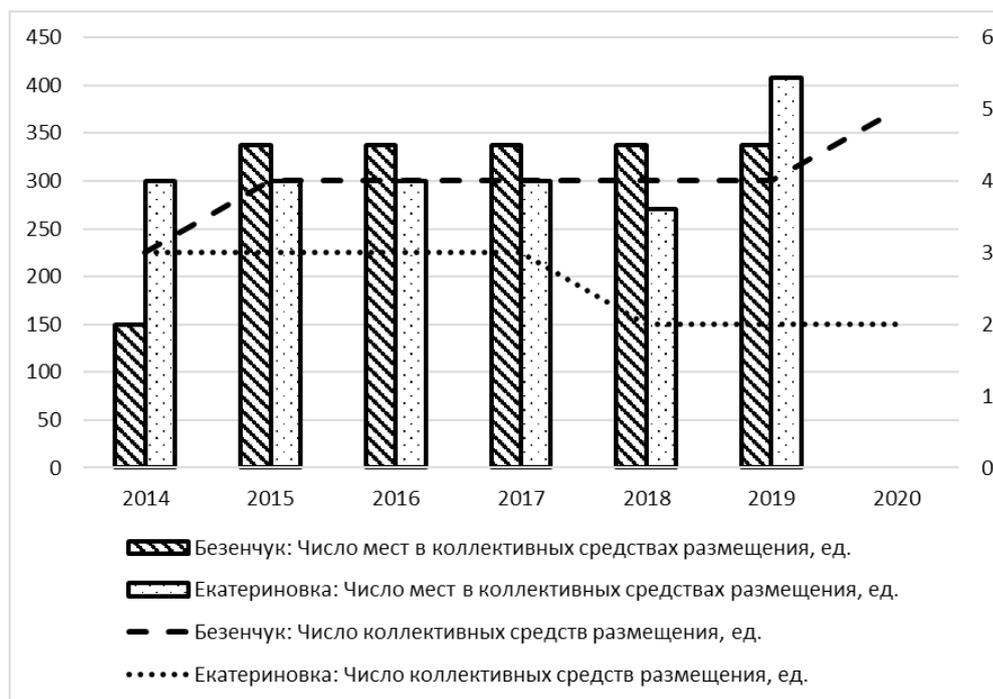

Рисунок 4. Коллективные средства размещения в зоне, прилегающей к туристическому кластеру «Васильевские острова»

Figure 4. Collective Accommodation Facilities in the Area Adjacent to the Vasilyevsky Islands Tourist Cluster

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

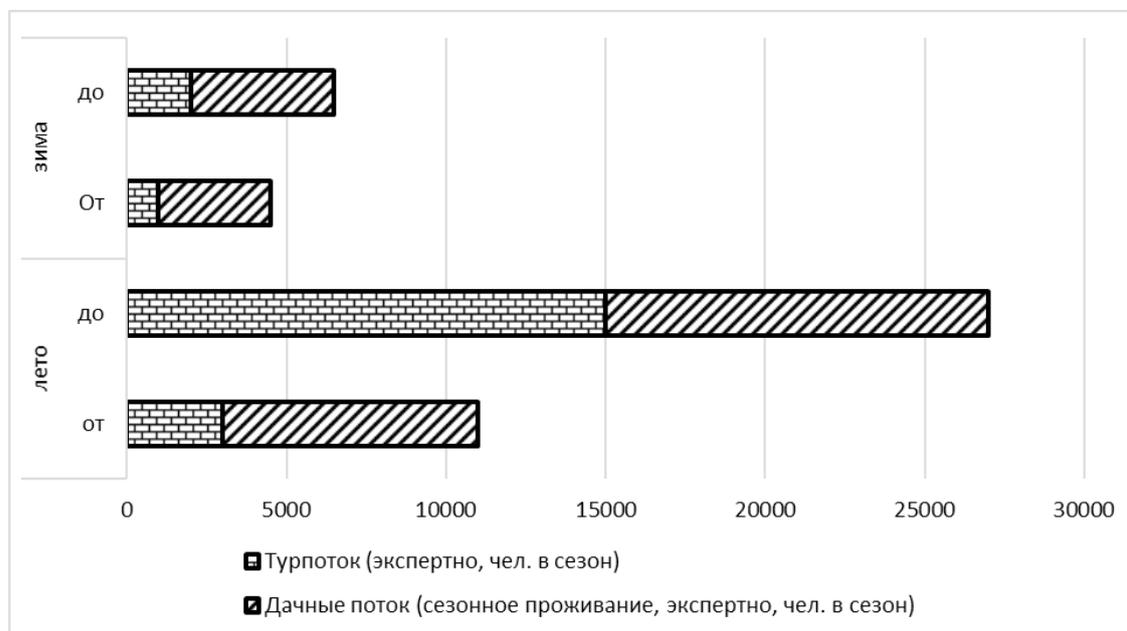

Рисунок 5. Сезонная структура местных жителей и маятниковых мигрантов, имеющих другое место жительства в зоне ТК «Васильевские острова» (экспертный опрос)

Figure 5. Seasonal structure of local residents and commuting migrants who have a different place of residence in the zone of the Vasilyevsky Islands TC (expert survey)

Источник: разработано автором.

Наблюдается высокая сезонность организованного турпотока, ограниченное количество турбаз могут предложить размещение круглый год (таблица 1).

В таблице 1 представлены характеристики основных представителей туристического кластера «Васильевские острова», которые в то же время являются и наиболее типичными потребительскими портретами, от комфортабельного отдыха со всеми удобствами и высоким уровнем сервиса (Парк-отель «Васильевский») до среднего сегмента (база отдыха «Аква-хаус», база отдыха «Луговое») и эко-туризма (Турбаза «На Васильевских островах») с минимальным воздействием человека на природу. Потенциал развития представленных средств размещения достаточно высокий и в силу объективных причин уникального местоположения и в силу инициативности и инвестиционных возможностей собственников объектов, который в настоящее время используется не в полной мере.

Трудовой потенциал Безенчукского района

Анализ численности населения Безенчукского района, к которому относится Туристический кластер «Васильевские острова», позволяет оценить структуру населения района по принадлежности к городским и сельским поселениям и к половозрастным группам населения. Соотношение городского и сельского населения на протяжении последних 15 лет остается практически неизменным с незначительной общей тенденцией к сокращению (рисунок 6).

Достаточно значительное сокращение постоянного населения в с.п. Екатериновка, являющейся культурным и территориальным центром туристического кластера, является существенным негативным фактором с точки зрения перспектив развития населенного пункта. Недостаток рабочих мест, неразвитая транспортная инфраструктура, отсутствие перспектив у молодого поколения, приводит к оттоку населения. Происходит старение населения при достаточно высокой ро-

Таблица 1

Потенциал развития наиболее востребованных мест отдыха в зоне туркластера «Васильевские острова»*

Table 1

Potential for the Development of the Most Sought-after Holiday Destinations in the Area of the Vasilyevsky Islands Tourist Cluster*

		Парк-отель «Васильевский»	База отдыха «Аквахаус»	База отдыха «Луговое»	Турбаза «На Васильевских островах»
Заполняемость (чел. в сезон)	На 1 день (без ночевой)	1000	150	60	-
	1-2 ночи	13993	100	460	20
	Более 2-х ночей	1861	1-2	4	-
Количество человек в сезон (диапазон)		2000-15000	200-300	300-600	0-30
Сезонность (продолжительность сезона)		всесезонное	всесезонное	Июнь-сентябрь	Июль-август
Потенциальная вместимость с учетом новой инфраструктуры		20000	600	800	50
Типичная продолжительность пребывания (дней, от-до)		1-5	1-2	1-2	1-2
Персонал штат./сезонный (чел)		92/нет	5/5	3/5-8	1
Доходы (тыс. руб. в сезон)				500-800	

* Источник: разработано автором (экспертный опрос).

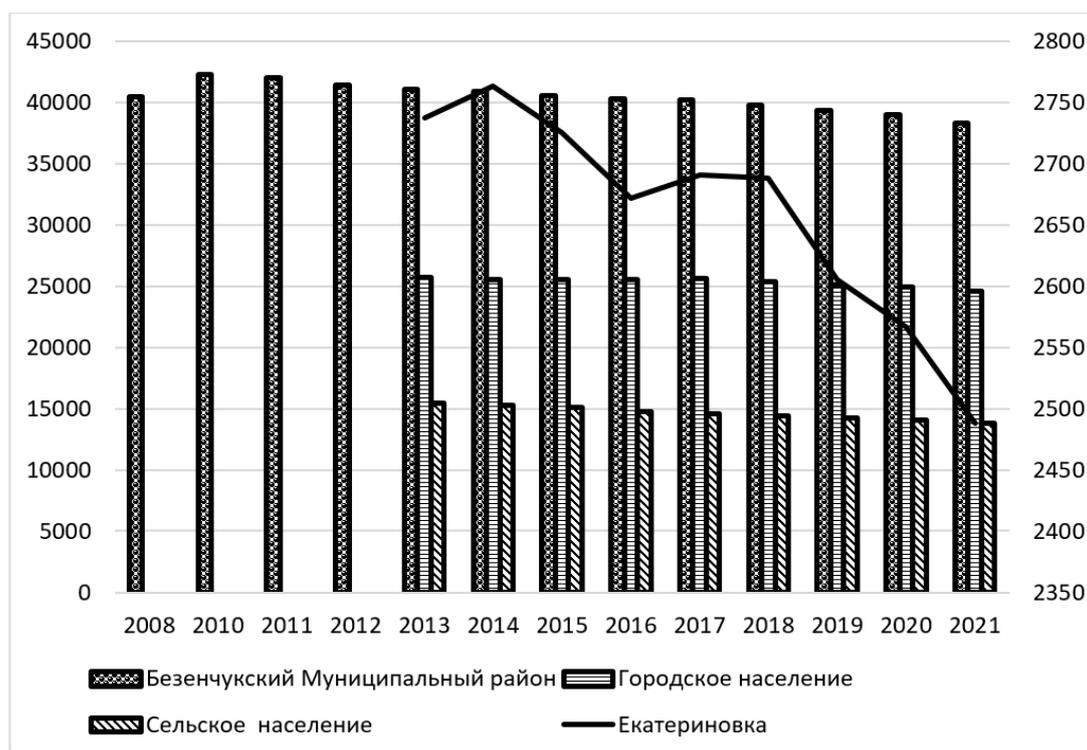

Рисунок 6. Численность и структура городского и сельского населения Безенчукского района и ТК «Васильевские острова», человек

Figure 6. The Number and Structure of the Urban and Rural Population of the Bezenchuksky District and the Vasilyevsky Islands Shopping Mall, People

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

ждаемости, что видно по возрастной группе от 0 до 17 лет. Высокая доля населения до 29 лет в районе показывает необходимость принятия срочных мер по перспективному удержанию молодых людей на малой родине, что становится возможным только при комплексном решении наличия рабочих мест и культурно-досуговой составляющей [13]. В целом динамика количества населения в трудоспособном возрасте имеет устойчивую тенденцию к снижению, так как основную массу населения в этом возрасте составляют представители малочисленного поколения 20–40 летних людей (рисунок 7).

В среднесрочной перспективе ожидается увеличение количества населения старше трудоспособного возраста, что требует поиска возможностей адекватного вовлечения опытных и трудоспособных людей в активную жизнь с использованием гибких форм занятости. Развитие туристического кластера позволит найти работу людям разных возрастных категорий и разных форм занятости. Оценка гендерной структуры жителей Безенчукского района, имеющей не-

значительное преобладание женщин, позволяет прогнозировать востребованность рабочих мест в туристическом кластере, которые имеют привлекательность как для женской, так и для мужской части населения. При общей тенденции к сокращению населения наблюдается устойчивое соотношение женщин и мужчин в районе, что соответствует характеру возможных к созданию рабочих мест в рамках развития инфраструктуры туристического кластера.

Активизация туристического потока через точки притяжения кластера в виде интересных туристических объектов, новых туристических маршрутов, событийных и творческих мероприятий, объединенных экологической и культурно-исторической концепцией, позволит сохранить и приумножить трудовой потенциал территории [14]. Значительный интерес к территории можно проследить по данным маятниковой миграции, которая имеет в основном сезонный характер и в большой степени характеризует дикий туризм и отдых на природе, имеющие неорганизованный характер. При применении проектно-целевого

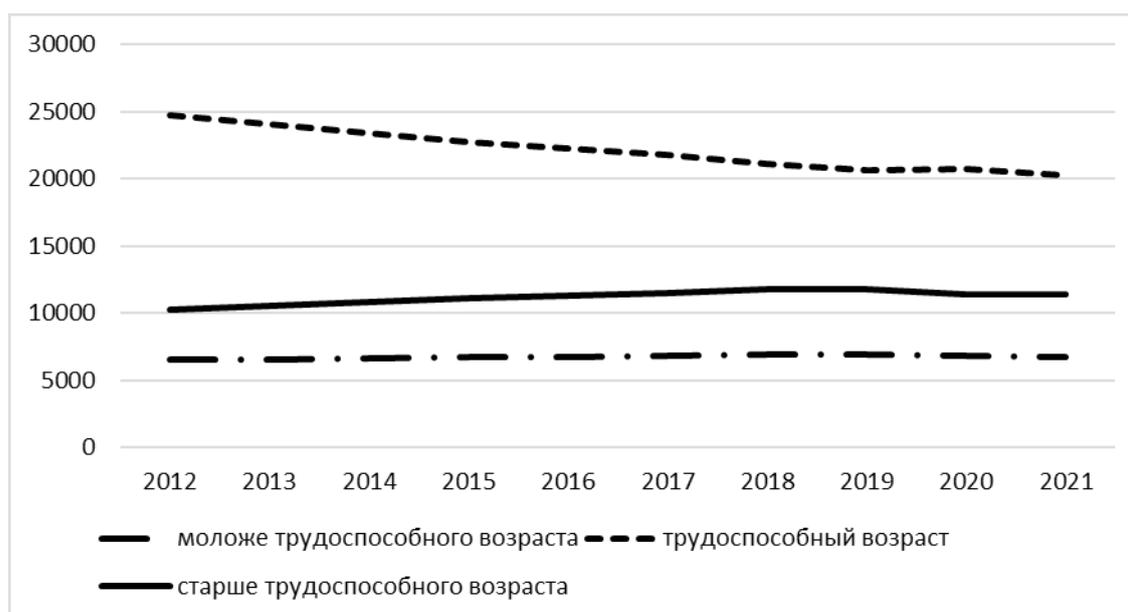

Рисунок 7. Численность трудовых ресурсов Безенчукского района по укрупнённым группам населения, человек

Figure 7. The Number of Labor Resources of the Bezenchuksky District by Enlarged Groups of the Population, People

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

подхода возможно перевести часть маятниковой миграции в организованный туристический поток, что приведёт к росту трудового потенциала зоны туристического кластера. Сокращение зарубежного туризма даёт возможность увеличения миграционных потоков по типу маятниковой миграции, для летнего проживания ближе к природе и внутреннего туризма (рисунок 8).

В целом миграционный поток имеет тенденцию к снижению по всем направлениям. 2020 г. не является характерным в силу пандемийных ограничений, однако несмотря на значительное снижение количественных показателей, даже в 2020 г. внутрирегиональная и внешняя для региона миграция не показывала нулевых значений, а по оперативным данным 2021 г. существенно превзошла допандемийный уровень. Безенчукский район для жителей Самары и Тольятти является достаточно новым направлением для туризма, что требует активной маркетинговой политики для активизации туризма в этом районе. Перспективным направлением развития туризма для этого района является рыболовный, охотничий, эко туризм в силу наличия уникальных природных мест для охоты и рыбалки, перспективным является также развитие креативных кластеров в сфере гастро-туризма, национальных ремёсел, сохранения культурно-исторического наследия.

Проведённые исследования подтвердили гипотезу, что развитие туристического кластера в прибрежной зоне р. Волга Безенчукского района имеет высокий потенциал развития, который будет являться импульсом развития трудового потенциала муниципального образования, имеющим в настоящее время стагнирующие тенденции. Население в возрасте 45–60 лет, имеющие значительную долю в демографической структуре района, является наиболее активными потребителями туристических услуг в сфере охоты и рыболовства. Причём, они достаточно терпимы к уровню сервиса. Это может быть позитивным фактором для текущих продаж, но негативным для развития туристского бизнеса. Особенностью данных категорий населения является явное предпочтение российских курортов, в том числе за счёт отсутствия опыта зарубежных поездок и невозможности сравнения.

В контексте формирования бренда ТК «Васильевские острова» необходимо делать акценты на креативную часть трудового потенциала и дополнительно включать в целевые аудитории творческие личности, предпринимателей и инвесторов, представителей государственной и региональной власти [15]. В рамках событийного туризма следует рассмотреть привлечение творческих личностей как субъектов ТРК: организаторов и участников различных мероприятий в области

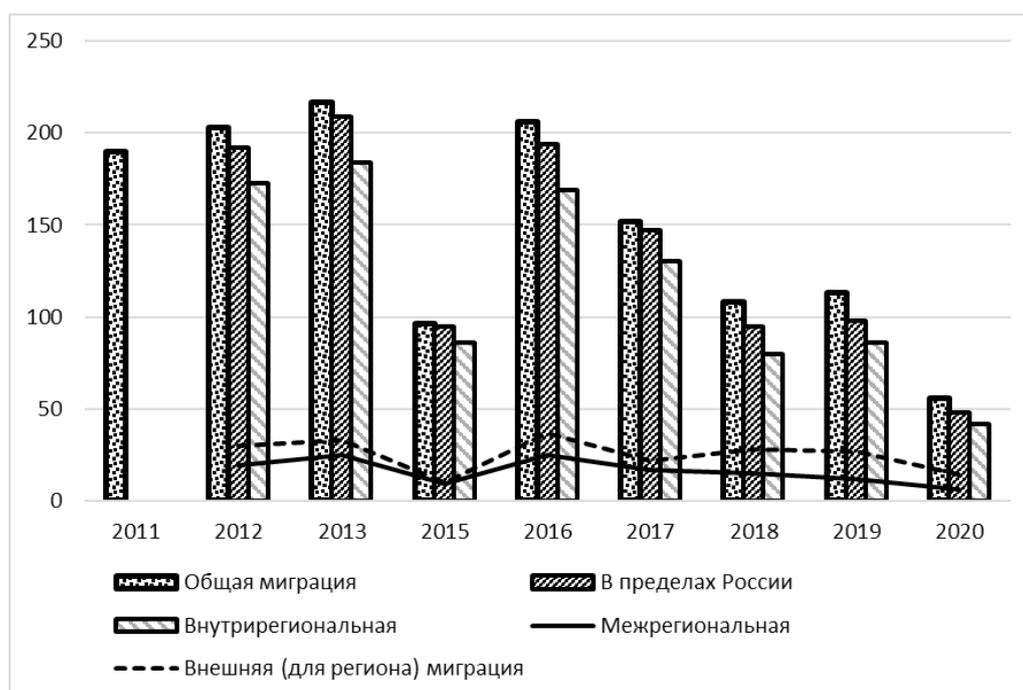

Рисунок 8. Структура миграционных потоков в Безенчукском районе, человек
 Figure 8. Structure of Migration Flows in the Bezenchuksky District, People

Источник: разработано автором по данным российской статистики: Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 03.02.2022).

культурно-исторического, архитектурного и художественного творчества [16]. ТК «Васильевские острова» можно воспользоваться положительным опытом проведения различного рода культурных мероприятий в Самарской области и целесообразно продолжить сложившиеся традиции, что становится особенно популярным среди молодого поколения.

Деловой туризм получил широкое распространение до начала ковидных ограничений и возможности для проведения корпоративных мероприятий на природе становятся более актуальными ввиду продолжения этой ситуации на неопределённую перспективу, что необходимо учитывать при формировании инфраструктуры, туристских продуктов и услуг на территории ТК «Васильевские острова». Представители государственной и региональной власти также могут быть рассмотрены как целевая аудитория ТК «Васильевские острова», поскольку реализация масштабного проекта предполагает привлечение инвестиций из федерального и регионального бюджетов, а значит в целом должна соответствовать направлениям развития государственной политики по социально-экономическому развитию, формированию спроса на внутренний туризм и другим целям и задачам различных уровней.

Выводы

В ходе проведённых исследований был выполнен анализ статистических данных, характеризующих востребованность туристических услуг в Самарской области и потенциал развития туристического кластера «Васильевские острова» в Безенчукском районе Самарской области, показавший высокий потенциал развития в силу естественных, природных, географических условий, имеющих высокую привлекательность, наличия высокой доли населения в трудоспособном возрасте. Население прибрежной зоны р. Волга характеризуется наличием маятниковой миграции сезонного характера, позволяющей планировать переход к осёдлому образу жизни при наличии соответствующих условий, например при развитии туристического кластера. Приоритетным направлением развития трудового потенциала выделены сферы креативных кластеров, что подтверждается наличием богатых культурно-исторических традиций, архитектурных и археологических объектов.

Оценка трудового потенциала и туристических услуг проводилась с использованием официальных статистических данных и оперативных данных. Основные результаты исследования позволяют прогнозировать возможности развития туристско-рекреационного кластера территории,

что служит стимулирующим фактором для создания рабочих мест, закрепления трудовых ресурсов, развития трудового потенциала. Перспективы развития обоснованы изменением тенденций в туристических приоритетах, снижением спроса на международный туризм, ростом внутреннего туризма. Для развития туристического кластера необходимо продолжение научных исследований для обоснования развития территории и разра-

ботки организационных и управленческих механизмов управления туристско-рекреационным кластером с учётом развития трудового потенциала. Необходимо обоснование и разработка проектных решений, находящихся на стыке научных исследований по архитектурно-градостроительным решениям и экономического расчёта необходимых инвестиций для достижения целевых показателей.

Список литературы

1. Евдохина О.С. Развитие инфраструктуры отдыха и туризма как фактор социально-экономического развития муниципального района // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 225–231. DOI 10.34755/IROK.2020.63.80.258, EDN FVXGDO
2. Ермакова А.М. Рассмотрение туризма как точки роста социально-экономического развития муниципального образования // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2. DOI 10.55186/25876740_2022_6_2_19, EDN YIYWOU
3. Simonova M., Lyachenkov Y., Kostikova E. Regional Labor Market: Supply and Demand in the Context of Digitalization // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2021. P. 805–815. DOI 10.1007/978-3-030-47458-4_93, EDN CYSXYX
4. Свинухова Ю.Н. Трудовой потенциал как структурный элемент социально-экономического потенциала региона: факторы и механизмы наращивания // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4–2(86). С. 113–119. DOI 10.24412/2411-0450-2022-4-2-113-119, EDN CSGCNE
5. Курбанова У.А.И. Оценка трудового потенциала и его роль в развитии социально-экономического потенциала региона // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2020. Т. 35. № 4. С. 46–56. DOI 10.21779/2500-1930-2020-35-4-46-56, EDN DLEEYY
6. Цехла С.Ю., Плугарь Е.В. Развитие международного туризма: тенденции и социально-экономические процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 1. С. 38–47. DOI 10.37279/2309-7663-2021-7-1-38-47, EDN ZBHDJR
7. Салгириев Р.Р., Хубулова В.В., Шахгиреев И.У. Кластерный подход к пространственному становлению туризма как основного полюса устойчивого развития социально-экономической системы в регионе // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4(48). С. 164–168. DOI 10.37124/20799136_2021_4_48_164, EDN QIKNHZ
8. Bobkov V.N., Simonova M.V., Chernykh E.A. Platform Employment: From Unsustainable to Sustainable Development // Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. Lecture Notes in Networks and Systems, Samara, 27–29 апреля 2021 года. Samara: Springer Nature, 2021. P. 139–147. DOI 10.1007/978-3-030-83175-2_20, EDN BODBOD
9. Tourism specialization, economic growth, human development and transition economies: The case of Poland / R. Croes, J. Ridderstaat, M. Bağ, P. Zientara. // Tourism Management, 82. 2021. DOI 10.1016/j.tourman.2020.104181
10. Romão J. Variety, smart specialization and tourism competitiveness // Sustainability (Switzerland), 2020. 12(14), 1–13. DOI 10.3390/su12145765
11. Regional tourism clustering based on the three Ps of the sustainability services marketing matrix: An example of central and Eastern European countries / G. Kolveková, E. Liptáková, L. Štrba [и др]. // Sustainability (Switzerland), 2019. 11(2). DOI 10.3390/su11020400
12. Takahashi K. Tourism demand and migration nexus in small island developing states (SIDS): Applying the tourism demand model in the pacific region // Island Studies Journal, 2019. 14(1), 163–174. DOI 10.24043/isj.84
13. Romão J., Nijkamp P. Impacts of innovation, productivity and specialization on tourism competitiveness—a spatial econometric analysis on European regions // Current Issues in Tourism, 2019. 22(10), 1150–1169. DOI 10.1080/13683500.2017.1366434
14. Dax T., Zhang D., Chen Y. Agritourism initiatives in the context of continuous out-migration: Comparative perspectives for the Alps and Chinese mountain regions // Sustainability (Switzerland), 2019. 11(16). DOI 10.3390/su11164418
15. Ашутова Т.В., Желнина З.Ю. Стратегический проект «Креативный город – территория развития» как модель взаимодействия опорного университета и региона // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 116–126. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126, EDN ZAZDRB
16. The creative economy: an ethnographic framework for handcrafts in the Alto Solimões region of the Brazilian Amazon / J.F.Petry, A.G.F. Uchôa, M.B. de Mendonça [et al.]. // International Journal of Social Economics, 2020. 47(12), 1651–1667. DOI 10.1108/IJSE-04-2020-0262

Информация об авторе:

Марина Викторовна Симонова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом Института менеджмента Самарского государственного экономического университета, Самара, Россия

(E-mail: m.simonova@mail.ru), (elibrary AuthorID: 225111), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>),

(Research ID: S-9691-2018), (Scopus AuthorID: 56990446400)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

References

1. Yevdokhina O.S. Development of infrastructure for recreation and tourism as a factor in the socio-economic development of the municipal district. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki = Actual issues of the modern economy*. 2020;11:225-231, DOI 10.34755/IROK.2020.63.80.258 EDN FVXGDO (In Russ.)
2. Yermakova A.M. Consideration of tourism as a point of growth of socio-economic development of the municipality. *International Agricultural Journal*. 2022;65(2). DOI 10.55186/25876740_2022_6_2_19, EDN YIWYOU (In Russ.)
3. Simonova M., Lyachenkov Y., Kostikova E. Regional Labor Market: Supply and Demand in the Context of Digitalization. *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy*. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2021:805-815. DOI 10.1007/978-3-030-47458-4_93, EDN CYSXYX
4. Svinukhova YU.N. Labor potential as a structural element of the socio-economic potential of the region: factors and mechanisms of growth. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2022;2(86):113-119. DOI 10.24412/2411-0450-2022-4-2-113-119, EDN CSGCNE (In Russ.)
5. Kurbanova U.A.I. Assessment of labor potential and its role in the development of the regional socio-economic potential. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki*. 2020;35(4):46-56. DOI 10.21779/2500-1930-2020-35-4-46-56, EDN DLEEYY. (In Russ.)
6. Tsekhlа S.YU., Plugar E.V. Development of international tourism: trends and socio-economic processes. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. 2021;7(1):38-47. DOI 10.37279/2309-7663-2021-7-1-38-47, EDN ZBHDJR (In Russ.)
7. Salgiriyeв R.R., Hubulova V.V., Shahgiraev I.U. Cluster approach to the spatial development of tourism as the main pole of sustainable development of the socio-economic system in the region. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya = Economics of sustainable development*. 2021;4(48):164-168. DOI 10.37124/20799136_2021_4_48_164, EDN QIKNHZ. (In Russ.)
8. Bobkov V.N., Simonova M.V., Chernykh E.A.. Platform Employment: From Unsustainable to Sustainable Development. *Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality. Lecture Notes in Networks and Systems, Samara, 27–29 aprelya 2021 goda*. Samara: Springer Nature, 2021;139-147. DOI 10.1007/978-3-030-83175-2_20, EDN BODBOD.
9. Croes R., Ridderstaat J., Bąk M., Zientara P. Tourism specialization, economic growth, human development and transition economies: The case of Poland. *Tourism Management*. 2021;82, <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104181>
10. Romão J. Variety, smart specialization and tourism competitiveness. *Sustainability (Switzerland)*, 2020;12(14):1–13, <https://doi.org/10.3390/su12145765>
11. Kolveková G., Liptáková E., Štrba L., Kršák B., Sidor C., Cehlár M., ... Behún M. Regional tourism clustering based on the three Ps of the sustainability services marketing matrix: An example of central and Eastern European countries. *Sustainability (Switzerland)*, 2019;11(2), <https://doi.org/10.3390/su11020400>
12. Takahashi K. Tourism demand and migration nexus in small island developing states (SIDS): Applying the tourism demand model in the pacific region. *Island Studies Journal*, 2019;14(1):163–174, <https://doi.org/10.24043/isj.84>
13. Romão J., Nijkamp P. Impacts of innovation, productivity and specialization on tourism competitiveness—a spatial econometric analysis on European regions. *Current Issues in Tourism*, 2019;22(10):1150–1169, <https://doi.org/10.1080/13683500.2017.1366434>
14. Dax T., Zhang D., & Chen Y. Agritourism initiatives in the context of continuous out-migration: Comparative perspectives for the Alps and Chinese mountain regions. *Sustainability (Switzerland)*, 2019;11(16), <https://doi.org/10.3390/su11164418>
15. Ashutova T.V., Zhelnina Z.YU. Exhibition projects as a technology of educational activity of higher school. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher Education in Russia*. 2019;28(3):116-126. DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-3-116-126, EDN ZAZDRB (In Russ.)
16. Petry J.F., Uchôa A.G.F., Mendonça M.B. de, Magalhães K.deL., Benchimol R.M.B. The creative economy: an ethnographic framework for handicrafts in the Alto Solimões region of the Brazilian Amazon. *International Journal of Social Economics*. 2020;47(12):1651–1667, <https://doi.org/10.1108/IJSE-04-2020-0262>

Information about the author:

Marina V. Simonova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Human Resource Management, Institute of Management, Samara State University of Economics, Samara, Russia
 (E-mail: m.simonova@mail.ru), (elibrary AuthorID: 225111), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9662-9820>),
 (Research ID: S-9691-2018), (Scopus AuthorID: 56990446400)

The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 14.12.2022; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 331.5
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137
EDN: [VMXRZC](https://orcid.org/0000-0001-6522-3860)

Социально-трудовое положение самозанятых работников

Ирина Владимировна Воробьева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, (vorobyova.irina@list.ru), (https://orcid.org/0000-0001-6522-3860)

Аннотация

В статье проведён анализ социально-трудового положения самозанятых работников через призму следующих индикаторов: численность и социально-демографические характеристики, правовая определённость статуса, форма трудоустройства (официальная/неофициальная), уровень, «прозрачность» и стабильность оплаты труда, режим и интенсивность труда, наличие социальных льгот и гарантий.

Выявление особенностей социально-трудового положения самозанятых происходит на основе их сравнения со стандартно занятыми работниками, работающими на условиях бессрочного трудового контракта с работодателем. Исследование опирается как на теоретические подходы к определению самозанятости, так и на результаты статистических, аналитических отчётов и данных Всероссийского исследования «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества». На основе этих материалов автором выявлены важнейшие показатели социально-трудового положения самозанятых. Показано, социально-трудовое положение самозанятых (нестандартная занятость) по целому ряду основных характеристик хуже, чем положение у работающих по трудовым контрактам с работодателем (стандартная занятость), а в трудовой деятельности самозанятых широкое распространение получили такие негативные характеристики, как неофициальная и нестабильная занятость, невысокий и ненадёжный доход, сверхзанятость (переработка более 8 часов в день, работа в выходные и праздники), отсутствие социальных льгот и гарантий. Значительная часть самозанятых отстранена от государства, государственных дел, решений, политики, возможным следствием чего становятся: неудовлетворённость положением дел в стране, низкая политическая и гражданская ответственность, негативное институциональное и межличностное доверие.

Автором работы показано, что объективный анализ данных социально-трудового положения самозанятых усложняется вследствие отсутствия объективных данных о генеральной совокупности исследуемого объекта. Во-первых, наблюдается теоретическая и правовая неопределённость категории «самозанятый», а в большинстве исследований не разведены понятия «самозанятый», «индивидуальный предприниматель», «фрилансер». Во-вторых, самозанятость может выступать в качестве основной, вторичной и эпизодической трудовой деятельности. В-третьих, несмотря на предпринимаемые правительством меры, значительная часть самозанятых продолжает оставаться в теневой зоне рынка. При этом проведённое эмпирическое исследование раскрывает картину социально-трудового положения определённой части самозанятых работников и даёт представление об общих проблемах и тенденциях трудовой деятельности данной группы.

Ключевые слова: самозанятость, нестандартная занятость, неофициальная занятость, самозанятые, фрилансеры, прекаризация труда, прекариат

Для цитирования: Воробьева И.В. Социально-трудовое положение самозанятых работников // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. №1. С. 125–137. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137

RAR (Research Article)
DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137
EDN: [VMXRZC](https://orcid.org/0000-0001-6522-3860)

Social and Labor Status of Self-employed Workers

Irina V. Vorob'eva

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, (vorobyova.irina@list.ru), (https://orcid.org/0000-0001-6522-3860)

Abstract

The article analyzes the social and labor situation of self-employed workers through the prism of the following indicators: number and socio-demographic characteristics, legal certainty of status, form of employment (official/unofficial), level, "transparency" and stability of wages, mode and intensity of work, availability of social benefits and guarantees.

The identification of the features of the social and labor situation of the self-employed is based on their comparison with the standard employed workers working on the condition of an indefinite contract with the employer. The study is based both on theoretical approaches to the definition of self-employment, and on the results of statistical, analytical reports and data from the All-Russian study "The Precariat is a new phenomenon in the socio-economic structure of society." Based on these materials, the author identified the most important indicators of the social and labor status of the self-employed. It is shown that the social and labor situation of the self-employed (non-standard employment) is worse for a number of basic characteristics than the situation of those working under labor contracts with an employer (standard employment) and such negative characteristics as informal and unstable employment, low and unreliable income, overemployment (processing more than 8 hours a day, working on weekends and holidays), lack of social benefits and guarantees have become widespread in the work of the self-employed. A significant part of the self-employed are excluded from the state, public affairs, decisions, and politics, a possible consequence of which are: dissatisfaction with the state of affairs in the country, low political and civic responsibility, negative institutional and interpersonal trust.

The author of the work shows that the objective analysis of the data on the social and labor status of the self-employed is complicated due to the lack of objective data on the general population of the object under study. Firstly, there is a theoretical and legal uncertainty of the category of "self-employed", and in most studies the concepts of "self-employed", "individual entrepreneur", "freelancer" are not divorced. Secondly, self-employment can act as a primary, secondary and episodic work activity. Thirdly, despite the measures taken by the government, a significant part of the self-employed continues to remain in the shadow zone of the market. At the same time, the conducted empirical research reveals the picture of the social and labor situation of a certain part of self-employed workers and gives an idea of the general problems and trends in the labor activity of this group.

Keywords: self-employment, non-standard employment, informal employment, self-employed, freelancers, precarization of labor, precariat

For citation: Vorob'eva I. V. Social and Labor Status of Self-employed Workers. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No 1. P. 125–137. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_10_125_137

Введение

В последние годы всё большие масштабы приобретают нестандартные формы занятости, среди которых, в частности, выделяется самозанятость, предполагающая самостоятельное ведение трудовой деятельности и получение дохода без отношений найма с работодателем. Несмотря на развитие данной формы трудового устройства и увеличение численности самозанятых, эта часть рабочей силы сохраняет ряд проблем: недостаточная правовая урегулированность деятельности и статуса самозанятых, социально-правовая незащищённость, уход, а иногда и вытеснение значительной части самозанятых в неофициальную нелегальную сферу. Все указанные проблемы определяют актуальность исследования такой формы трудовой деятельности граждан.

Поскольку распространение самозанятости является общемировым трендом, проблемы этой формы трудовой деятельности освещаются в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Отмечаются масштабы её распространения [1; 2; 3], соотношение официальной и неофициальной самозанятости [4; 5], дифференциация и неравенство трудовых доходов самозанятых [6], вопросы добровольной и вынужденной самозанятости, условия и мотивация труда самозанятых [7; 8; 9; 10; 11; 12].

В научной литературе самозанятость обычно рассматривают как нестандартную занятость, на основе её противопоставления стандартному оформлению работника у работодателя на условиях трудового контракта [1]. Одной из первых наиболее значимых отечественных публикаций в этом направлении можно считать работу учёных НИУ «Высшая школа экономики» Гимпельсона В.Е., Капелюшникова Р.И. и др. [1], в которой, в том числе, были приведены теоретические подходы к самозанятости, данные статистической информации о данной группе и т. д.

Важные теоретические и эмпирические данные относительно самозанятых представлены в работе Голенковой З.Т., Голеусовой Т.И. и Гориной Т.И. [2]. Авторы помимо попытки осмысления базовых характеристик группы, анализируют масштабы распространения данной формы заня-

тости, правовое становление этого направления трудовых отношений.

Концептуальная информация в контексте изучаемой проблемы представлена в работе исследователей Черных Е.А. и Люхтиной Н.В. [13]. Авторы проводят анализ структуры самозанятых (по демографическим, отраслевым и иным признакам), соотносят самозанятость с близкими к ней формами: фрилансем, платформенной занятостью и т. п.

В исследованиях Стребкова Д.О., Шевчука А.В., посвящённых анализу трудовой деятельности фрилансеров [14; 15] анализируются преимущества и недостатки свободного графика фрилансеров. Авторами делается вывод, что нестандартный график работы часто ведёт к дисбалансу между отдыхом и работой и смещению этих сфер, в ряде случаев усложняя социально-трудовое положение работника, и даже способствуя его прекаризации.

В последние годы появляется ряд региональных исследований, посвящённых вопросам развития самозанятости как средства адаптации работников к рынку труда и преодоления риска безработицы в конкретных регионах РФ, анализируется социальное самочувствие самозанятых граждан [16; 17; 18]. При этом в большинстве изученных нами работ фиксируются какие-либо характеристики самозанятых, условия и качество их трудовой деятельности, мотивация к самозанятости и пр. Однако, можно отметить, что недостаточно представлены исследования, позволяющие сравнить условия труда самозанятых и работников других форм трудового устройства. В настоящей работе делается попытка такого анализа.

Объектом исследования являются самозанятые граждане РФ. Предметом – социально-трудовое положение самозанятых работников. Цель исследования – выявить базовые характеристики социально-трудового положения самозанятых и степень прекаризации их трудовой деятельности на основе сравнения с работающими на условиях бессрочного трудового контракта с работодателем. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что самозанятость работника (свобода от работодателя) ведёт к неустойчивости и

ухудшению социально-трудового положения, способствует прекаризации его труда в сравнении со стандартно занятыми работниками (работающие по найму с работодателем). Достижение поставленной цели предполагает использование данных Росстата, Федеральной налоговой службы, материалов социологических исследований авторских коллективов.

Теоретические основания определения самозанятости

Понятие самозанятости долгое время оставалось недостаточно определённым как в теоретической интерпретации, так и правовом поле, хотя вопросы конкретизации этого понятия поднимаются довольно давно. Причём такая неопределённость касается как фигуры самого самозанятого (кого и в каких случаях относить к самозанятым), так и сферы деятельности, возможностей, условий труда, налогового обложения и пр. Обратимся к некоторым, наиболее значимым, по нашему мнению, подходам к определению исследуемых понятий «самозанятый» и «самозанятость».

Согласно классификации Международной организации труда (МОТ), разделение рабочих мест возможно по пяти основным категориям (ICSE-93: статус в сфере занятости), которые, в свою очередь, могут быть сгруппированы по двум типам рабочих мест: оплачиваемая работа (наемные работники) и рабочие места для самостоятельной занятости (работодатели, самозанятые работники, семейные работники и члены производственных кооперативов)¹. Эта классификация представляет собой прежний статистический стандарт, но она по-прежнему наиболее широко используется национальными статистическими системами при составлении статистики труда. Новая классификация (ICSE-18-A: Статус в сфере занятости в зависимости от типа полномочий) предусматривает разделение на независимых работников (работодатели и независимые работники, не имеющие наемных работников) и зависимых работников (подрядчики, работники, работники, помогающие семье)². Такая классификация позволяет говорить о самозанятых и индивидуальных предпринимателях без сотрудников как о единой группе.

В работах Голенковой З.Т., Голиусовой Ю.В., Гориной Т.И. самозанятые представлены как физические лица, занятые индивидуальным микро-

¹ Статистика рабочей силы (ОРС, ГТЛФ, РУБАН) // ИЛОСТАТ : [сайт]. URL: <https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/description-labour-force-statistics/> (дата обращения: 29.01.2023).

² Международные классификации статуса в сфере занятости и статуса на работе (ICSE и ICSaW) // ИЛОСТАТ : [сайт]. URL: <https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/classification-status-at-work/> (дата обращения: 17.02.2023).

предпринимательством с помощью собственных средств производства, не состоящие в штате организаций и реализующие на рынке произведённые собственным трудом товары и услуги без участия работодателя [2, с. 822].

Стребков Д.О., Шевчук А.В. [15], Тощенко Ж.Т. [19] относят к самозанятым, в том числе, фрилансеров, поскольку специфика их трудовой деятельности заключается в принципиально важном критерии – они сами определяют формы, способы и методы трудовой деятельности. Особенность самозанятости фрилансеров заключается в том, что это люди, занятые преимущественно интеллектуальным трудом, активно использующие Интернет-коммуникации и IT-технологии, платформенную занятость.

В определении Росстата «самостоятельно занятые» или «трудящиеся на самообеспечении» граждане – «это лица, самостоятельно или с одним, или несколькими деловыми партнёрами, осуществляющие деятельность, приносящую доход, и не нанимающие наёмных работников на постоянной основе. Все деловые партнёры в этом случае являются лицами, самостоятельно занятыми. Партнёры могут быть или не быть членами одной семьи или одного домашнего хозяйства»³.

С одной стороны, объединение в одну группу самозанятых, индивидуальных предпринимателей и фрилансеров обосновано и происходит на основании того, что эти люди работают на себя, сами себе являются работодателем. Эта часть работников сама для себя планирует рабочий график и график отпуска, количество заказов, за которое берутся, даже размер оплаты труда и пр., а для получения прибыли могут (добровольно или вынужденно) работать сверхурочно, уменьшать для себя размер собственных выплат, совмещать обязанности и должности, производить или не производить социальные выплаты и пр. С другой стороны, существуют определённые различия, которые прослеживаются на уровне масштабов и объёмов предприятий, уровня дохода, характера и содержания труда, мотивации к самозанятости, личных особенностей этих трёх категорий.

Разночтение прослеживается и в нормативно-правовых актах РФ. В российском законодательстве до 2018 г. термин «самозанятый» встречался только эпизодически, а в формулировку «самозанятые граждане» вкладывалось разное содержание [10; 11]. Например, в пенсионном законодательстве в качестве самозанятых рассматриваются как индивидуальные предприниматели, занятые в бизнесе, так и занятые частной прак-

³ Понятия и определения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_30/isswww.exe/stg/d020/vved-5.htm (дата обращения: 22.11.2022).

тикой адвокаты, нотариусы, а также участники крестьянских (фермерских) хозяйств. В Налоговом кодексе РФ понятие «самозанятые граждане» отсутствует, хотя в различных подзаконных актах налоговые органы применяют термин «самозанятость» и дают разъяснения по налоговым вопросам⁴. Введённый в действие в 2018 г. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» распространяется на «физических лиц», в том числе «индивидуальных предпринимателей».⁵ При этом понятие «самозанятый работник» в данном ФЗ отсутствует, а единственное указание на тип занятости – занятость «без работодателя».⁶ Однако, несмотря на фактическое объединение самозанятых и предпринимателей малого бизнеса в одну группу, некоторая разница между ними всё же существует. Например, самозанятые работники в отличие от индивидуальных предпринимателей не регистрируются в Фонде социального страхования, а, значит, могут не платить страховые взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Такая практика позволяет экономить расходы за счёт неуплаты взносов, но при этом ставит самозанятого гражданина в социально уязвимое положение. Если эти страховые случаи наступают, расходы несёт не государство, а сам работник.

Большая часть самозанятых может совмещать этот вид занятости с официальной работой по найму, а то и вовсе не регистрироваться в этом статусе, и вести свою деятельность неофициально, что активно практикуется в современных реалиях. Несмотря на попытки государства путём принятия законов сделать самозанятость официальной, легальной и управляемой, с точки зрения права, до сих пор не произошло закрепление таких важных характеристик, как разъяснение терминов «самозанятый», «индивидуальный предприниматель» и «фрилансер», прозрачность дохода и налогообложения, особенности взаимоотношения с заказчиком, режим и условия тру-

да, наличие социальных гарантий работающего гражданина. Во многом именно поэтому значительная часть самозанятых продолжает оставаться в нелегальном секторе экономики.

Самозанятость, которая даёт работнику больше возможности и маневренности, поскольку он сам является для себя работодателем, экспертами продолжает оцениваться как неустойчивая [22, с. 74; 23 с. 527–530], что во многом обусловлено правовой неурегулированностью самого понятия «самозанятость» в российском законодательстве, слабой правовой защищённостью, наличием в большей или меньшей степени неформального компонента.

Несмотря на указанные выше имеющиеся правовые различия между категориями индивидуальных предпринимателей и самозанятых, в данной работе мы придерживаемся широкого подхода к трактовке самозанятости, рассматривая эти категории как единую группу. Главным основанием становится их независимость от работодателя при формировании условий, графика, режима собственной трудовой деятельности, персональная ответственность за экономические и правовые риски.

Методы и данные

Для получения представлений о численности самозанятых использовались данные Федеральной службы государственной статистики РФ и Федеральной налоговой службы РФ, экспертные данные консалтинговых агентств, опубликованные результаты социологических исследований.

Выявление особенностей социально-трудового положения самозанятых преимущественно основано на данных, полученных автором в качестве члена рабочей группы Всероссийского исследования работающего населения «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (далее – Прекариат-2018), организованного научным коллективом социологического факультета РГГУ. Исследование проведено в июне 2018 г. (N=1200 занятого населения в возрасте 18 лет и старше) по репрезентативной выборке для РФ и её федеральных округов. Поиск и отбор респондентов занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, поселки городского типа, сёла (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 посёлков городского типа (ПГТ). Расчёт эмпирических параметров квот

⁴ Макаров Е.И. Самозанятость. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 гг. С. 10–11. URL: <https://fnpr.ru/upload/iblock/90e/cw5sb4i0kymmo5ggwmpkjsvlgal5zuf.pdf> (дата обращения: 22.11.2022).

⁵ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Официальный Интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.11.2022).

⁶ Там же.

для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлён с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трем основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

Форма занятости работника фиксировалась на основе самоидентификации респондента: работа на условиях бессрочного договора (54,7%), временного договора (28,2%), без трудового договора (14,5%), самозанятость (2,6%).

Проведение полевых исследований было обеспечено Центром социального прогнозирования и маркетинга (руководитель Ф.Э. Шереги). Опрос проводился методом персонального интервью по инструментарию, разработанному участниками проектного коллектива социологического факультета РГГУ.

Исследование было направлено на изучение всех форм занятости и в отношении самозанятых носит пилотный характер, при этом оно позволяет провести сравнительный анализ всех форм трудового устройства. В данной работе анализ социально-трудового положения самозанятых производится на основе их сравнения с работниками других форм занятости, и, в первую очередь, со стандартно занятыми работниками (работа по найму и официальному трудовому контракту) на основе индикаторов [23, с. 82-83], позволяющих измерить степень прекаризации труда работника: правовая определённость статуса, форма трудоустройства (официальная/неофициальная), уровень, «прозрачность» и стабильность оплаты труда, режим и интенсивность труда, наличие социальных льгот и гарантий.

На основе этих материалов автором проводится анализ социально-трудового положения самозанятых работников, включая такие параметры оценки, как социально-демографический состав, условия и характер труда, социальное самочувствие.

Результаты исследования

Численность и социально-демографический состав самозанятых работников

Анализ как социально-демографического портрета, так и социально-трудового положения самозанятых осложняется тем, что подлинная численность этой группы неизвестна, так как учёту подлежат только официально зарегистрированные в этом статусе, в то время как значительная часть самозанятых вытеснена в неформальный сектор экономики. Кроме того, самозанятость

может выступать и в качестве основной работы, и в качестве дополнительной вторичной занятости.

Тем не менее, судить о численности самозанятых можно на основании некоторых источников. В качестве таковых, например, выступают информация Росстата, налоговых органов, независимые экспертные оценки, инициативные исследования научных коллективов и др.

Так, по данным Росстата, в 2021 г. из 71 719 тыс. чел. рабочей силы 4 783 тыс. чел. работали не по найму, 918 тыс. чел. зарегистрированы как работодатели, 3 621 тыс. чел. – как самозанятые, 3 тыс. чел. – как члены производственных кооперативов, 241 тыс. чел. – как помогающие на семейном предприятии (таблица 1).

По данным ФНС РФ, в ноябре 2021 г. количество самозанятых в России достигло 3,5 млн чел., что в два раза больше, чем в начале 2021 г. Тогда налог на профессиональный доход (НПД) применяли около 1,6 млн чел.⁷ В конце октября 2022 г. численность использующих налог на профессиональный доход достигла 6 045 206 чел., в том числе физические лица – 5 721 502 чел., индивидуальные предприниматели – 323 704 чел. (таблица 2).

При этом, по данным экспертов, численность самозанятых в России к 2018 г. уже колебалась в пределах от 4 до 15 млн чел., а значит, подавляющая численность самозанятых не поддается учёту и контролю и находится в неофициальном секторе экономики. Среди официально зарегистрированных самозанятых женщины составляют 42%, мужчины – 58%. Их средний возраст – 35 лет. Сфера деятельности самозанятых концентрировалась в таких сферах, как торговля, ремонт, строительство, услуги по транспортировке и хранению, прочие услуги.⁸

Кроме того, эксперты обращают внимание на то, что есть сферы, где официальная численность самозанятых невысока, например, сфера образования (репетиторство), однако официальная картина далека от реальной ситуации, поскольку распространение этого вида занятости очень велико. Эта часть рынка образовательных услуг в значительном объёме является теневой, к тому же для основной части граждан услуги репетиторства являются дополнительным видом деятельности по отношению к основной занятости.

⁷ В 2021 году количество самозанятых выросло более чем в два раза // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11632019/ (дата обращения: 22.11.2022).

⁸ Комментарии о государстве и бизнесе. Бюллетень № 154. М.: Центр развития НИУ ВШЭ, 2018. С. 15-19. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219846683.pdf> (дата обращения: 22.11.2022).

Таблица 1

Численность занятых по статусу (тыс. чел.)

Table 1

Population of Employees by Status (Thousands of People)

	Всего, тыс. чел.	Форма трудового устройства					
		работающие по найму	работающие не по найму	Из них			
				работодатели	самостоятельно занятые	члены производс- твенных кооперати- вов	помогающие на семейном пред- приятии
Занятые – всего							
2008	71 003	65 814	5 189	1 058	3 941	101	90
2009	69 410	64 266	5 145	929	3 890	97	228
2010	69 934	65 158	4 776	885	3 546	48	297
2011	70 857	65 827	5 029	874	3 910	41	204
2012	71 545	66 598	4 948	836	3 796	31	284
2013	71 391	66 197	5 195	916	3 988	25	265
2014	71 539	66 378	5 161	954	3 905	24	278
2015	72 324	67 109	5 214	931	4 012	8	263
2016	72 393	66 968	5 424	929	4 195	9	291
2017	72 316	67 520	4 796	973	3 542	13	269
2018	72 532	67 577	4 954	1 049	3 598	8	299
2019	71 933	67 109	4 824	1 037	3 521	9	257
2020	70 601	65 833	4 768	951	3 544	8	266
2021	71 719	66 936	4 783	918	3 621	3	241

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2

Сведения о численности самозанятых работников, применяющих
«Налог на профессиональный доход»

Table 2

Information about the Population of Self-employed Workers Applying the “Tax on the Professional Income”

Месяц, год	Страна	Всего (чел.)	Из них	
			Физ. лица	Индивидуальные предприниматели
Октябрь, 2022	Российская Федерация	6 045 206	5 721 502	323 704
Октябрь, 2021	Российская Федерация	3 398 382	3 188 251	210 131
Октябрь, 2020	Российская Федерация	1 143 009	1 04 7802	95 207

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной налоговой службы.

Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 22.11.2022).

По данным независимых источников, в РФ ожидается рост самозанятости. По мнению экспертов, в 2024 г. в стране такой статус оформят 8,4 млн чел. Прирост ожидается за счёт безработных, которые перестанут искать работу по найму и займутся своим делом, «подпольных предпринимателей», которые будут постепенно «обелять» свою деятельность, а также представителей микробизнеса, которые таким образом оптимизируют налогообложение. В настоящий момент основные направления их деятельности – услуги такси, области маркетинга, ремонта, доставки товаров и аренды квартир. Наиболее высокооплачиваемые профессии относятся к IT-сфере, юриспруденции, консультированию, проектированию и пр.⁹

В качестве источника информации о численности и социальном портрете самозанятых можно привести и исследовательские данные.

Так, по данным опроса РАНГХиГС, в 2019 г. полностью или частично самозанятыми себя называли около 17 млн чел., что составило примерно 22,4% от всего работающего населения. Причем самозанятость в качестве основного дохода указали 10% [13, с. 139; 5, с. 23].

Исследование социально-демографического состава, деятельности и содержательных мотивов самозанятых было реализовано Центром исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН (руководитель – З.Т. Голенкова). В фокусе оказались 190 самозанятых, 17,1% официально зарегистрированных, 53,7% неофициально работающих, 5,5% тех, кто отказался ответить на вопрос об официальной своей деятельности. 60% респондентов имели высшее образование, треть – среднее профессиональное. 52,6% участвующих в опросе самозанятых составили женщины, 47,4% – мужчины [2, с. 828].

Важные данные относительно социально-трудового положения самозанятых граждан были получены в ходе исследования «Прекариат-2018», где в качестве респондентов в выборку вошли, в том числе, индивидуальные предприниматели и самозанятые граждане. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы распространения самозанятости в мировом масштабе [23], объективные характеристики труда самозанятых, субъективное самочувствие, которое влияет на формирование жизненных планов, картины мира, политические и гражданские установки и пр. [24].

По информации ВЦИОМ, 11% россиян могут назвать себя фрилансерами или в терминах актуального российского законодательства – самозанятыми. По мнению граждан, фрилансерами

⁹ Самозанятые в 2022 году: права и обязанности / Бизнес.ру. URL: <https://www.business.ru/article/3213-samozanyatost> (дата обращения: 22.11.2022).

могут считаться люди, которые самостоятельно находят себе работу, вольнонаёмные работники (15%), а также те, кто работает на себя (5%), и кто работает удалённо (5%).¹⁰

Противоречия между данными официальной статистики, учётных органов, комментариями специалистов и исследованиями учёных лишней раз демонстрируют проблемы данного вида занятости, который сложно поддается учёту из-за того, что, во-первых, не до конца произошло уточнение и закрепление таких понятий, как «самозанятый», «индивидуальный предприниматель», «фрилансер», во-вторых, самозанятость может выступать в качестве основной, вторичной и эпизодической трудовой деятельности, в-третьих, несмотря на предпринимаемые правительством меры, значительная часть «работающих на себя» продолжает оставаться в теневой зоне рынка.

Кроме того, самозанятость может выступать как осознанный выбор самого человека, так и как навязанная работодателем форма взаимоотношений¹¹.

На сегодняшний день категорию самозанятых в той или иной форме составляют очень разные социальные, возрастные, профессиональные группы, которые, помимо всего этого, имеют и разный официальный статус. Исходя из этих параметров, самоощущение работника, удовлетворённость трудом, оценка многих других параметров жизнедеятельности будут серьёзно отличаться. При анализе социально-трудового положения самозанятых, опираясь на данные эмпирических исследований, мы вынуждены делать пояснение, что наши данные свидетельствуют о положении граждан, попавших в исследование, но при этом говорить об их распространении на всю генеральную совокупность затруднительно. Однако, такого рода исследования всё равно необходимы, поскольку раскрывают картину определённой части самозанятых и дают представления об общих проблемах и тенденциях трудовой деятельности данной группы работников.

Характеристики трудовой занятости самозанятых работников

Анализ данных исследования «Прекариат-2018» показал, что самозанятые работники имеют ярко выраженные признаки прекаризации трудовой деятельности, которые мы выделяем на основе семи индикаторов [23, с. 82-83]. Относя са-

¹⁰ Россияне полюбили фриланс // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-polyubili-frilans> (дата обращения: 22.11.2022).

¹¹ Соловьева О. Бюджетников заставляют регистрироваться самозанятыми // Независимая газета, 25.11.2019. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-11-24/1_7734_registration.html (дата обращения: 22.11.2022).

мозаняты к прекариату, мы исходим из того, что их трудовой деятельности присущи такие характеристики, как неофициальная и нестабильная занятость, ненадёжный доход, сверхзанятость (переработка более 8 часов в день, работа в выходные и праздники), отсутствие социальных льгот и гарантий.

Для самозанятых работников характерен (в большей степени в сравнении со стандартно занятыми работниками, имеющими работодателя) интенсивный режим работы, предполагающий регулярные переработки и наличие вторичной занятости. О регулярных переработках и ненормированном рабочем дне говорят 44,8 % самозанятых (таблица 3), о наличии подработки и вторичной занятости – более 50 %.

Данные «Прекариат-2018» коррелируют с результатами исследования, полученными учёными Высшей школы экономики при обследовании фрилансеров «Перепись фрилансеров» (2019) и RLMS-HSE (2017) [14]. Исследователи делают вывод о том, что кажущаяся свобода и автономия в распоряжении рабочим временем оборачивается «самоэксплуатацией, а не свободой». При сравнении со стандартно занятыми (стандартная трудовая рабочая неделя составляет 40 часов) фрилансеры работают больше. Половина из них работает более 40 часов в неделю, почти треть – более 60 часов в неделю. Режим работы самозанятых фрилансеров тоже отличается от стандартной занятости. Две трети обычных работников никогда не работают ночью (с 21:00 до 6:00), среди фрилансеров таких лишь 10 %, причём каждый шестой работает по ночам ежедневно. Практически все выходные и праздники отдаёт работе треть фрилансеров и только 7 % обычных работников. Совмещают оба варианта нестандартного графика, работая и днём, и в нерабочие дни, почти две трети фрилансеров [14].

Оплата труда не компенсирует такую интенсивную занятость, зарплата самозанятых (по результатам опроса «Прекариат-2018») в 2018 г. составляла 27 444,4 руб. (таблица 4). Это несколько больше, чем у работающих без трудового контракта, но уступает стандартно работающим по бессрочным контрактам.

При этом вопрос справедливости оплаты труда в группе самозанятых стоит также остро, как и для наёмных работников: каждый четвёртый говорит о несправедливости оплаты своего труда, 40 % – об относительной несправедливости. Казалось бы, самозанятые вправе сами выставить «планку» оплаты своего труда и назначать себе денежные выплаты. Однако, среднюю стоимость услуг на того или иного специалиста диктует сам рынок, и высокая конкуренция в некоторых

сферах заставляет самозанятых снижать уровень оплаты своих услуг.

В группе самозанятых распространена неофициальная и непрозрачная система оплаты труда – получение оплаты труда «в конверте», которая присуща 43,2 % самозанятых граждан (таблица 5). Кроме того, в этой группе широко распространена неофициальная занятость без официального фиксирования статуса самозанятого. Эти данные созвучны с результатами исследования, проведённого в Башкортостане. Учёными было выявлено, что доля самозанятых, работающих без регистрации, составила примерно 60 %, около 2/3 из которых не планировали регистрироваться и в дальнейшем. Зарегистрированы в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя только 40 % респондентов [18].

С одной стороны, неофициальная и неформальная оплата труда является частью ухода от налоговых вычетов и может рассматриваться как инициатива самих самозанятых, с другой – вытеснение части дохода в тень, не только лишает налогов государство, но и вредит в долгосрочной перспективе самому работнику, лишая его финансовых, правовых и социальных государственных гарантий.

Группа работающих «на себя» в сравнении со стандартно занятыми менее защищена в социально-правовом плане. Только 18,6 % самозанятых могут претендовать на оплату больничных и пособие во время ухода за ребёнком, 21,2 % гарантирован оплачиваемый отпуск (таблица 6). Эти показатели существенно ниже, чем в группах наёмных работников. Прекаризацию труда работника часто связывают с условиями и обстоятельствами, в которые он попадает по вине работодателя (эксплуататора) и жёстких реалий рыночной экономики. Возникает вопрос, почему при отсутствии работодателя человек, работающий на себя, оказывается в ещё более сложных трудовых обстоятельствах?

Каждый второй россиянин (51 %) считает, что самозанятые сами должны определять право и возможность уплаты страховых взносов в государственные фонды, 22 % предлагают сделать это обязательным условием, 18 % граждан полагают, что существующая ситуация на добровольное присоединение к системе государственного социального страхования должен продолжить действовать.¹² Сиюминутная тактика возможной экономии путём неуплаты страховых взносов лишает самозанятых в будущем возможности на социальные гарантии и социальное обеспечение (оплата больничного, декретные выплаты, пенси-

¹² Самозанятые в России: как защитить их социальные права? // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10784> (дата обращения: 22.11.2022)

Таблица 3

**Продолжительность рабочего дня
(% от числа участников опроса)**

Table 3

**Working Day Duration
(% of the Number of Survey Participants)**

Варианты ответов	Форма трудовых отношений				
	Бессрочный трудовой контракт	Временный трудовой контракт (более 1 года)	Временный трудовой контракт (менее 1 года)	Без трудового контракта	Самозанятость
Работаю более 8 часов постоянно	24,8	25,0	23,7	29,3	44,8
Работаю более 8 часов иногда	40,2	42,9	45,8	32,2	38,2
Не работаю более 8 часов в день	34,9	32,1	30,5	38,5	17,0

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийского исследования «Прекариат-2018»

Исследование проведено в июне 2018 г. (N=1200 занятого населения в возрасте 18 лет и старше) по репрезентативной выборке для РФ и её федеральных округов. Поиск и отбор респондентов занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, посёлки городского типа, сёла (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 посёлков городского типа (ПГТ). Расчёт эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлён с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трём основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

Таблица 4

**Среднемесячный заработок в 2018 г.
(% от числа участников опроса)**

Table 4

**Average Monthly Earnings in 2018
(% of the Number of Survey Participants)**

Форма трудовых отношений	Размер среднемесячного заработка в 2018 году? (руб.)
Бессрочный трудовой контракт	30 236,6
Временный трудовой контракт (более 1 года)	29 901,0
Временный трудовой контракт (менее 1 года)	24 066,1
Без трудового контракта	23 428,0
Самозанятость	27 444,4

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийского исследования «Прекариат-2018»

Исследование проведено в июне 2018 г. (N=1200 занятого населения в возрасте 18 лет и старше) по репрезентативной выборке для РФ и её федеральных округов. Поиск и отбор респондентов занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, посёлки городского типа, сёла (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 посёлков городского типа (ПГТ). Расчёт эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлён с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трём основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

Таблица 5

Неофициальная оплата труда (% от числа участников опроса)

Table 5

Informal Payment of Labor (% of the Number of Survey Participants)

Варианты ответов	Форма трудовых отношений				
	Бессрочный трудовой контракт	Временный трудовой контракт (более 1 года)	Временный трудовой контракт (менее 1 года)	Без трудового контракта	Самозанятость
Такое бывает регулярно	4,6	6,1	10,2	41,4	19,1
Иногда	16,6	26,4	39,0	19,5	24,1
Такого не было	78,8	67,5	50,8	39,1	56,8

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийского исследования «Прекариат-2018»

Исследование проведено в июне 2018 г. (N=1200 занятого населения в возрасте 18 лет и старше) по репрезентативной выборке для РФ и её федеральных округов. Поиск и отбор респондентов занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, посёлки городского типа, сёла (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 посёлков городского типа (ПГТ). Расчёт эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлён с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трём основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

Таблица 6

Наличие социальных гарантий работника (% от числа участников опроса)

Table 6

Availability of Social Guarantees of the Employee (% of the Number of Survey Participants)

Варианты ответов	Форма трудовых отношений				
	Бессрочный трудовой контракт	Временный трудовой контракт (более 1 года)	Временный трудовой контракт (менее 1 года)	Без трудового контракта	Самозанятость
Оплата больничного	92,4	81,8	52,5	26,4	18,6
Оплата отпуска	92,7	79,6	45,8	28,2	21,2
Оплата отпуска по уходу за ребёнком	80,5	57,1	33,9	19,5	18,6
Возможность взять отгул	85,7	69,6	69,5	57,5	26,4

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийского исследования «Прекариат-2018»

Исследование проведено в июне 2018 г. (N=1200 занятого населения в возрасте 18 лет и старше) по репрезентативной выборке для РФ и её федеральных округов. Поиск и отбор респондентов занятого населения в возрасте 18 лет и старше в соответствии со статистическими данными Росстата. Опрос проходил в пяти типах поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ, административные центры районов, посёлки городского типа, сёла (с соблюдением пропорций). Всего отобрано 106 поселений, в том числе 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 33 села, 17 посёлков городского типа (ПГТ). Расчёт эмпирических параметров квот для поиска и отбора респондентов интервьюерами был осуществлён с учётом доли занятого населения (пропорционально) в возрасте 18 лет и старше: 1) по федеральным округам; 2) по типам 5-ти поселений; 3) по социально-профессиональному составу. Среднестатистическое отклонение по этим трём основным контролируемым признакам не превышает $\pm 3,5\%$ по каждому показателю.

онный стаж и др.). Кроме того, именно эта часть граждан зачастую работает без официального оформления, а, значит, вообще не попадает под действие трудового права.

Базовую ценность «*работа*» по критерию «*очень важно*» выделили 67% самозанятых, и 86% работающих на условиях стандартной занятости. Основная часть самозанятых оценивает свои условия труда, как «нормальные» (40%) и «частично нормальные» (40%). В качестве преимуществ самозанятости в сравнении с традиционной, стандартной занятостью, выделяют гибкий график, возможность самостоятельно планировать рабочие цели.

При этом косвенным свидетельством определённой неудовлетворённости самозанятых трудовым положением может стать тот факт, что каждый пятый из них хотел бы сменить работу. Для сравнения, среди стандартно занятых этот показатель не превышает 10%. Среди показателей неудовлетворённости работой 25% самозанятых выделяют «отсутствие социальных льгот и гарантий труда, медицинского обслуживания», 16,7% отмечают плохие условия своего труда, 20% – то, что работа далеко от дома. 25% самозанятых высказывают опасение потерять работу. Треть опрошенных говорит о низкой оплате своего труда. Каждый третий самозанятый фиксирует ухудшение своего материального положения.¹³

Особенности трудового положения (например, стабильность трудового статуса, наличие социальных льгот и гарантий и пр.) могут влиять на самоощущение человека, ценностные ориентации, его позицию в отношении мироустройства, общества в целом, отношение к отдельным социальным институтам.

Среди обследуемой нами части самозанятых относительно низкий показатель «абсолютной» удовлетворённости жизнью – 17%. Тогда, как в группе стандартно-занятых, таких почти 42%. При общей нейтральной оценке положения дел в стране среди самозанятых самый большой показатель тех, кто не смог дать оценку тому, в правильном ли направлении развивается страна – 56%, среди стандартно занятых таких всего четверть. Надо отметить, что для этой группы, в принципе, характерен низкий интерес к общественным, политическим, гражданским событиям и действиям, а базовые интересы концентрируются вокруг материальных ценностей и повседневных дел [24]. Кроме того, можно предположить, что гражданин, работающий в государственном секторе экономики, ощущающий в трудовой сфере помощь и защиту государства, в большей степени чувствует свою гражданскую принадлежность и долг, стремится принимать участие в жизни го-

сударства. При этом работа «на себя», отсутствие государственной поддержки ведут к сокращению, а то и вовсе необязательности ответственности и гражданского долга перед государством.

Выводы

Работа «на себя», а не на работодателя не исключает, а временами даже усиливает прекаризицию труда, включая такие характеристики трудовой деятельности, как сверхзанятость и переработка, неофициальная занятость и оплата труда, отсутствие социальных гарантий и пр. Независимость от работодателя имеет обратную сторону – экономические и правовые риски и ответственность, которая ложится на самого самозанятого работника. Отсутствие необходимости платежей в Фонд социального страхования приводит к невозможности получения больничного, оплачиваемого отпуска, пособия по беременности и родам, пенсионного обеспечения. В отношении самозанятых не действуют механизмы защиты от безработицы, которые применяются в отношении стандартно занятых наёмных работников. У самозанятых отсутствует государственный контроль за режимом и интенсивностью труда, что часто ведёт к вынужденной самоэксплуатации.

Экспертами высказывается мнение, что будет возникать больше случаев «насильственной самозанятости», поскольку работодатели в целях уменьшения расходов и экономии на выплате страховых взносов будут привлекать самозанятых в качестве наёмного персонала [25, с. 767]. Эта же оптимизация способствует переходу части индивидуальных предпринимателей в статус самозанятых.

Для самозанятых граждан необходимость сиюминутной экономии и желание получить прибыль в значительной части случаев приводит к сокрытию доходов, нелегальной трудовой деятельности и игнорированию возможных штрафных санкций со стороны налоговых органов. Уход в нелегальный сектор экономики значительной части самозанятых граждан ведёт как к недополучению налогов со стороны государства, так и ухудшению социально-трудового положения самих самозанятых. В свою очередь, статус самозанятого, то есть человека, работающего на себя, независимого от государства, в значительной части не производящего налоговых отчислений, самостоятельно решающего экономические проблемы и принимающего риски рыночной экономики, социального обеспечения без государственной поддержки приводит к определённому отмежеванию данного вида работников от государственной власти, государственных действий, решений, проводимой политики.

¹³ Прекариат-2018

Список литературы

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: Монография / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 535 с. ISBN 978-5-7598-1090-2, EDN VXAP0V
2. *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И.* Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836, EDN TWLPSS
3. *Astebro T., Chen J., Thompson P.* Stars and Misfits: Self-Employment and Labor Market Frictions // Management Science. 2011. Vol. 57. No. 11. P. 1999–2017.
4. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков [и др.]. М.: КНОРУС. 2018. 342 с. ISBN 978-5-406-06941-7, EDN VWFWIO
5. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3(36). С. 18–29. DOI 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29, EDN XJUUP0
6. *Schneck S.* Self-Employment as a Source of Income Inequality // Eurasian Business Review. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 45–64.
7. *Earle J. S., Sakova Z.* Business Start-Ups or Disguised Unemployment? Evidence on the Character of Self-Employment from Transition Economics // Labor Economics. 2000. Vol. 7. No. 5. P. 575–601.
8. *Bögenhold D., Klinglmair A.* Independent work, modern organizations, and entrepreneurial Labour: Diversity and hybridity of freelancers and self-employment // Journal of Management & Organization. 2016. Vol. 22. No. 6. P. 843–858.
9. *Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F.* Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 23–32. DOI 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32
10. *Burke A., Fitzroy F., Nolan M.* What Makes a Die-Hard Entrepreneur? Trying or Persisting in Self-employment // Small Business Economics. 2008. Vol. 31. P. 93–115. DOI 10.1007/s11187-007-9086-6.
11. Involuntary self-employment as a public policy issue: A cross-country European view / *T. Kautonen, S. Down, F. Welter, P. Vainio, J. Palmroos* // International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research. 2010. Vol. 16. No. 1-2. P. 112–129.
12. *Meager N.* Job quality and self-employment: Is it (still) better to work for yourself? // The Handbook of Research on Freelancing and Self-Employment / Ed. A. Burke. Dublin: Senate Hall Publishing. 2015. P. 35–46.
13. *Черных Е.А., Локтюхина Н.В.* Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России // Экономическое возрождение России. 2021. № 1(67). С. 136–151. DOI 10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151, EDN LYQRSP
14. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.06, EDN FXUOQE
15. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 527 с. ISBN 978-5-7598-2722-1 (в пер.), ISBN 978-5-7598-2804-4 (e-book), DOI 10.17323/978-5-7598-2722-1, EDN GYGZLX
16. *Секлецова О.В.* Самозанятость населения в российской экономике и в Кемеровской области-Кузбассе: тенденции и перспективы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6–2. С. 320–324. DOI 10.17513/vaael.2284, EDN UTGVFQ
17. *Попов А.В., Баймурзина Г.Р.* Самозанятое население России в период пандемии коронавируса Covid-19: опыт Вологодской области // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 10. С. 1237–1256. DOI 10.18334/et.8.10.113579, EDN DCPPCP
18. *Баймурзина Г.Р., Туракаев М.С.* Социально-экономическое положение и самочувствие самозанятых в России (на примере Республики Башкортостан) // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 34–64. DOI 10.19181/ezheg.2021.2, EDN MKZCFL
19. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: От протокласса к новому классу. М.: ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1. EDN VKRCMM.
20. *Нестеренко Ю.Н., Протасова Е.А.* Самозанятость в России: состояние и потенциал развития // Народонаселение. 2019. Том 22. № 4. С. 78–89. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00040, EDN ZZDAGW
21. *Землянухина С.Г., Землянухина Н.С.* Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Том 18. №2. С. 126–133. DOI 10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133, EDN XNANUT
22. *Кубишин Е.С.* Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 521–534. DOI 10.19181/lspr.2022.18.4.8, EDN HPCFYD
23. Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа): коллективная монография / *Ж.Т. Тощенко, Р.И. Анисимов, А.В. Кученкова* [и др.]; Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. ISBN 978-5-906001-76-4, EDN ATVUBE
24. От прекарной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь мир», 2022. 364 с. ISBN 978-5-7777-0886-1 EDN VOKUSY
25. Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова) // Сборник материалов Международной научной конференции. (Москва, 28-30 ноября 2019 г.); Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 903 с. DOI 10.19181/yadov_conf.2019, ISBN 978-5-89697-316-4

Информация об авторе:

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (E-mail: vorobuova.irina@list.ru), (elibrary AuthorID: 654506), (ORCID: 0000-0001-6522-3860), (ResearcherID: Q-7430-2016)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.12.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

References

1. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds.) In the shadow of regulation: Informality in the Russian labor market. [V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda]. National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics; 2014. 535 p. ISBN 978-5-7598-1090-2, EDN VXAPOV (In Russ.)
2. Golenkova Z.T., Goliusova Ju.V., Gorina T.I. A sociological portrait of the self-employed in modern Russia. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologija = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020;20(4):821-836. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836, EDN TWLPSS (In Russ.)
3. Astebro T., Chen J., Thompson P. Stars and Misfits: Self-Employment and Labor Market Frictions. *Management Science*. 2011;57(11):1999-2017.
4. Bobkov V.N., Novikova I.V., eds. Precarious employment in Russian Federation: current condition and ways to reduce it [Neustoičivaya zanyatost' v Rossijskoi Federatsii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, otsenivanie i vektor sokrashcheniya]. Moscow: Publishing House in Knorus; 2018. 342 p. ISBN 978-5-406-06941-7, EDN VVFWIO (in Russ.)
5. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Self-employment in contemporary labor market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*. 2019;3(36):18-29. DOI 10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29, EDN XJUUP0 (In Russ.)
6. Schneck S. Self-Employment as a Source of Income Inequality. *Eurasian Business Review*. 2020. 10(1):45-64.
7. Earle J.S., Sakova Z. Business Start-Ups or Disguised Unemployment? Evidence on the Character of Self-Employment from Transition Economics. *Labor Economics*. 2000;7(5):575-601.
8. Bögenhold D., Klinglmair A. Independent work, modern organizations, and entrepreneurial Labour: Diversity and hybridity of freelancers and self-employment. *Journal of Management & Organization*. 2016;22(6):843-858.
9. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. *Foresight and STI Governance*. 2017;11(4):23-32. DOI 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32
10. Burke A., Fitzroy F., Nolan M. What Makes a Die-Hard Entrepreneur? Trying or Persisting in Self-employment. *Small Business Economics*. 2008;31:93-115. DOI 10.1007/s11187-007-9086-6.
11. Kautonen T., Down S., Welter F., Vainio P., Palmroos J. Involuntary self-employment as a public policy issue: A cross-country European view. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour and Research*. 2010;16(1-2):112-129.
12. Meager N. Job quality and self-employment: Is it (still) better to work for yourself? *The Handbook of Research on Freelancing and Self-Employment*. Ed. A. Burke. Dublin: Senate Hall Publishing, 2015. P. 35-46.
13. Chernyh E.A., Loktjuhina N.V. Actual social and labor aspects of self-employment in modern Russia. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2021;1(67):136-151. DOI 10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151, EDN LYQRSP (In Russ.)
14. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. The Flexible Employment Trap: how does a non-standard work schedule affect the work-life balance of freelancers. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: Economic and social changes*. 2019;(3):86-102. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.06, EDN FXUOQE (In Russ.)
15. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. What do we know about freelancers? Sociology of Free Employment [Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti]. Moscow: Publishing House in Higher School of Economics; 2022. 527 p. ISBN 978-5-7598-2722-1, ISBN 978-5-7598-2804-4 (e-book), DOI 10.17323/978-5-7598-2722-1, EDN GYGZLX (In Russ.)
16. Sekletsova O.V. Self-employment of the population in the Russian economy and in the Kemerovo region-Kuzbass: trends and prospects. *Vestnik Altajskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022;(6-2):320-324. DOI 10.17513/vaael.2284, EDN UTGVFQ (In Russ.)
17. Popov A.V., Baimurzina G.R. The self-employed population of Russia during the Covid-19 coronavirus pandemic: the experience of the Vologda region. *Ekonomika truda = Labor economics*. 2021;8(10):1237-1256. DOI 10.18334/et.8.10.113579, EDN DCP-PCP (In Russ.)
18. Baimurzina G.R., Turakaev M.S. Socio-economic situation and well-being of the self-employed in Russia (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik = Russia reforming: Yearbook*: Vol. 19. Moscow: Publishing House in Novyj Hronograf. 2021;(19):34-64. DOI 10.19181/ezheg.2021.2, EDN MKZCFL (In Russ.)
19. Toshchenko ZH. Precariat: Precariat: From proto-class to new class [Ot protoklassa k novomu klassu]. Moscow: Nauka; 2018. 350 p. ISBN 978-5-02-040118-1, EDN VKRCMM (In Russ.)
20. Nesterenko Ju.N., Protasova E.A. Self-employment in Russia: status and development potential. *Narodonaselenie = Population*. 2019;22(4):78-89. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00040, EDN ZZDAGW (In Russ.)
21. Zemlyanukhina S.G., Zemlyanukhina N.S. The system of economic relations in the sphere of self-employment of the population of Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya Saratov University. Series: Economics. Management. Jurisprudence*. 2018;18(2):126-133. DOI 10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133, EDN XNAHUT (In Russ.)
22. Kubishin S.E. Informal Employment in Modern Russia: Old Problems and New Realities. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2022;18(4):521-534. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.4.8, EDN HPCFYD (in Russ.)
23. Toshchenko Zh.T., Anisimov R.I., Kuchenkova A.V., eds. The Precariat: the Establishment of a New Class (the Experience of Sociological Analysis). Collective monograph [Precariat: stanovlenie novogo klassa (opyt sotsiologicheskogo analiza): kollektivnaya monografiya]; Moscow: Publishing House in Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2020. 400 p. ISBN 978-5-906001-76-4, EDN ATVUBE (In Russ.)
24. Toshchenko Zh.T. From precarious employment to precarization of life [Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni]; Moscow: Publishing House in Ves' mir, 2022. 364 p. ISBN 978-5-7777-0886-1 (In Russ.)
25. Gorshkov M.K. The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov). International Scientific Conference (Moscow, November 28-30, 2019). Collection of materials. Moscow: Publishing House FCTAS RAN. 2019. 903 p. DOI 10.19181/yadov_conf.2019. ISBN 978-5-89697-316-4 (In Russ.)

Information about the author:

Irina V. Vorob'eva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (E-mail: vorobyova.irina@list.ru), (elibrary AuthorID: 654506), (ORCID: 0000-0001-6522-3860), (ResearcherID: Q-7430-2016)
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 11.12.2022; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Научная статья
УДК 113/119, 141.7, 314.1
EDN: [XFMVSY](#)

Философская система ноосферизма. Сокращённый текст постановочного доклада на Круглом Столе «Научная Школа Ноосферизма. Диалоги за круглым столом»¹

Александр Иванович Субетто

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия
(AuthorID 444755) (Scopus ID 6506658615)

Для цитирования: Субетто А.И. Философская система ноосферизма. Сокращённый текст постановочного доклада на Круглом Столе «Научная Школа Ноосферизма. Диалоги за круглым столом» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 138–140. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_11_138_140

Цель постановочного доклада – раскрыть систему теоретических ответов на вопрошание «Что есть философская система Ноосферизма, каковы источники и основания её становления?».

Первый тезис. Философская система Ноосферизма как научно-мировоззренческая система и научная идеология XXI века непосредственно связана с той миссией, с которой Ноосферизм появляется в истории идей и наук и заявляет о себе как о новой научно-мировоззренческой системе именно в России начала XXI века. Эта миссия определена содержанием той исторической эпохи, которую переживает «мир человечества», и Россия в его составе, – и которая определена в «Ноосферизме»², как Эпоха Великого Эволюционного Перелома. Её появление с рубежа 80-х – 90-х годов XX-го века обусловлено переходом глобального экологического кризиса в развитии всей системы хозяйственного взаимодействия человечества с Биосферой и планетой Земля, как суперорганизмами (а он развивается приблизительно с середины XX-го века) в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, которая жёстко поставила Экологические Пределы всей рыночно-капиталистической системе бытия человечества на Земле, – и, значит, всей системе философии и всей науке, так или иначе поддерживающих эту систему бытия, и служащих её оправданию.

Наступил Конец всей Истории человечества, именно не только как Стихийной истории (по этому поводу гений Маркса выразился так: культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя пустыню), но, что не менее важно, и как истории, развивающейся автономно, независимо от Природы, «черпающей» из Природы

¹ 31 января 2022 г., Санкт-Петербург, Полустровский проспект, дом 59.

² Субетто А.И. «Ноосферизм» Том первый. Введение в ноосферизм. СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия. 2001. 537с.

только ресурсы и энергию. Эпохи Великого Эволюционного Перелома, в которой мы живём, есть выражение **выхода на Арёну Истории Большой Логике Социоприродной Эволюции.**

Основанием Большой Логике Социоприродной Эволюции служит мощь энергетического воздействия через систему хозяйства на Природу Земли, т.е. Биосферу, со стороны человечества как Целого. «Несовместимость» большой энергетики воздействия мирового хозяйства на Природу и Стихийной парадигмы исторического развития вплоть до начала XXI века (скачок в «энергетике этого воздействия» в среднем составил в XX веке 10⁷ раз, т.е. на 7 порядков) материализовалась в глобальном экологическом кризисе, перешедшем к концу XX-го века в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Возникший императив экологического выживания человечества в XXI веке есть императив, синтезирующий в себе социалистический и ноосферный императивы. Поэтому в «Ноосферизм» как научно-теоретическую мегасистему входят: и теория капиталократии и глобального империализма, и учение о ноосферном социализме, в котором материализуется ноосферно-диалектическое снятие марксизма-ленинизма, как он состоялся в XX-ом веке.

Второй тезис. Ноосферизм есть качественно новый этап в развитии учения о переходе Биосферы в Ноосферу Владимира Ивановича Вернадского, русского и советского учёного-энциклопедиста, мыслителя, гения XX-го века, именно как гения космопланетарного масштаба, 160-летие которого исполняется 12 марта 2023 года (28 февраля по старому стилю). В.И. Вернадский, опираясь на разработанные им же теоретические комплексы – геохимию (биогеохимию), учение о живом веществе и Биосферы, в период с 1929 по 1945 год (год своей кончины) показал, что гря-

дущий переход Биосферы в Ноосферу есть закономерность глобальной эволюции всей системы жизни на Земле, приведшей к появлению человеческого разума. У В.И. Вернадского ноосфера – это не только, и не столько сфера разума, сколько новое состояние Биосферы, в котором совокупная научная мысль, на основе открытых ею новых источников энергии, воздействующих через новые технологии на Биосферу, начинает играть роль фактора в её эволюции, равномасштабного по воздействию, с другими, геологическими и космическими факторами. Позже, особенно в годы Великой Отечественной войны, В.И. Вернадский рассматривал переход Биосферы в Ноосферу как Дело Будущего, связанное с решением «небывалой» для науки задачи – «задачи сознательного направления организованности» биосферы – ноосферы.

Человечество на рубеже XX и XXI веков стоит перед выбором космического масштаба. Оно есть интеллект Космоса, Земли, Биосферы. Его функция – управление будущим через управление гармонией Творчества Человека и Творчества Природы – Онтологического Творчества. Императив выживаемости, стоящий перед человечеством, – это императив скачка в космогоническом собственном самоопределении, за которым последует и биосферное самоопределение, и цивилизационное самоопределение. Это самоопределение есть переход к Тотальной Неклассичности будущего бытия человечества, в котором Неклассичность означает преодоление человеком, человеческой культурой, образованием, наукой собственного отчуждения от Истории и Космического Бытия. Это означает возложение на себя Ответственности за будущее Природы на Земле, а значит и за свое собственное будущее. Иначе, в Неразумном Энергетизме современной цивилизации лежат источники её смерти.

Тотальная Неклассичность будущего бытия человечества – и есть Ноосферизм, как новый путь развития, как ноосферная история, т.е. научно управляемая социоприродная эволюция, в свою очередь, предполагающая как свой базис – Ноосферный Экологический Духовный Социализм³, научно-образовательное общество как общество, обеспечивающее реализацию Закона опережающего развития качества человека, качества образовательных систем и качества общественного интеллекта, в том числе реализующее возвышение Разума человека на уровень Ноосферного Разума, что означает выполнение миссии наступившей Эпохи Великого Эволюционного Перелома – Родов Действительного Разума.

³ Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма / Под научн. ред. д.ф.н., проф. В.Е. Егоркина. СПб.: Астерион. 2011. 108 с.

Третий тезис. Философская система Ноосферизма проходит своё становление под «давлением» императива преодоления «Барьера Сложности», который возник одновременно перед познающим мир коллективным разумом человечества, в том числе и перед Наукой, Философией, Культурой, – как отражение процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, – и, соответственно, процессов экологической гибели этого «Разума».

Обрести «разумность» человеческим разумом в XXI веке – это означает «стать ноосферным разумом», т.е. Разумом, способным научно управлять социоприродной эволюцией. Обретение человеческим разумом в XXI веке качества ноосферного разума – и есть «Роды Действительного Разума», которые есть ещё одна миссия Эпохи Великого Эволюционного Перелома. Действительный разум – это и есть «Управляющий разум» (он же – «общественный интеллект»), опирающийся на ноосферогенетический синтез всех наук (Ноосферизм), и поэтому способный осуществить научное управление Социо-Биосферной, или социоприродной, эволюцией, преодолевая сложившийся «Барьер Сложности».

«Барьер Сложности» возник потому, что скачок в энергетической мощи мирохозяйственно-го воздействия на Биосферу и планету Земля на 7-мь порядков в XX-ом веке перешел в скачок в сложности, в многообразии социоприродных отношений, которые перешли в глобальный экологический кризис в системе <Человечество – Биосфера – Земля>. Проявился, как важный момент Большой Логике Социоприродной Эволюции, Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса (или соответствия), который формулируется так: чем больше по энергетической мощи воздействие хозяйства (экономики), социальной системы (общества, человечества) на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов, тем с большим лагом упреждения должно быть обеспечено предвидение (прогнозирование) возможных негативных экологических последствий от такого воздействия, с таким же (не меньшим) лагом упреждения должно быть обеспечено научное управление социоприродной эволюцией, а это в свою очередь требует ноосферного синтеза науки и власти, становления научно-образовательного общества и на его базе – ноосферного государства.

Бытие человека на Земле, и затем – в Космосе, становится ноосферным бытием, т.е. бытием человека как Ноосферного разума, делающим «разумным» не только собственное бытие человека, но и бытие Биосферы и планеты Земля, поскольку

ку оно приобретает содержание научно управляемой Социо-Биосферной Эволюции.

Четвертый тезис. В XXI веке за дело упразднения частной собственности и всей рыночно-капиталистической системы хозяйственного природопользования «взялась» Природа, именно как «Субъект», причём заговорившей с человечеством на «языке» процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Это означает, что «действительное разрешение противоречия между человеком и природой», на которое обращал внимание К. Маркс более 170 лет назад, уже принявшее форму процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы к концу XX-го века, и есть Ноосферизм как новый путь развития, как Социализм нового качества, а именно Ноосферный Экологический Духовный Социализм, берущий миссию обеспечения снятия такого противоречия через переход Биосферы в Ноосферу, которая и означает научное управление Социо-Биосферной Эволюцией.

Философская система Ноосферизма, рождающаяся в России, тесно связана со всей теоретической системой Ноосферизма, и выполняет важную функцию – функцию философского обеспечения ноосферогенетического синтеза всех наук.

Пятый тезис. Становление философской системы Ноосферизма – необходимый процесс, сопровождающий становление в России ноосферного образования, как важнейшего механизма Ноосферного Прорыва из России всего человечества в XXI веке. Научная школа Ноосферизма, Ноосферная общественная академия наук ведут огромную работу в этом направлении⁴.

⁴ Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы / А.И. Субетто; [Под научн. ред. д-ра философ.н. Л.А. Зеленова]. СПб.: Астерион, 2012. 76 с.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома – это не только «Роды Действительного Разума», и значит – «действительных философии, науки, образования, культуры», именно как ноосферных, но и переход от Истории на базе доминирования Закона Конкуренции – к Истории на базе доминирования Закона Кооперации, которая только и может стать Ноосферной Историей, в которой действует Ноосферный Общественный Интеллект как механизм научного управления социо-природной эволюцией.

Весь XXI век станет Ноосферной Революцией, включающей в себя и Ноосферную Человеческую и Ноосферную Социалистическую революции. Глобальный империализм строя мировой финансовой капиталократии вошёл в эпоху своей агонии. И Россия, которая ведёт войну с «Западом» на Украине, де-факто, становится лидером грядущих ноосферных преобразований мира!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

УДК 330.59,369.011.4

EDN: [XYPVS](#)

Универсальный базовый доход: шанс для России?

Вячеслав Николаевич Бобков¹, Елена Валерьевна Одинцова²

^{1,2} Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

^{1,2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

¹ (bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² (odin_ev@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>)

Для цитирования: Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Универсальный базовый доход: шанс для России? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 141–143. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_1_12_141_143

Опубликована монография: Универсальный базовый доход: шанс для России?: [монография] / В.Н. Бобков, [и др.]; под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова. Ижевск: Шелест, 2022. 360 с. ISBN 978-5-6048876-5-3. DOI: 10.21686/978-5-6048876-5-3-2022.

Авторский коллектив монографии: В. И. Антипов (гл. 15); В. Н. Бобков (гл. 1,2,5,6,7,13,15, заключение, резюме); А. В. Золотов (гл. 1,3,10,14); С. А. Золотов (гл. 5,9,14, резюме); И. Б. Колмаков (гл. 15); Ю. Г. Одегов (гл. 3); Е. В. Одинцова (гл. 1,6,7,8,12,15); В. В. Павлова (гл. 3,5); Л. С. Теленная (гл. 3); Е. А. Черных (гл. 4,5,7,8,11, резюме).

Монография обобщает основные результаты научного проекта «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России» (№20-010-00271), выполненного в 2020–2022 гг. по гранту Российского фонда фундаментальных исследований в Научном центре экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Результаты исследования излагаются в монографии последовательно: от общего к частному, от теории к методологическим и практическим рекомендациям, и структурированы в 5 разделов, раскрывающих проблематику универсального базового дохода (УБД). Первый раздел посвящён теоретико-методологическим основам изучения УБД. Во втором разделе рассмотрены современное состояние исследований и страновые эксперименты по введению УБД. В третьем разделе монографии представлены оценки российских экспертов и целевых категорий населения о УБД и его переходных формах (БД), готовности России к их введению, практических аспектах и потенциальных последствиях имплементации БД. Четвёртый раздел монографии посвящён выявлению влияния характеристик социально-демографического и социально-экономического профиля целевых категорий населения на предпочитаемые ими схемы введения БД. Завершают монографию постановка и моделирование экспериментов по введению БД в России.

I. Основные теоретико-методологические положения об универсальном базовом доходе (УБД)

Авторами раскрываются теоретические предпосылки развития форм социальной поддержки населения; обосновывается вызревание условий для перехода от её адресности к расширению универсальности и безусловности социальных выплат; аргументируется, что УБД является категорией, которая, скорее всего, будет постепенно раскрывать свою сущность, проходя трансформацию через переходные формы – базовый доход (БД) и безусловный базовый доход (ББД) к своей универсальной форме (УБД) из-за неготовности экономик и сознания людей к быстрой трансформации действующих институтов политического, экономического и социального развития.

Проведено сопоставление принципиально разных парадигм влияния введения УБД на преобразование обществ. Если УБД является инструментом, который ведёт к постепенному преодолению отчуждения людей от национального богатства, то, в перспективе, его введение, возможно, приведёт к полному отрицанию общественной системы, основанной на отчуждении. Если же, наоборот, УБД является основанием распределения «минимальной ренты», которой будут довольствоваться по-прежнему зависимые от собственника люди, то это лишь новый инструмент приспособления системы эксплуатации труда капиталом. Рассмотрены причины, обуславливающие введение УБД; проблемы, которые решаются с его выплатами и новые противоречия, которые возникают в обществе и государстве, в сферах труда и занятости, уровня и качества жизни. Анализируются экономические источники и ограничения введения УБД.

Авторы показывают, что возможны две траектории трансформации российского рынка труда: либо углубление имущественного расслоения населения, либо потребуется реализовать УБД, первоначально в его переходных формах (БД) с тем, чтобы смягчить существующие на рынке труда проблемы, особенно, для категорий работников с неустойчивой занятостью, потому что проблемы занятости являются в России одними из наиболее острых.

II. Современное состояние исследований и страновые эксперименты по введению УБД

Проведён обзор исторических и современных зарубежных и российских исследований УБД, посвящённых его политическому и идеологическому контекстам; раскрывающих влияние на занятость и смягчение технологической безработи-

цы; аргументирующих механизмы введения УБД. Проанализированы наиболее полные на сегодняшний день международные эксперименты по выплате БД. Проведена следующая группировка экспериментов по источникам прямых денежных выплат, их влиянию на удовлетворение базовых потребностей, охвату получателей и размерам:

1. Отрицательный подоходный налог;
2. Социальные дивиденды;
3. Гарантированный минимальный доход (ГМД);
4. Поддержка уязвимых групп населения;
5. Денежные выплаты в период чрезвычайных ситуаций: на примере пандемии COVID-19.

III. Российские эксперты и целевые категории населения о БД

Обобщены основные результаты опросов, проведённых авторами по проблематике БД среди 1) экспертов (52 чел.), представляющих научно-образовательное сообщество, работодателей, а также профсоюзы и органы государственной власти (2020 г.) и 2) целевых категорий населения (малоимущие семьи с детьми; выпускники средних профессиональных учебных заведений при переходе от учёбы к первому месту работы; неустойчиво занятые с большим спектром показателей неустойчивости занятости; всего – 1210 чел.) (2021 г.).

Проведён анализ собранных в ходе опросов российских экспертов и целевых категорий населения данных по следующим направлениям: 1) практические аспекты введения БД в России – готовность России к введению БД, цели введения БД, формы и целесообразный способ реализации БД в России и его соотношение с существующей системой социальной поддержки, источники финансирования БД, потенциальные риски и позитивные эффекты при введении БД; 2) потенциальное влияние введения БД на сферу занятости – а) экспертные сценарии трансформации сферы занятости; б) оценки целевых категорий населения относительно влияния БД на сферу занятости; в) потенциальные персональные стратегии в сфере занятости и преимущества в сфере уровня и качества жизни при получении БД для представителей целевых категорий населения.

IV. Влияние характеристик целевых категорий населения на предпочитаемые ими схемы переходных форм УБД (БД) и потенциальные стратегии в сфере занятости при получении БД

Проанализированы предпочитаемые схемы переходных форм УБД (БД) и потенциальные стратегии в сфере занятости при получении БД

для целевых категорий населения. В качестве целевых категорий авторами выделены: 1) выпускники средних специальных учебных заведений (ССУЗов); 2) внутренние трудовые мигранты и 3) платформенные работники, относящиеся к категории неустойчиво занятых; 4) малоимущие семьи с детьми.

Предпочитаемые схемы БД рассмотрены в зависимости от социально-демографического (пол, возраст, уровень образования и наличие на иждивении детей до 18 лет) и социально-экономического профиля (наличие занятости, уровень душевых доходов в домохозяйствах) целевых категорий населения. Потенциальные стратегии в сфере занятости при получении БД для целевых категорий населения рассматривались с учётом социально-демографического профиля (пол, возраст, уровень образования и наличие на иждивении детей до 18 лет) и характеристик текущей занятости (статус основной занятости, уровень доходов от занятости, наличие и степень прекаризованности условий занятости).

V. Постановка и моделирование экспериментов по введению БД в России

Проведена краткая характеристика возможных инструментов тестирования введения БД. Описаны параметры схем его установления для зарегистрированных безработных в увязке с поддержкой включения их в сферу занятости; для выпускников учебных заведений (общеобразовательных школ, профессиональных начальных, средних специальных и высших) при переходе от учёбы к первому месту работы с целью сокращения неустойчивой занятости; для других категорий лиц с высокой концентрацией признаков неустойчивой занятости; для наиболее уязвимых групп малоимущих домохозяйств с целью их адресной социальной поддержки.

Авторами также обобщены формы выплат БД в России и зарубежных странах в период острой фазы COVID-2019 с целью поддержки работников и домохозяйств, попавших в трудную жизненную ситуацию. Показано, что этот период обнаружил преимущество принципа безусловности над принципом адресной поддержки. Как оказалось, в таких ситуациях теряет свою значимость довод о неизбежности инфляции при увеличении объёмов социальных трансфертов населению; становится неочевидной необходимость предварительного тестирования мер, ведущих к более

последовательной реализации принципов, присутствующих УБД. Всё это, по мнению авторов, приближает перспективу его введения.

Проанализированы на основе отечественной экспертно-имитационной динамической модели макроэкономические последствия предлагаемого авторами перечня мероприятий по введению выплат БД для решения трёх взаимосвязанных задач повышения уровня и качества жизни уязвимых категорий населения и домохозяйств. Авторами сделан вывод о реальности реализации «программы БД» в нашей стране. Показано, что предложенные программы применения БД существенно ускорят экономическое и социальное развитие России.

По итогам исследования в заключении монографии авторами сделаны акценты на необходимости развития научных исследований и общественно-политической дискуссии о реализации концепции УБД; предложены рекомендации для российских федеральных и региональных органов власти в части пилотной апробации инструментария УБД.

	X	
X		X

Основная часть авторского коллектива монографии – участники научного проекта «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России» (№20-010-00271). Научный проект, выполненный на базе Научного центра экономики труда в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова, объединил для исследования проблематики УБД учёных Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (д.э.н. Бобков В.Н. (руководитель научного проекта), д.э.н. Одегов Ю.Г., к.э.н. Одинцова Е.В. (ответственный исполнитель проекта), к.э.н. Павлова В.В., Теленная Л.С., к.э.н. Черных Е.А.), Института проблем управления РАН (к.ф.-м.н. Антипов В.И), Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (д.э.н. Золотов А.В., к.с.н. Золотов С.А.), независимого исследователя д.э.н. Колмакова И.Б.

Монография адресована специалистам, аспирантам и студентам, занимающимся проблемами труда и занятости, повышения уровня и качества жизни.

МАЛИКОВ НИКОЛАЙ СЕРАФИМОВИЧ

Кандидат философских наук.
Награждён тремя медалями СССР.
Почетный работник Минтруда России
Родился в 1942 году.

В 1964 году закончил Рязанский государственный педагогический институт. С 1965 по 1977 год – секретарь комитета комсомола профтехучилища, заведующий отделом, секретарь горкома, секретарь обкома комсомола Рязанской областной комсомольской организации. 1977–1982 год – ответственный работник ЦК ВЛКСМ, куратор проблем трудового воспитания детей и подростков. Инициатор Всесоюзной пионерской пятилетки трудовых дел. 1982–1985 год – эксперт при ЦК Союза молодежи Народной Республики Конго. 1985–1991 год – аспирант, старший преподаватель Института Молодёжи при ЦК ВЛКСМ. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам международного молодёжного движения.

Маликов Николай Серафимович был в числе первых научных сотрудников, приглашённых на работу во вновь созданную в 1990 году по решению Правительства России при Минтруда России научно-исследовательскую организацию «Всероссийский центр уровня жизни (ВЦУЖ)», и внёс большой вклад в его работу. С 1991 по 2004 год – учёный секретарь ВЦУЖ. С 2004 г. по 2009 г. – заведующий издательским отделом ВЦУЖ. С 2009 по 2012 год – заведующий отделом проблем социального развития ВЦУЖ.

Специалист по проблемам социального развития и социальной политики, качества населения, качества жизни, человеческого потенциала и демографического развития, социальной защиты и социальной поддержки населения. Общий объём публикаций 90 п.л.

Научный руководитель более 20 научно-исследовательских проектов по заказам Минтруда и Минсоцразвития России, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального собрания России, а также исполнительной и законодательной власти ряда регионов России, включая г. Москва. Руководитель нескольких аспирантов, успешно защитивших диссертации.

Инициатор и организатор выпуска первых в постсоветской России словаря «Социальная политика, уровень и качество жизни» М.: ВЦУЖ. 2001 г. и коллективной монографии «Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.)» М.: ВЦУЖ, 2007. – 719 с. Один из основных организаторов ежегодного выпуска, начиная с 1995 года общероссийского Мониторинга доходов и уровня жизни населения Российской Федерации, создания во ВЦУЖ аспирантуры, докторантуры и Диссертационного Совета, послевузовского образования (повышение квалификации и профессиональная переподготовка) федеральных и региональных кадров органов по труду, занятости и социальной защите населения.

С непосредственным участием Маликова Николая Серафимовича в 1993 году был создан общероссийский научно-практический журнал «Уровень жизни населения регионов России», в котором он долгие годы был заместителем главного редактора. Являлся не только организатором ежемесячных, а затем, ежеквартальных выпусков журнала, но и постоянным его автором. В это время журнал был включён в список рецензируемых журналов ВАК Минобрнауки России.

После ухода в 2013 году на пенсию Маликов Николай Серафимович работал над авторской рукописью «Качество населения и качество его жизни в России», отдельные части которой редакция опубликует в виде статей в журнале «Уровень жизни населения регионов России».

Светлая память о Маликове Николае Серафимовиче навсегда сохранится в сердцах родных и близких, земляков-рязанцев, друзей и коллег по работе.

*От редакции журнала:
главный редактор,
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ
В.Н. Бобков*

Уважаемые читатели!

Журнал «Уровень жизни населения регионов России» включён в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

Основные тематические рубрики по номенклатуре ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал распределён по коэффициенту научной значимости в первую категорию (**К1**), включён в библиографическую базу данных научных публикаций российских учёных (**РИНЦ**).

ISSN 1999-9836 (print); 2713-3397 (online)

На странице журнала

<https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

опубликована подробная информация о порядке рецензирования, публикационной этике, представлены архивы выпусков.

Отправить рукопись можно по адресу vcugjournal@mail.ru.

Статьи в журнале публикуются бесплатно, гонорары не выплачиваются.

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются. Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причинённый третьим лицам в случае направления в редакцию материалов, нарушающих этические нормы и/или авторские права. Окончательное решение о публикации материала принимает редакционная коллегия.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- автор отказался от рекомендованной редакционной коллегией доработки рукописи по итогам рецензирования или не исправил статью в назначенный срок;
- текст не прошёл проверку на плагиат (больше 20% заимствований).

Контакты редакции:

Нахимовский проспект, д. 32, Москва, 117218

Телефон +7 (499)125-84-45

E-mail главного редактора: bobkovvn@mail.ru

E-mail редакции: vcugjournal@mail.ru

Индекс журнала в каталоге «Урал-пресс» – **71187**

